

Борис Грибанов

**Для
президента**

Борис Грибанов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

**ББК 84Р7
Г82**

**Г 4702010200-103
068(02)-84 БЗВ № 13-2-83**

© Воениздат, 1984

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю повесть основана на подлинных фактах и документах. Зашифрованные записи полковника Лафайетта Бейкера были обнаружены американским историком-любителем Реем Неффом. Описание его находки и последующих исследований было впервые опубликовано в журнале «Сивил уор таймс» в августе 1961 года. Тексты всех этих документов приводятся по книге Дж. Коттрелла «Анатомия убийства» (Лондон, 1966).

Обстоятельства убийства президента Линкольна и последовавшие за ним события реконструированы на основании последних исследований американских ученых.

14 апреля 1865 года 16-й президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн был застрелен в Вашингтоне актером Джоном Бутом. 26 апреля того же года убийца президента был настигнут в штате Виргиния военным отрядом. Несмотря на приказ взять убийцу живым, он был застрелен при невыясненных обстоятельствах.

Из учебника истории

22 ноября 1963 года 35-й президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди был застрелен в городе Далласе. На следующий день в далласской тюрьме предполагаемый убийца Ли Освальд, находясь под строгой охраной, был застрелен Джеком Руби, известным своими связями с преступным миром.

Из газетных сообщений

У Соединенных Штатов самая кровавая и самая насыщенная насилием история из всех развитых стран.

ФИЛИП ТАФТ,
профессор истории университета в Буффало

Все началось с букинистического магазина Лэри. Билл Саундрелл любил заглядывать туда. Ему нравился этот старинный-привемистый кирпичный дом, так упорно отстаивающий свое место в центре Филадельфии среди зажавших его высоченных гигантов, сверкающих стеклом и сталью. Да и

внутри, в самом магазине, все дышало стариной. Здесь не было ярких, слепящих ламп, крикливой рекламы. На стеллажах из темного дерева чинно стояли солидные книги, вокруг низких столиков располагались уютные кресла, сидя в которых так удобно перелистывать заинтересовавшее тебя издание. И посетители магазина Лэри были особые — тихие, немногословные, как правило, пожилые люди, истинные любители книги. И продавцы знали своих постоянных покупателей, знали их вкусы и что следует им предложить.

Здесь, у Лэри, Билл Саундрелл не раз задумывался, почему людей так тянет к прошлому, к старинным книгам, к старинным вещам. У кого-то из писателей он натолкнулся на понравившуюся ему мысль: человечество тоскует по своему прошлому.

Самому Саундреллу это смутное, но сильное чувство было хорошо знакомо. Оно владело им с детства. Потом уже, когда развернется вся эта история, Билл не раз будет вспоминать, что одной из первых книг, поразивших его детское воображение, была биография президента Линкольна, называвшаяся «От бревенчатой хижины до Белого дома». Может быть, именно тогда он понял, что единственное дело, которым он по-настоящему хочет заниматься в жизни, — это история.

Однако жизнь распорядилась иначе. Или, если уж говорить точнее, распорядился его отец. Но разве мог Билл хоть в чем-то винить отца, которого так нежно и безоглядно любил? Матери Билл не знал — она сбежала из дома с заезжим автогонщиком, когда мальчику не исполнилось и года. После этого отец больше не женился и всю доброту своего сердца отдал сыну. Он вынянчил Билла, сидел у его постели ночами, когда тот болел, и неизменно терпеливо отвечал на все детские вопросы. Они были самыми близкими друзьями, по-мужски откровенными друг с другом, заботливыми, верными товарищами.

В маленьком поселке на Далеком Западе, где они жили, отец владел аптекой. Впрочем, это была не простая аптека — ее можно назвать культурным центром сельской округи. Помимо лекарств тут продавались сладости, сигареты, дешевые книжки в ярких бумажных обложках. По вечерам сюда съезжались окрестные фермеры выпить чашечку кофе или бутылочку кока-колы, посмотреть по телевизору бейсбольный матч, поболтать, обменяться новостями и сплетнями.

Но все это считалось, так сказать, неизбежным приложением. Любимым же делом отца была фармацевтика. Он не очень доверял модным патентованным средствам, хотя по необходимости и торговал ими, и отдавал предпочтение старым

испытанным лекарствам, приготавливаемым, как и века назад, простыми аптекарями. Он даже уверял, что аптекари гораздо нужнее людям, чем врачи.

Так или иначе, но отец хотел видеть своего сына только фармацевтом, и никем иным. И Билл Саундрелл подчинился желанию отца. Он поступил на химический факультет Пенсильванского университета — одного из самых старинных университетов Соединенных Штатов (даже в этом выборе сказалось его пристрастие к старине), окончил его с отличием и был оставлен на кафедре преподавателем. Человек серьезный, с сильно развитым чувством долга, если уж он брался за что-то, то делал это основательно. Потом отец умер, но Билл Саундрелл, считая, что менять профессию вроде бы поздно, продолжал добросовестно выполнять свои преподавательские обязанности.

Однако все свободное время Билл отдавал любимой истории. Сколько прекрасных часов провел он в букинистическом магазине Лэри, выискивая старинные труды по истории, сколько радости доставляла ему находка какой-нибудь пожелтевшей от времени мореходной карты. Фантазия разыгрывалась, он пускался в увлекательнейшие путешествия, исполненные опасных приключений, с любовными драмами, с поисками кладов. Впрочем, Билл Саундрелл стеснялся этих детских пристрастий. «Ты так и не вырос из коротких штанишек — типичный случай затянувшегося инфантилизма», — корил он себя и уж тем более не рассказывал об этом своим друзьям.

Вот и сегодня Билл Саундрелл рылся в новых поступлениях букинистического магазина Лэри. Ничего интересного не попадалось. Разве что английский военный журнал «Колбарн юнайтед сервис мэгэзин» за 1864 год. Билл с сомнением пролистал переплетенный каким-то любителем том, огорчился, что номера журнала только за вторую половину года — как истинный библиофил, он предпочитал иметь полные комплекты. Но Саундрелл не привык уходить отсюда с пустыми руками, и он решил купить эту подшивку, тем более что стоила она всего 50 центов.

Дома Билл небрежно бросил свою покупку на журнальный столик и погрузился в домашние заботы. Дело в том, что Саундрелл в свои тридцать два года все еще не был женат. Нельзя сказать, что он не нравился девушкам, как раз наоборот — у него было все, чтобы пользоваться успехом: хороший рост, спортивная фигура, приятное, чуть мальчишеское лицо, — да и он не обделял своим вниманием хорошеньких девиц. Но одно дело провести с какой-нибудь из них при-

ятный вечер и даже ночь, и совсем другое — жениться. Слишком близка была Биллу душевная драма, пережитая его отцом. И свои переживания детских лет тоже забыть не мог: у всех матери; а у него нет. Среди сверстников всегда находились те, что кричали ему вслед: «Твоя мать шлюха, она тебя бросила!»

Кроме того, Биллу просто нравилась холостяцкая жизнь. Он любил свою уютную квартирку в университетском городке, где среди зелени виднелись старинные кирпичные здания, теннисные корты, бассейн. Машинам сюда въезд был запрещен, и царившую обычно тишину оглашали лишь веселые голоса студентов. Университетский городок представлялся Биллу Саундреллу таким оазисом среди шумного, беспорядочного и плохо устроенного внешнего мира, а собственная квартирка — еще более тихой обителью в этом оазисе. Даже странно было подумать, что в его обители может поселиться какая-то женщина, со своими привычками, которая станет раскидывать на креслах платья или чулки, сбрасывать книги со столика или ставить на полки не в том порядке, который выработал их хозяин. А что касается домашней работы, то Билл привык к ней с детства и не видел в ней ничего зазорного. Более того, ему просто было приятно стоять у плиты и готовить какие-нибудь замысловатые блюда, а потом угощать ими друзей, нравилось вытирать пыль со своих книг. Словом, можно было бы сказать, что Билл Саундрелл представлял собой тип убежденного холостяка, если бы не определенные обстоятельства последнего времени, сильно пошатнувшие его убеждения на этот счет.

Покончив с домашними делами, Билл удобно расположился в любимом глубоком кресле, неторопливо, со вкусом раскурил трубку — это входило в ритуал — и принялся листать только что купленный журнал.

Журнал оказался малоинтересным, и Саундрелл, разочаровавшись, уже собирался было взяться за какую-нибудь другую книгу, как вдруг на одной из страниц его внимание привлекли цифры и буквы, написанные карандашом на полях. «А ведь это похоже на шифр!» — подумал Билл и стал внимательно исследовать страницу за страницей. Тайнственные цифры и буквы оказались и на других листах. Чернила выцвели, да и почерк выглядел старомодным.

Саундрелл раскурил потухшую трубку и решил, чтобы успокоиться, сварить себе кофе.

Много ли найдется взрослых, в душе которых не жила бы затаившаяся с детства мечта о великой тайне, которую тебе удастся раскрыть? Мальчиком Билл множество раз перечи-

тывал рассказ Эдгара По «Золотой жук», в фантазиях своих представляя, как он тоже найдет старинный пергамент, где будет зашифровано место зарытых пиратами сокровищ. Став взрослым, с жадностью проглатывал сообщения о раскопках старинных храмов в джунглях Центральной Америки, гипотезы о следах, возможно оставленных на земле инопланетянами, подробности находки кумранских рукописей, сенсационные новости о найденных в глубинах морей испанских каравелл с грузом золота. История хранит столько загадок, в ней столько темных мест и нераскрытых тайн!

Билл посмеивался над собой, но мечта, мальчишеская мечта, что ему когда-нибудь повезет и он откроет одну из тайн истории и прославит свое имя, всегда жила в его душе. Рядом с именем великого Генриха Шлимана, который не был ни профессиональным археологом, ни историком, но с юных лет поставил перед собой фантастическую задачу: найти и раскопать гомеровскую Трою...

Кто знает, что содержат эти зашифрованные записи на полях старого журнала? Не станет же человек зашифровывать какую-нибудь ерунду! А если тайна? Одна из тех, о которых он мечтал с детства?

Билл, сдерживая волнение, склонился над журналом. Время остановилось для него, и весь мир сузился до размера журнальной страницы. Звонок в прихожей вернул его к действительности. На пороге стояли Стив Чейз и Джин Карри.

— Что тут происходит? — поинтересовалась Джин, разглядывая испещренные цифрами и буквами листки бумаги, которыми был завален весь стол.

— Я натолкнулся на загадочный шифр! — торжествующе объявил Билл.

Стив Чейз спокойно просмотрел подшивку журнала и все страницы, на которых имелись таинственные карандашные записи. Во всем, что делал Стив Чейз, чувствовалась обстоятельность. Рядом с порывистым, подтянутым Биллом Стив явно проигрывал. Был он ровесником Саундрелла, но выглядел значительно старше, видимо, оттого, что рано пополнил и начал лысеть. И все же Билл Саундрелл порой ловил себя на мысли, что завидует другу: Стив был историком! По мнению Билла, это достоинство могло с лихвой покрыть недостатки, куда более существенные, чем ранняя полнота и лысина. На историческом факультете, где работал Чейз, профессора возлагали на него большие надежды. Говорили о его остром аналитическом уме, широте кругозора, редком умении взглянуть на исторический факт с совершенно неожиданной точки зрения.

Помимо общей любви к истории Билла Саундрелла и Стива Чейза объединял, а может быть, в какой-то степени и разъединял интерес к присутствовавшему здесь третьему члену их компании — рыжеволосой и веснушчатой Джин Карри. Джин была уроженкой Нового Орлеана, там она училась в Луизианском университете, потом вдруг неожиданно бросила его и уехала в Филадельфию. Однажды у них зашел разговор о причинах этого переезда, но Джин, всегда такая веселая, тотчас замкнулась, дав понять, что этот разговор ей неприятен. Видимо, замешан какой-нибудь мужчина, решили ее друзья и с тех пор деликатно обходили эту тему.

Джин кончала юридический факультет, но мечтала стать писательницей. Стив Чейз, подтрунивая, утверждал, что из них троих он единственный серьезный человек, поскольку занимается именно тем делом, к которому его готовили, они же — фантазеры, готовые при первом удобном случае бросить свою профессию.

— Имей в виду, Джин, — как-то сказал он, — в этой комнате только я — человек положительный. Когда надумаешь выходить замуж, лучшего кандидата на должность мужа тебе не найти.

— Когда у меня возникнет такое безумное намерение, — засмеялась Джин, — выставь официально свою кандидатуру. Выбрать мужа не проще, чем выбрать президента. Вот и рассмотрим твою кандидатуру наряду с прочими, как положено в нашей свободной стране: Ты, кажется, демократ? Ну что ж, используй опыт своей партии...

— Тогда я наверняка не пройду, — уныло откликнулся Стив Чейз. — В закулисных интригах и сделках я окажусь лишним, меня вышвырнут раньше, чем начнется баллотировка.

Они шутливо препирались и по дороге к Биллу, но сейчас им было не до шуток. Эти непонятные цифры и буквы, написанные неизвестно когда и неизвестно кем, завораживали.

— Не иметь мне теперь покоя ни днем ни ночью, пока не разгадаю шифр, — вырвалась у Билла Саундрелла не то жалоба, не то клятва.

— Друг мой, — чуть снисходительно заметил Стив Чейз, — в любом деле нужно быть профессионалом. Любители обычно только путают картину. У меня на математическом факультете есть приятель, специалист по криптографии. Давай тебя с ним познакомлю, и мы попросим его заняться твоим шифром. Но я советую тебе не строить иллюзий. Ты сейчас думаешь: «Мне выпала удача. В этих записях скрыта великая тайна истории!» А потом окажется, что

некий любитель тайн зашифровывал список дам своего сердца или потаенные расходы, которые он хотел скрыть от бдительной супруги.

— Думать так — все равно что идти в бой с мыслью о неизбежном поражении, — запальчиво сказал Билл. — В таком случае поражение действительно неизбежно. Нет, что бы там ни было — расходы на любовниц или данные о космических пришельцах, — вперед! И мы победим! Я уверен, что нет таких исторических загадок, которые нельзя было бы разгадать. Нужно только дьявольское терпение и немножко везенья.

— Мне жаль огорчать тебя, Билл, но ты заблуждаешься. Поверь мне, профессиональному историку. История нашпигована загадками, как хорошая баранья нога чесночинками. И мы с удовольствием проглатываем эти чесночинки — они возбуждают наш аппетит, не более того. Загадки остаются загадками. Они лишь будоражат наше воображение. Впрочем, кое-кто получает от этого пользу. Историки, например, которые годами ковыряются в архивах в надежде откопать какой-нибудь документик, приоткрывающий завесу тайны, или досужие литераторы, сочиняющие собственные фантастические версии, ни на чем не основанные.

— Нет, старина, тысячу раз нет. Существует же наука история! А у древних муза истории — Клио?! Прости, что я об этом говорю тебе, историку.

— Милый мой идеалист, ты забываешь, что история не относится к числу точных наук. Неопровержимой и безупречной может быть только математическая или физическая формула. В твоей химии тоже есть точные формулы. И как бы древние ни изображали эту самую Клио, но мне она представляется портовой шлюхой, которую каждый употребляет как хочет.

— Знаешь, Стив, есть всему пределы, даже твоему цинизму!

— Может, пределы цинизму и есть, а вот тому безобразию, которое люди во все времена творили с историей, пределов нет. Что является единственным источником для историка? Только документ. А что такое документ? Всего лишь клочок бумаги. Его можно уничтожить, можно подделать. На худой конец — запрятать в государственных архивах с грифом «секретно», и тогда он становится недоступным для историков.

— Но ведь кроме документов остаются свидетельства очевидцев, — робко возразила Джин.

— Джин Карри, вы меня удивляете! — патетически вос-

кликнул Стив. — И еще готовитесь стать юристом! Чему вас учат? Нет на свете ничего более ненадежного, чем свидетели. Во-первых, никто не врет с такой охотой, как очевидцы, — это широко известно. Во-вторых, свидетель — только человек, и, следовательно, его можно купить, запугать или — что всего надежнее — просто убить. Примеры? Не слишком ли поспешно стали один за другим покидать наш бранный мир неугодные свидетели, которые были хоть как-то связаны с убийством президента Кеннеди?

При этих словах Джин вдруг зябко передернула плечами, порывисто встала и отошла к окну. Наблюдательному Стиву Чейзу показалось даже, что она побледнела, от чего ее милые веснушки как будто еще ярче засветились на лице. Он хотел было спросить ее, не стало ли ей прохладно, но тут же резонно решил, что тогда незачем подходить к открытому окну.

А Билл, увлеченный спором и ничего не заметивший, продолжал атаковать Стива вопросами.

— Ты хочешь сказать, — допытывался он, — что подлинная история убийства Кеннеди так никогда и не будет раскрыта?

— Нет, почему же, — отозвался Стив. — Я не могу это утверждать. Я просто уверен в том, что организаторы заговора — а они, конечно, люди могущественные — сделали все, чтобы уничтожить следы преступления. Убит президент — и тотчас застрелен в тюрьме Ли Освальд, обвиняемый в убийстве. Весь мир в недоумении: как Джек Руби, известный своими связями с преступным миром, оказался рядом с Освальдом в тюрьме, куда и мышь без пропуска не проникнет? Весь мир задает вопрос: зачем один из полицейских сразу после выстрела Руби усердно массировал живот Освальду? Не для того ли, чтобы на все сто процентов обеспечить внутреннее кровоизлияние, а значит, и скорейший смертельный исход?

— Да, пример хоть куда, — сказал Билл. — Все концы в воду!

— Кто знает! Жизнь преподносит большие сюрпризы. Есть и другие примеры. Все, казалось бы, сделано, следы преступления замечены, но проходят годы, и вдруг выясняется: кого-то забыли уничтожить, или тот, кто был уничтожен, успел до своей гибели что-то рассказать, или в каком-нибудь совершенно неожиданном месте обнаруживается записка — ключ к раскрытию тайны.

— Значит, ты не отрицаешь, что загадка может быть разгадана? — настаивал Билл.

— Не отрицаю. Но ведь это — дело случая. Бывает и

так: находки только запутывают дело. Чтобы историк мог сделать окончательный вывод, у него должны быть неопровержимые доказательства, а они так редко попадают к нему в руки. И еще учти: настоящий историк не имеет права подходить к проблеме с заранее сложившейся концепцией. Иначе он неминуемо, даже подсознательно, будет отбирать именно те факты, которые подкрепляют его концепцию. А история должна быть объективной. Помнишь, как Хемингуэй говорил о совести писателя? Она должна быть столь же неизменной, как метр-эталон в Париже. Это относится и к историкам.

— Я ничего не слышала о Хемингуэе и о совести писателя, — тихим, ехидным голосом вставила Джин, которая уже вернулась в свое кресло, — но то, что у вас у обоих совести нет никакой, это уж точно. У вас в гостях дама, а вам и в голову не приходит, что после тенниса и бассейна она умирает с голоду.

— Боже мой, Стив! — воскликнул Билл. — Да ведь нас с тобой линчевать мало за такое невнимание. Сейчас, Джин, минуточку.

— Ты права, как всегда, Джин, — спокойно отозвался Стив. — Красивые женщины всегда правы. Это их привилегия. Я тоже проголодался. Билл, ты, наверное, тоже щелкаешь зубами? Споры — тоже работа, а работа, как известно, возбуждает аппетит. Кухня к твоим услугам, Джин!

— И этот человек еще думает, что я когда-нибудь выйду за него замуж! — с деланным возмущением воскликнула Джин. — Тебе не жена нужна, а черная бессловесная рабыня, которая исполняла бы все прихоти белого повелителя. Нет, господин председатель, я заявляю протест!

— Адвокат Карри, ваш протест отклонен. Идите и готовьте обед.

— Вот из кого выйдет идеальный муж, — кивнула Джин в сторону кухни, где Билл уже хлопотал возле электрической плиты.

— Если это главное, — отпарировал Стив, — то, по-моему, проще нанять прислугу.

— Стив, это нечестно! — крикнул из кухни Билл. — У нас же с тобой джентльменское соглашение: не будем говорить при этой леди друг о друге гадости.

— Прости, дружище. Но боюсь, пока мы будем соблюдать наше соглашение, появится какой-нибудь нахал и уведет от нас это рыжее сокровище.

— Очень может быть, — кокетливо заявила Джин, отправляясь к Биллу на кухню. — А ты, Стив, занялся бы кок-

тейлями. Вот твое настоящее призвание,— мстительно добавила она, вспомнив о насмешках Стива.

— Я готов бросить историю, стать барменом, лишь бы угодить тебе,— усмехнулся Стив.

— И все станет на свое место: ты — бармен, Билл — историк, а я — писатель. Господи! — вздохнула Джин. — Как было бы в самом деле замечательно, если бы эта шифровка содержала сенсацию! Тогда Биллу — премия от какого-нибудь общества... А может быть, даже Нобелевская! Билл бросает свою химию, занимается историей, я пишу сенсационный роман. И мы — богаты! Так хочется быть богатой, ни в чем себе не отказывать!

— Все это прекрасно,— сухо заметил Стив. — Только почему в этой схеме нет меня?

— В самом деле, прости, Стив,— смутилась Джин.

2

Прошло недели две, и в квартире Чейза раздался телефонный звонок. Звонил Билл Саундрелл.

— Стив, приходи немедленно! И захвати по дороге Джин. Твой знакомый расшифровал эти записи. Я не хочу притрагиваться к ним без вас, хотя умираю от нетерпения.

Когда друзья собрались, Билл с некоторой даже торжественностью вскрыл конверт, в котором было несколько листов с напечатанным на машинке текстом.

— «Шифр, имеющийся на страницах 181, 183 и 185—211,— начал читать Билл,— можно определить как подставной шифр со скользящими вариациями...» Да, ну его к черту, твоего приятеля, с его педантизмом! — взорвался Саундрелл.

— Нет, нет,— остановил его Чейз,— это профессионально и очень важно. Впоследствии может понадобиться.

— Ладно,— нехотя согласился Билл.— Читаю дальше. «Каждая буква записи подменяется другой буквой, причем система замены варьируется, чтобы затруднить расшифровку. Цифры обозначают окончания слов. Записи, расположенные на страницах 106—120 и продолжающиеся на страницах 126, 127 и 245, значительно проще. Карандашом проставлены точки под нужными буквами журнального текста».

— Я тебя прошу,— взмолилась Джин Кэрри,— читай текст.

Билл отложил страницу с заключением криптографа и взял следующую:

«2 мая 1868 года.

За мной постоянно следят. Они профессионалы. Я не могу обмануть их. В новом Риме было три человека: Иуда, Брут и Шпион. Каждый планировал, что он станет королем, когда Авраам умрет. Ни один из них не доверял остальным, они держались друг за друга до последнего дня, в ожидании того момента, когда один из сыновей Брута с револьвером в руке подкрадется сзади к обреченному человеку, чтобы всадить ему пулю в голову и убрать его нескладный труп в сторону. Когда рухнувший человек лежал, умирая, пришел Иуда и отдал дань почтения тому, кого ненавидел. Когда он увидел, что человек умер, то сказал: «Теперь он принадлежит векам, а нация принадлежит мне». Но, увы, судьба сложилась так, что Иуда постепенно утратил свое могущество, и Брут занял то место, которое ему было положено. Если кто-нибудь будет интересоваться, кто же был Шпионом, я могу сказать вам: это был я.

Лафайетт Бейкер».

— Бог мой,— прошептала Джин,— здесь скрыта какая-то страшная тайна. Я не совсем понимаю, о чем тут написано.

— Ну, это как раз предельно ясно,— сказал Стив.— Мы, конечно, не можем сейчас с уверенностью утверждать подлинность данной записи. Не исключено, что ее сочинил какой-нибудь шутник или любитель мистификаций. Но речь в ней идет о заговоре и убийстве президента Линкольна.

— Стив, а кто такой был этот Лафайетт Бейкер? — спросила Джин.

— Начальник тайной полиции при администрации Линкольна. Личность весьма колоритная. Я тебе потом расскажу о нем подробнее... Читай дальше, Билл.

— «Это было десятого апреля шестьдесят пятого, когда я впервые узнал, что план приводится в действие. Эккерт осуществлял все контакты. Убийство должно было произойти четырнадцатого. Я не знал личности убийцы, но мне было известно все остальное от Э. С., к которому я обратился по этому поводу. Он изобразил одновременно удивление и недоверие. Позднее он сказал: «Вы тоже соучастник. Давайте подождем и посмотрим, что из этого получится, тогда нам легче будет действовать». Вскоре я понял, что означали слова «Вы тоже соучастник», когда на следующий день мне показали документ—фальшивку, но умную фальшивку, из которой следовало, что я стою во главе заговора с целью похищения президента, а вице-президент выступает в роли под-

стрекателя. Так я стал соучастником этого дела, хотя и не хотел.

Тринадцатого он узнал, что президент приказал разрешить законодательному собранию Виргинии собраться с целью прекращения военных действий войск этого штата против Союза. Это известие вызвало у него приступ безумия. Тогда я впервые осознал его психическую неуравновешенность и фанатичную ненависть к президенту. В военном министерстве мало уважают президента и его стратегию, по там не так много людей, которые решились бы отменить приказ президента. Однако он в минуту безумия послал телеграмму генералу Вейцелю, отменяющую приказ президента от двенадцатого числа. Потом рассмеялся так, что у меня мороз прошел по коже, и сказал: «Если он захочет узнать, кто отменил приказ, мы позволим Люциферу сказать ему это. Идите, Эккерт, и проследите за всеми приготовлениями. Тут не может быть ошибки». Так я впервые узнал, что он один из тех, кто возглавляет заговор с целью убийства. Я всегда думал, что он не доверяет мне, поскольку он вообще никому не доверял, или прикрывает кого-то до тех пор, пока ему не будет выгодно раскрыть карты. Но теперь я знаю правду, и это бесконечно меня пугает. Я боюсь, что могу оказаться козлом отпущения.

В числе участников заговора было по крайней мере одиннадцать армейских офицеров, три офицера флота и двадцать четыре гражданских лица, из которых один был губернатором лояльного штата, пятеро — банкиры с высокой репутацией, трое — известные всей стране журналисты и одиннадцать — промышленники с большим капиталом. Вероятно, их было больше, чем я знал.

Имена известных мне заговорщиков приведены без комментариев и пометок в первом томе данного издания. Восемьдесят пять тысяч долларов было внесено названными лицами, чтобы оплатить это дело. Только восемь человек знали детали заговора и имена остальных.

Я боюсь за свою жизнь. Л. Б.»

3

Несколько минут все трое молчали — потребовалось какое-то время, чтобы осознать смысл странной и страшной исповеди, полной таинственных и мрачных намеков, привыкнуть к этому голосу, который прозвучал со страниц старого журнала.

Первым пришел в себя Билл Саундрелл.

— Друзья! — ликующе воскликнул он. — Да ведь это сенсация века! Вы представляете, что начнется, когда мы опубликуем эти записи? Светопреставление. Я уже вижу заголовки в газетах: «Правда об убийстве Линкольна!», «Существовал заговор с целью убийства президента!».

— Я могу предсказать тебе и другие заголовки, если ты поспешишь опубликовать шифровку, — спокойно заметил Стив Чейз. — «Жульническая фальсификация историка-любителя!», «Где доказательства того, что эти записи действительно были сделаны Лафайеттом Бейкером?», «Если даже предположить, что это писал Бейкер, где гарантия, что он писал правду?». А сколько насмешек вызовет фраза, что имена заговорщиков приведены в первом томе, которым мы не располагаем! Так что успокойся, не суетись. Дело это серьезное и требует научного подхода.

— Наверное, ты прав, — сникнув, согласился Саундрелл. — Ты вечно прав, и в этом есть что-то удручающе скучное. А честь великих открытий всегда принадлежит романтикам, которые верят в невозможное. Я просто чувствую: это написал Бейкер; заговор существовал! И не пожалею ни сил своих, ни времени, чтобы доказать подлинность этих записей.

— А я ведь не утверждаю, что это фальшивка, — отпарировал Чейз, — так же, как не могу сказать — пока, во всяком случае, — что записи подлинные. Просто хочу, чтобы ты понял, насколько это серьезное и ответственное дело. Более того, я готов предложить свою помощь. Да и Джин, наверное, не откажется.

— Конечно, — поспешно согласилась Джин: разговор шел как-то мимо нее, а она, как всякая женщина, любила быть в центре внимания. — Только, мальчики, я толком не поняла намеки Бейкера. Кто он был, этот Лафайетт Бейкер?

Чейз никогда персоной Бейкера специально не занимался, его познания в данном случае были самые общие и поверхностные, и тем не менее сведения, которые он сообщил, оказались довольно любопытными.

Лафайетт Бейкер был типичным авантюристом. Его карьера началась, когда вспыхнула война между Севером и Югом. Он был разведчиком северян на территории Конфедерации, потом полковником в кавалерийском полку и, наконец, связал свою судьбу с тайной полицией. Тут он, правда, слегка поскользнулся — обвинил одного молодого офицера в контрабандном провозе спиртных напитков, а тот сумел доказать, что это чистая клевета, и Бейкеру пришлось на время ретироваться.

Таланты Бейкера расцвели пышным цветом, когда в 1862 году Эдвин Стентон, назначенный военным министром, сделал Бейкера начальником федеральной тайной полиции. В руках полковника Бейкера (позднее он был даже произведен в генералы) оказалась практически неограниченная власть. Он подчинялся только Стентону, а военный министр уже через три недели после своего назначения добился от президента Линкольна приказа, предоставляющего военному министру право бесконтрольного ареста людей без какой-либо юридической процедуры. Вот тут-то детективы полковника Бейкера развернулись вовсю! Они превратились в страшную силу, творили любые бесчинства, врываются по ночам в частные дома, хватали людей и бросали их в вашингтонскую тюрьму Олд Кэпитол, где зачастую ни в чем не повинные жертвы подолгу томились без суда и следствия. В тайной полиции при полковнике Бейкере стали процветать шантаж и взяточничество. А это, в свою очередь, способствовало разгулу мошенничества и воровства. Поскольку стало известно, что за деньги можно купить себе неприкосновенность перед законом, множество людей пустились во все тяжкие, чтобы урвать для себя побольше кусок от государственного пирога.

— Так что, как видите, — сказал Чейз, закончив свой короткий рассказ, — полковник Бейкер отнюдь не был святым. Кстати, именно он, как глава тайной полиции, отвечал за безопасность президента, но, насколько я помню, не только не понес никакого наказания после убийства Линкольна, но и получил кругленькую сумму за организацию преследования убийцы.

— Разве не ясно, — воскликнул Билл Саундрелл, — что такой человек мог быть участником заговора?! Тем более что он сам признается в своей исповеди!

— Да, если допустить, повторяю, что записи действительно сделаны Бейкером. Это во-первых, а во-вторых, написал ли он правду? Дело в том, что полковник Бейкер не отличался правдивостью. Выйдя в отставку, он издал книгу «История тайной полиции Соединенных Штатов», в которой, по мнению историков, весьма вольно обращался с фактами, зато без всякого стеснения занимался возвеличиванием собственной персоны. Кстати, весьма полезно прочитать это сочинение.

— Послушай, Стив, — задумчиво сказал Саундрелл, — зачем Бейкеру нужно было зашифровывать эти свои признания? Ведь какие-то цели он преследовал?

— Вопрос правомерный. Если, конечно, записи сделаны

именно Бейкером. Боюсь, правда, что нам никогда не удастся это доказать. Мы можем лишь гадать. Бейкер пишет, что боится за свою жизнь. Он хочет, на случай если его убьют, навести на след тех людей, которые ему угрожали. Возможно, у него был какой-то близкий, знавший секрет шифра человек, к которому после смерти полковника должны были попасть эти журналы.

— Если у Бейкера имелось такое доверенное лицо, не проще было бы рассказать ему все?

— А мне кажется, вы оба не правы, — вмешалась Джин. — Разве вы не почувствовали, какой страх испытывал человек, зашифровавший эти записи? Психологически я могу себе представить, что у человека в таком состоянии есть внутренняя потребность, даже необходимость, поведать известную ему тайну. Рассказать кому-нибудь он боится, слишком велик риск — ставка-то его собственная жизнь! — а тайна просится наружу. Помните легенду про уши царя Мидаса? Вот и полковник Бейкер излил душу, зашифровав свою тайну. Не для кого-нибудь, не с какой-то определенной целью, а просто так, для самого себя.

— Скажи на милость, а ведь ты у нас настоящий психолог. Из тебя, пожалуй, действительно может выйти писатель, — чуть насмешливо протянул Стив. Но, увидев, как вспыхнули желтым пламенем глаза Джин, тут же добавил: — Не сердись, это у меня такая противная манера восхищаться тобой.

— Ну, хватит вам, — поторопился вмешаться Билл, который очень не любил, когда между Джин и Стивом возникали ссоры, — вернемся к записям. В них, правда, есть темные места. Например, кого он подразумевал под Иудой и Брутом?

— Что касается Иуды, — ответил Стив, — то намек более чем прозрачный. Автор же дает его инициалы — Э. С. Тут не может быть двух мнений — имеется в виду Эдвин Стентон, военный министр в последнем кабинете Линкольна.

— Бейкер пишет о нем как о человеке страшном, — задумчиво сказала Джин. — Это соответствует действительности или таково его личное мнение?

— Мистер Стентон — фигура центральная в деле, — сказал Стив. — Тут без досье не обойтись. Я обещаю вам его представить... На сегодня хватит. Где ваш обед? Мои коктейли готовы. Пейте на здоровье.

— А ты? — спросил Билл.

— Я пью чистый джин, — усмехнулся Стив, — в честь этого прекрасного рыжего существа того же названия.

ЭДВИН СТЕНТОН

(Из записей Стива Чейза в его дневнике)

Прежде чем взяться за составление досье на Стентона, я долго разглядывал его фотографию. Я не считаю себя физиономистом, но верю в то непосредственное ощущение, которое возникает совершенно интуитивно от первого взгляда на человека.

Ничего не скажешь, внешность у Стентона впечатляющая. Лицо сильного, волевого человека; черты резко обозначены. Говорят, в каждом человеке, если к нему присмотреться внимательно, можно найти сходство с тем или иным животным, и это сходство якобы позволяет понять некоторые особенности его характера. Теория эта, конечно, ничего общего с наукой не имеет, но что-то заманчивое в ней есть. Так вот, Стентон напоминает дикого кабана: глубоко посаженные маленькие злые глазки, мясистое тело на коротеньких ножках, коротенькие руки (для меня почему-то во внешности человека очень многое значат руки) с будто обрубленными, толстыми пальцами, поросшими волосами, словно щетиной.

Однако хватит эмоций, пора переходить к фактам.

Стентон начинал свою карьеру как адвокат. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Большинство американских политических деятелей были адвокатами. В этом есть даже какая-то закономерность — владение адвокатской казуистикой, видимо, может принести немалую пользу политике.

В адвокатской практике Стентона был любопытный случай. Его противником на одном судебном процессе оказался начинающий адвокат Авраам Линкольн. Стентон процесс выиграл. Можно себе представить, с каким пренебрежением после этого относился Стентон к Линкольну и как трудно ему было смириться с тем, что этот «неуклюжий», «неотесанный» человек стал президентом Соединенных Штатов!»

Судя по всему, Стентон обладал большим честолюбием и жаждал власти. При этом он не был разборчив в средствах для ее достижения. В 1860 году предшественник Линкольна президент Бьюкенен сделал Стентона министром юстиции. Известно, что Стентон самым беспардонным образом льстил Бьюкенену, а за его спиной заигрывал с республиканцами, политическими противниками Бьюкенена.

Когда Линкольн в 1860 году был избран президентом и формировал свой первый правительственный кабинет, он не

пригласил туда Стентона, на что тот очень рассчитывал. Стентон пришел в ярость и поносил Линкольна последними словами, из которых самым деликатным было «горилла».

Стентону пришлось ограничиться ролью адвоката Камерона, военного министра в первом кабинете Линкольна. Но и на этом, казалось бы, незначительном месте он сумел проявить себя крупным мастером интриги. Подготавливая для Камерона один весьма ответственный документ, Стентон вписал в него явно провокационный текст, зная, что это должно вызвать острое раздражение у Линкольна. Так и произошло: Линкольн предложил Камерону подать в отставку и назначил военным министром Стентона, не подозревая, что вводит в свой кабинет подлинного автора текста, который вызвал его гнев.

Надо отдать должное Стентону: он оказался превосходным военным министром. Линкольн, который относился к нему очень настороженно, тем не менее не раз публично заявлял, что Стентон внес огромный вклад в победу Севера над Югом. У него был явный талант организатора, причем организатора крупного масштаба.

У всякой медали есть, как известно, обратная сторона. Стентон был жестоким, для него человеческая жизнь (не своя, конечно, а чужая) ничего не стоила. Стентон безжалостно бросал людей в тюрьмы, отправлял на смертную казнь. Некоторые говорят, что это неотъемлемая черта всякого крупного государственного деятеля и иначе вообще нельзя управлять государственной машиной. Я лично никогда не смогу согласиться с такого рода государственной мудростью — для меня каждая человеческая жизнь представляется великой и неповторимой ценностью, погасить этот слабый и беззащитный огонек мне кажется преступлением. Впрочем, возможно, что я просто абстрактный гуманист.

Как отзывались о Стентоне его коллеги? Обнаружилась любопытная картина: почти все они ему не доверяли. К примеру, морской министр Гидеон Уэллесс, человек, судя по всему, весьма достойный, насколько вообще может быть достойным министр, писал в своем дневнике, что Стентон «хитер и ловок, умеет скрывать свои чувства, лицемер». Еще определеннее высказывался генерал Макклелан, один из полководцев армии северян. В письме к жене он отозвался о Стентоне так: «Я думаю (не хочу быть непочтительным), что, живи Стентон во времена Спасителя, Иуда Искарот оставался бы почтенным членом общества апостолов. Потрясающее предательство и мошенничество Стентона заставили бы Иуду произносить его имя со священным ужасом».

Интересное совпадение: генерал Макклелан сравнивает военного министра Эдвина Стентона с Иудой, точно так же, как называет его в своих зашифрованных записях Лафайетт Бейкер (если, конечно, эти записи подлинные).

О потрясающем двуличии Стентона красноречиво говорит такой, например, факт. Уже после окончания войны и убийства Линкольна один из чиновников Конфедерации, некий Вирц, был приговорен к повешению. Вирц был неизлечимо болен и просил, чтобы приведение приговора в исполнение было отложено на несколько месяцев и он мог бы умереть своей смертью. Священник Гамильтон передал просьбу Вирца Стентону, который обещал помочь. Но после заседания кабинета Стентон сказал Гамильтону, что члены правительства отказались рассмотреть просьбу Вирца. Вскоре Вирц был повешен. Гамильтон, встретив президента Джонсона, спросил, почему кабинет отказался удовлетворить просьбу, которую поддерживал военный министр. «Что? — изумился Джонсон. — Стентон был за эту просьбу? Да Стентон был единственным членом кабинета, который выступил против! Все остальные были готовы согласиться, но Стентон пригрозил подать в отставку, если просьба Вирца будет удовлетворена!»

Однако все эти черточки морального облика Стентона в лучшем случае отвечают, да и то косвенно, на вопрос: мог ли такой человек, как Стентон, организовать заговор с целью убийства Линкольна? Видимо, мог. Жажда власти — один из самых мощных жизненных стимулов.

Но это, конечно, для многих еще не доказательство. Нужно выяснить, были ли у Стентона помимо властолюбия (о котором известно из отзывов его современников) и личной ненависти к Линкольну (о которой сообщил автор в зашифрованной записи) другие серьезные причины для убийства президента? Существовали ли между ними политические разногласия?

Видимо, существовали. Автор записи, например, упоминает о телеграмме Линкольна генералу Вейцелю, которая вызвала взрыв ярости у Стентона. Пришлось поинтересоваться этой деталью. Такая телеграмма действительно была отправлена, только автор шифровки ошибся, датировав ее 12 апреля. Она была послана 6 апреля 1865 года. Память явно подвела Бейкера, тем более что он просто не мог 13 апреля быть свидетелем сцены у Стентона, о которой упомянул: в тот день он, как известно, находился в Нью-Йорке. Но дело было не в этом. Дело заключалось в существовании политического

конфликта между Стентоном и Линкольном, в двух разных подходах к поверженному врагу.

Телеграмма Линкольна Вейцелю была своего рода сигнальной ракетой, оповещавшей, что президент начинает осуществлять свою новую политику в отношении Юга. Гражданская война между Севером и Югом практически была окончена — войска южан разгромлены. Возник вопрос: как отнестись к поверженному врагу? Из телеграммы Вейцелю явствуется, что Линкольн намерен был сохранить законодательные собрания мятежных южных штатов. Иначе говоря, он решил не лишать южные штаты всех их бывших прав, не мстить им, а налаживать мирную жизнь в стране, которая так долго страдала от гражданской войны.

Легко представить себе, что у Стентона была иная, противоположная программа обращения с поверженным Югом, но трудно понять, на что он рассчитывал, отправляя телеграмму генералу Вейцелю, в которой отменял распоряжение президента. При всей своей снисходительности и умении с юмором сглаживать острые углы при разногласиях, такого самоуправства Линкольн никогда бы не простил. И если бы не выстрел Бута, карьера Стентона оборвалась бы навсегда. Выходит, Стентон знал, что его телеграмма никогда не станет известна Линкольну?

Какова же была политическая программа Стентона? Она наглядно проявилась на последнем заседании кабинета утром 14 апреля — в тот самый день, когда вечером в театре Джон Бут застрелил Линкольна. Сохранились воспоминания участников этого заседания, и из них вырисовывается довольно любопытная картина.

На заседании кабинета в качестве почетного гостя присутствовал главнокомандующий войсками Севера генерал Грант. Линкольн был в приподнятом настроении. Это легко можно понять — шли последние дни войны. До открытия заседания президент свободно и откровенно говорил о своих планах примирения с побежденным Югом, о том, что не допустит никакого преследования побежденных. Он даже выразил надежду, что лидеры Конфедерации покинут страну и тем самым отпадет необходимость судить их. Потом стал рассказывать сон, который приснился ему в эту ночь.

Тут вошел Стентон, который редко бывал на заседаниях кабинета, но если и приходил, то обычно с опозданием — тем самым подчеркивая свое превосходство над остальными министрами, а может быть, и над Линкольном. Президент резко оборвал рассказ и официальным тоном заявил: «Джентльмены, приступим к делу».

Стентон принес на рассмотрение кабинета свой план обращения с побежденным Югом. Его программа предусматривала создание оккупированной федеральными войсками территории, включающей Виргинию и Северную Каролину, которая полностью отдавалась бы во власть военного министерства. Морской министр Уэллес немедленно выступил с возражениями. Он заявил, что границы штатов не должны меняться и что план, предлагаемый Стентоном, только обострит ситуацию, ни в коей мере не способствуя примирению между двумя враждующими частями страны. Линкольн присоединился к Уэллесу, но тактично предложил Стентону представить всем членам кабинета копию своего плана для изучения и последующего обсуждения. На этом заседание кабинета закончилось. На очереди было посещение Линкольном театра Форда.

5

— Стив, ты так интересно все это изложил, — заметила Джин после того, как Чейз прочитал им свои заметки, — только вот, по-моему, не обратил внимания на фразу в записях Бейкера: «судьба сложилась так, что Иуда постепенно утратил положение».

— Обратил. Представьте себе, здесь все совпадает. Но мне казалось важным то, что происходило до убийства Линкольна, а не после. Однако, если вас интересует...

Эндрю Джонсон, новый президент, сменивший Линкольна, долго терпел Стентона на посту военного министра, хотя, по-видимому, хорошо знал ему цену. А может быть, потому и терпел, что достаточно хорошо знал и побаивался. Он не выгнал Стентона, даже когда обнаружил, что детективы нашего друга полковника Бейкера установили слежку за Белым домом. Ребенку было ясно, что без приказа Стентона Бейкер никогда бы на такое не решился. Джонсон ограничился тем, что отправил в отставку Бейкера.

Когда Джонсон наконец отважился поднять руку на Стентона, тот — случай, прямо скажем, уникальный — просто на просто отказался освободить свой кабинет в военном министерстве. Правда, как раз в это время конгресс вел процесс импичмента против президента, и Стентон рассчитывал, что Джонсона свалят, а он, Стентон, сохранит свое положение. Радикалам не хватило в сенате одного голоса, чтобы избавиться от Джонсона, и надежды Стентона на власть рух-

нули. Он вынужден был уйти в отставку, звезда его закатилась навсегда.

— Вот видишь, — торжествующе заявил Билл, — значит, в этом отношении Бейкер в своих записях не врал.

— Ну, это еще не дает нам гарантии, что он не врал в остальном, — заметил Стив.

— Между прочим, — вдруг спохватился Билл, — я совсем забыл вам рассказать. Сегодня утром, проснувшись, я думал обо всей этой истории и вспомнил наш разговор о загадках истории. Мы еще не знали, что таит этот шифр, но почему-то заговорили об убийстве Кеннеди. Не странно ли?

Стив насмешливо хмыкнул.

— Зря смеешься, — обиделся Билл. — Оба президента были застрелены в пятницу, оба в затылок, рядом с обоими находились их жены, оба умерли, не приходя в сознание, и, наконец, у обоих воспреемниками оказались Джонсоны. Случайность? Мистика?

— Чепуха! Газетные сенсации! — несколько раздраженно прервал его Стив. — Публика падка на все мистическое. Газетчики обожают такие штучки, которые щекочат ей нервы. Но если говорить серьезно, между этими двумя убийствами действительно есть общее. Ну хотя бы в этом: Линкольн освободил негров от рабства и собирался предоставить им право голоса — последовал выстрел Джона Бута: Кеннеди внес в конгресс билль о гражданских правах, направленный против расизма, — прогремели выстрелы в Далласе. И еще одно: и убийца Линкольна и предполагаемый убийца Кеннеди были пристрелены раньше, чем успели назвать кого-то из своих сообщников.

— Стив, — с какой-то осторожной (боязливой? — почему-то подумалось Чейзу) интонацией обратилась к нему Джин, — ты говоришь так, будто уверен: убийство Кеннеди не было делом рук одного Ли Освальда. У тебя есть основания не верить комиссии Уоррена? Он все-таки верховный судья! Или ты не это имел в виду?

— На этот вопрос могу тебе ответить я! — возликовал Билл Саундрелл. — Я начал собирать все газетные сообщения, связанные с убийством Кеннеди! Так вот вам мнение одного из самых информированных людей нашей страны.

— Кто это? — спросил Стив.

— Обозреватель Дрю Пирсон. Годится? — Билл порылся в ящике стола, нашел нужную ему папку, вытащил из нее листок бумаги. — Слушайте: «Если вы изучите историю американских президентов, которые были убиты, то обнаружи-

те, что большинство трагедий произошло не в результате фанатизма одного человека. Они связаны с тем, что могущественные и влиятельные люди нашей страны проповедовали неуважение и ненависть к авторитету и власти конкретного правительства и человека, который олицетворяет это правительство в Белом доме. Но сами они не стреляли в избранную ими цель: они вдохновили на преступление других. То было тщательно спланированное политическое убийство».

— Сказано очень точно,— одобрительно кивнул головой Чейз,— можно сказать короче, одним словом: терроризм. Шутка ли, на протяжении ста лет шлепнули четырех президентов. Таким размахом ни одна страна в мире похвастаться не может. А если вспомнить еще Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга...

Билл оживился, страшно довольный, что его досье с вырезками пришлось к месту:

— Могу прочитать еще одно любопытное высказывание. Профессор Нью-Йоркского университета Норман Дорсен: «Ненависть, вражда, подозрения и насилия пронизывают американскую нацию. И что более зловеще: методы управления — нельзя избежать этого термина — репрессивные».

— Да, все это железным обручем связано,— сказал Стив.— Всякое политическое убийство представляется мне большим айсбергом: видна лишь его верхушка — непосредственный убийца. Все остальное, самое главное — те, кто послал его на убийство, вложил оружие в его руки,— скрыто глубоко. А публике настойчиво навязывают каждый раз идейку: мол, никакого заговора не существовало, действовал убийца-одиночка!

— Вот именно,— подхватил Билл.— То и дело в печати новые сообщения — убирают опасных свидетелей! О Фрэнке Мартине слышала, Джин? Нет? Студенты, конечно, не обязаны читать газеты, но будущие писатели... Капитан далласской полиции Фрэнк Мартин арестовывал Освальда, а потом Джека Руби. Естественно, комиссия Уоррена вызвала его в Вашингтон для дачи показаний. Когда в конце его спросили, не хочет ли он что-нибудь добавить, этот осел заявил: он кое-что сказал бы при условии, если его слова не будут записывать. И, ты думаешь, что ему ответили? «В таком случае, капитан, вам лучше ничего не говорить». Понимаете, что это значит? Они боялись услышать от Мартина информацию, которая могла разрушить их схему убийцы-одиночки! Ну а полицейскому неосторожная фраза стоила жизни — через два дня после возвращения в Даллас капитана насильно поместили в Парклендский госпиталь, тот самый, в котором

скончался Кеннеди, обнаружили у него «ураганный» рак, и еще через три дня он отдал богу душу.

— Как это страшно,— передернула плечами Джин и сжалась комочком в кресле.

— Да уж, ребята они серьезные, шутить не любят,— пробормотал Стив Чейз.

— А вот тебе, Джин, еще пример,— не унимался Билл.— Есть в Далласе торговец подержанными автомобилями — Рейнольдс. Через 45 минут после убийства Кеннеди он оказался свидетелем того, как полицейский Типпит пытался остановить какого-то человека, но человек этот застрелил Типпита из пистолета и бросился бежать. Рейнольдс гнался за убийцей два квартала, но безуспешно. Далласская полиция немедленно объявила, что Типпита убил Освальд. Рейнольдс два месяца молчал, а потом заявил чинам ФБР, что человек, который убил Типпита, был не Освальд. Через два дня в Рейнольдса стреляли. Он выжил, однако, как говорится, намек понял — на новом допросе в ФБР сказал, что теперь он уверен: это был Освальд. После этого его оставили в покое.

— Хватит об этом, мальчики,— с некоторым надрывом сказала Джин.

— А что тебе не нравится? — беззаботно спросил Билл Саундрелл.

— Мне кажется, что этот разговор действует Джин на нервы,— осторожно заметил Стив.— Давай лучше вернемся к твоей шифровке.

— Конечно, конечно,— поспешно согласился Билл.— Прошу прощения. Как доказать, что эти записи подлинные? Как выяснить, насколько правдиво Бейкер излагает события?

— Думаю, — солидно сказал Стив, — поиски должны идти по двум направлениям. Во-первых, надо искать подтверждение, что журнал этот принадлежал Бейкеру. Шансы на удачу минимальные, но чем черт не шутит! А во-вторых, надо заново изучить все материалы, касающиеся убийства Линкольна. Видишь ли, предположения о существовании заговора не раз высказывались некоторыми историками. Если собрать все эти намеки в определенную систему и взглянуть на них свежим взглядом, не исключено, что могут обнаружиться детали, которые остались незамеченными нашими предшественниками. Тем более что в зашифрованных записях есть отправные точки. К примеру, упоминается какой-то Эккерт. Честно говоря, я не припомню такой фамилии.

— И все-таки, Стив,— продолжал настаивать Саундрелл,— с чего надо начинать?

— Наверное, с самого простого. Посмотри в энциклопедии, когда и где умер Лафайетт Бейкер.

— Бог мой! — выдохнул Саундрелл. — Как мне самому это не пришло в голову!

Он метнулся к своим книжным полкам, нашел нужный том и прочитал:

— «Умер 3 июля 1868 года в Филадельфии».

— Ну что ж, — улыбнулся Чейз. — Хорошо, хоть одна деталь сходится. Значит, второго мая 1862 года, как датирована первая запись, Бейкер был еще жив. А раз он умер в Филадельфии, твоя задача, Билл, сильно облегчается. Если хоть какие-нибудь документы о смерти Бейкера и о его наследстве сохранились, то за ними не нужно далеко ездить. Они должны быть тут, в Филадельфии.

6

И Билл Саундрелл с головой окунулся в архивы филадельфийского муниципалитета, благо свободного времени у него было достаточно — в университете начались летние каникулы, друзья разъехались. Джин улетела к подруге в Сиэтл — почему-то она не захотела ехать к родителям в Новый Орлеан. Стив Чейз направился в Вашингтон, где ему по факультетской теме нужно было поработать в Национальном архиве, заодно он обещал заняться материалами, связанными с убийством Линкольна.

Для Билла потянулись недели, заполненные утомительным делом — он снимал со стеллажей папки, покрытые толстым слоем пыли, и внимательно перелистывал бумагу за бумагой. Монотонность этого занятия удручала его. Порой он совсем терял надежду и, в отчаянии глядя на бесконечные ряды стеллажей, на сваленные в кучи папки, начинал думать, что решился на бессмысленное предприятие, пытаюсь найти в этих завалах нужный ему документ. Порой он уже проклинал тот день, когда нашел в журнале шифровку, представляя, как неплохо он мог бы провести свой отпуск: уехал бы в горы, например, или лежал на приморском пляже, плавал, играл в теннис, флиртовал с хорошенькими девушками.

Но потом Билл уговаривал себя: вспомни, как работают археологи, какие горы земли и грязи приходится им перекопать, чтобы найти желанный глиняный черепок, остаток каменной кладки или еще что-нибудь в этом роде. Терпение исследователя — залог удачи, и незачем себя обманывать; разве сможет он оторваться от этого проклятого занятия, те-

перь-то он понимает, насколько всепоглощающая страсть, владеющая настоящим исследователем.

Шесть долгих недель сидел Билл Саундрелл над архивами. И был вознагражден. В делах отдела регистрации завещаний он наконец нашел завещание Лафайетта Бейкера, датированное тридцатым апреля 1866 года, в котором тот определял некоторые суммы своим трем братьям и трем сестрам, а все имущество — жене, Джейн Кэрри Бейкер. Душеприказчиками полковник Бейкер назначил племянника, Лютера Байрона Бейкера, и некоего Джозефа Стайдфола.

Когда прошел первый момент восторга, Саундрелл уже спокойно задумался: а что, собственно, дает ему этот документ? И решил: ничего!

Впрочем, нет, подумал он, если сохранилось это завещание, значит, не исключено, что могут найтись и другие, подобные ему документы. И среди них, возможно, окажется тот, который если и не раскроет всю тайну, то хоть подскажет новые пути для поиска. Он решил продолжать работу в архиве.

И тут началась полоса удач, как это бывает у археологов, когда нашелся первый черепок, а затем обнаруживаются целые россыпи. Через несколько дней Билл натолкнулся на новый документ. Один из душеприказчиков, Лютер Бейкер, 29 июля 1868 года, то есть через три недели после смерти полковника, отказался выполнить последнюю волю своего дяди! Что-то в этом было странное... Непонятно, чем руководствовался племянник в своем решении.

Через день Саундрелл нашел другой документ. 24 августа 1868 года второй душеприказчик, Джозеф Стайдфол, сообщал в отдел регистрации завещаний, что он не обнаружил никаких личных вещей, принадлежавших покойному. Интересно, куда они могли деться? А среди них, наверное, были и книги! Вроде бы ничего существенного эти документы для разгадки тайны записей не давали, но у Саундрелла рождалась уверенность, что эти странности неспроста — что-то здесь крылось!

И наконец, в архиве филаделфийского муниципалитета Биллу попался документ, который еще больше укрепил его в мысли, что не только в жизни, но и в смерти полковника Бейкера имеются какие-то загадки. Это было свидетельство о кончине Лафайетта Бейкера, подписанное доктором Уильямом Рикардсом. Судя по нему, полковник умер от менингита. А филаделфийские газеты в июле 1868 года писали, что умер он от тифа. Опять какие-то таинственные несоответствия...

Еще в поезде Филадельфия—Вашингтон Стив Чейз начал продумывать план поисков. В глубине души он гордился своим аналитическим умом и умением разрабатывать стройную систему научного исследования. Он решил, что не будет читать или перечитывать многочисленные исторические труды, посвященные убийству Линкольна, чтобы не оказаться в плену чужих концепций. «Надо начинать с чистого места,— подумал Стив,— с нуля, как будто до меня никто не исследовал эту проблему». Он верил, что свежий, непредубежденный взгляд может обнаружить что-то существенное, мимо чего могли пройти предыдущие историки.

Прежде всего Чейз направился в библиотеку конгресса и взялся там за газеты столетней давности. Чтение оказалось увлекательнейшим. Из калейдоскопа информации, статей, объявлений складывалась занятная картина того времени. Стив даже удивился, до чего же смутно и приблизительно представлял он себе, как жили люди во времена Гражданской войны.

Взять хотя бы сам город. Гуляя по сегодняшнему Вашингтону, нельзя даже вообразить, как выглядела тогда столица. Судя по возмущенным статьям в газетах, это было сплошное болото, которое предстояло осушить, чтобы проложить роскошные проспекты. Из всех улиц города одна главная — Пенсильвания-авеню — освещалась по вечерам более или менее сносно, на других в лучшем случае горели отдельные фонари. Лишь несколько улиц было вымощено булыжником. Даже Пенсильвания-авеню зимой представляла собой море грязи, которая летом, высыхая, поднималась клубами пыли. Тротуар шел только по одной стороне улицы, на другой тянулись открытые рынки, дренажные каналы, в которых копались свиньи. Утки щипали здесь траву, куры рылись в пыли, вывертываясь из-под копыт лошадей. К югу и востоку от Белого дома и Капитолия целые огромные площади были заняты лачугами негров, перебравшихся сюда с Юга.

Богатые особняки соседствовали с дешевыми притонами, общественные здания — с лачугами. Многие дома города были заняты под меблированные комнаты или салуны. В южном конце Пенсильвания-авеню уже вскоре после начала войны возник «веселый» район публичных домов, получивший среди вашингтонцев название Округа Хукера — в ознаменование той популярности, которой он пользовался у солдат генерала Хукера по прозвищу Боевой Джо.

Но все это были только приметы быта. Поразило Чейза другое. В свое время, будучи еще студентом, он читал немало книг по истории Гражданской войны — в общем, бесстрастные ученые труды. С газетных полос на него хлынул такой взрыв страстей, что Чейз невольно ощутил себя едва ли не участником тех далеких событий.

Оглушенный этим противоречивым и невероятно шумным хором голосов, Чейз старался отделить второстепенное от главного. А главным был вопрос о рабстве негров. В конечном счете все упиралось в эту не только этическую, но прежде всего экономическую проблему. Буржуазия промышленного Севера и плантаторы Юга, чье благополучие строилось на рабском труде негров, не могли больше мирно уживаться рядом. И как неизбежное следствие этого конфликта — война.

Странная все-таки это была война, подумалось Стиву Чейзу. Линии фронта фактически не существовало, люди довольно свободно приезжали на Север из мятежных южных штатов, ловкие дельцы переправляли сюда хлопок и другие контрабандные товары, местные жители переписывались с родственниками, проживающими на Юге, шпионы Конфедерации без особого труда проникали в Вашингтон из столицы южан Ричмонда и из Канады, где в Монреале обосновался центр разведывательной службы Юга. Впрочем, решил Чейз, наверное, это отличительные черты всякой гражданской войны.

Но перипетии войны, сами по себе любопытные, не были главной целью Стива Чейза. Он искал то, что касалось убийства Линкольна. Ведь заговор — если он существовал — не мог возникнуть внезапно, на пустом месте, у него должна иметься предыстория. Поэтому Стив начал с газет предшествующих лет.

Он горбился над пожелтевшими страницами, листал их, вчитываясь в каждую строчку. Вот наконец что-то интересное! Нью-йоркская «Таймс» от 19 апреля 1864 года. Письмо без подписи. По всей вероятности, его писал человек, симпатизирующий делу северян, но живущий где-то на Юге, в одном из мятежных штатов. Он сообщает о заговоре с целью похищения Линкольна. По его сведениям, в Вашингтон тайными путями проникнет отряд из 150 вооруженных людей, которые должны захватить Линкольна и переправить его на Юг.

Могло ли письмо иметь какое-то отношение к заговору убийцы Линкольна Джона Уилкса Бута. На эту связь в нем нет намеков. Для исследователя письмо имеет, пожалуй, одну ценность — как свидетельство того, что опасность для

жизни Линкольна существовала и о ней не могли не знать те люди в военном министерстве, которые отвечали за безопасность президента.

Он листал газеты дальше. Вот уже и август 1864 года. «Покушение на президента!» Когда Линкольн ехал в Солдатский дом — армейский госпиталь, расположенный на окраине Вашингтона, в него стреляли из лесочка у дороги. Пуля пробила цилиндр президента. Следов покушавшихся найти не удалось. Ну что ж, подумал Чейз, еще один сигнал опасности, на этот раз совершенно реальный. Интересно выяснить, усилили ли после покушения охрану Линкольна? И опять ни слова о Буте.

Газеты за 1865 год. Убийство Линкольна. Новый взрыв страстей, боли, ненависти, жажды мщения. Но сведений о заговоре, имевшем место в Вашингтоне, нет. Всю ответственность за убийство возлагают на вождей Конфедерации Юга. Дальше. Процесс над соучастниками убийства. Опять то же самое — никаких следов того, что военные власти могли заранее знать о заговоре Бута.

Так проходили недели. — Чейз просматривал газеты уже за 1867 год. В этот год началась кампания против Джонсона, который при Линкольне был вице-президентом, а после его убийства оказался в Белом доме. Джонсона хотели свалить и для этого пытались даже доказать причастность нового президента к убийству. Смотри, пожалуйста, какие откровенные намеки бросают в адрес Джонсона его противники в конгрессе. Конгрессмен Лоан заявляет: «Пуля убийцы, которую нацелила и послала рука мятежника, сделала Эндрю Джонсона президентом». Другой конгрессмен, Эшли, утверждает, что «Джонсон пришел на пост президента через врата убийства». Создан специальный комитет сената под председательством Батлера, который вновь изучает обстоятельства гибели Линкольна. Странно только, что нет ни одного сообщения о результатах расследования, проведенного этим комитетом. Неужели их скрыли от широкой публики? Похоже на то.

Но не совсем. Кое-что просочилось. Чейз жадно вчитывается в газетные строки. Нью-йоркская «Таймс» 1 ноября 1867 года перепечатывает из цинциннатской «Газетт» сообщение ее вашингтонского корреспондента о выводах комитета Батлера: «До убийства существовали различные планы похищения. Свидетельства, собранные по данному вопросу, не совсем полны, но позволяют сделать заключение, что большая группа, состоявшая, видимо, из людей известных, была прямо или косвенно связана с этими планами...

Задолго до убийства власти получили информацию о плане похищения Линкольна... В распоряжении правительства есть документы, указывающие на этот план захвата Линкольна во время его поездки в Солдатский дом. В них фигурируют имена Бута, Саррета и их группы».

Стив Чейз распрямился над столом. Вот он, кончик путеводной нити. Теперь надо разматывать клубок. Следует искать документы, которые видели члены комитета Батлера. Тогда, быть может, удастся выяснить, от кого поступила информация и в чьих руках она побывала. А вдруг в документах есть намеки на то, кто входил в эту «большую группу, состоявшую, видимо, из людей известных»? Может, это как-то сомкнется с таинственными записями, обнаруженными Биллом? Сообщение газеты — прямое указание на существование заговора, и, судя по всему, совсем не того заговора, который фигурировал на процессе сообщников Бута и во главе которого якобы стояли вожди мятежной Конфедерации — Джефферсон Дэвис и другие. Здесь явно речь идет о заговоре не в Ричмонде, а в Вашингтоне.

Уже на следующее утро Чейз был в Национальном архиве США. Он потратил немало дней на поиски, но безрезультатно — никаких следов документов комитета Батлера не обнаружилось. Значит, ниточка, на которую он понадеялся, оборвалась, клубок так и не начал разматываться. Впрочем, исчезновение документов тоже своего рода находка. Значит, какие-то влиятельные люди были заинтересованы в уничтожении бумаг, которые, видимо, компрометировали кого-то из государственных деятелей того времени. А это уже кое-что!

Стив Чейз плохо спал в ту ночь. Его тревожила мысль, что он упустил что-то важное в корреспонденции журналиста из Цинциннати, который был, наверное, редкостным пролазой. В конце концов Стив выбрался из постели и принялся перечитывать листок, на который переписал текст сообщения.

Ну конечно! Он так увлекся намеком на существование заговора, что прошел мимо самого главного в этой корреспонденции. Власти знали не вообще о планах похищения Линкольна, а о конкретном заговоре Джона Бута! Естественно встает вопрос: от кого они имели эту важнейшую информацию задолго до выстрела Джона Бута?

Чейз любил такие головоломки. К утру он как будто нашел ответ на вопрос, где искать имя информатора. Им вполне мог быть кто-то из свидетелей, выступавших на процессе сообщников Бута.

В тот же день Стив засел за чтение протоколов судебного процесса. Кто же были свидетели обвинения?

Ричард Монтгомери, разведчик северян, работавший в Канаде, показал, что летом 1864-го и в январе 1865 года агент разведки южан Джейкоб Компсон говорил ему, что у него в Вашингтоне есть люди, готовые устранить Линкольна и других вождей Федерации. Монтгомери заявил также на суде, что неоднократно встречал в Монреале сообщника Бута — Льюиса Пейна, сидевшего на скамье подсудимых, и что Бут во второй половине 1864 года дважды приезжал в Монреаль и встречался там с руководителями разведки южан. Конечно, Монтгомери мог — и даже должен был — проинформировать тайную полицию в Вашингтоне о Джоне Буте и его планах.

Генри фон Штейнекер, тоже разведчик, показал на суде, что в 1863 году пробрался на Юг и вступил в полк генерала Джексона Каменная Стена, летом того же года видел в лагере Бута, обсуждавшего с генералом Джексоном планы убийства Линкольна. И Штейнекер должен был отправить соответствующее донесение в Вашингтон. Что ж, два свидетельства позволяют сделать вывод: военные власти в Вашингтоне могли знать о заговоре Бута и предотвратить его.

Другие свидетели просто ничего не знали о конкретных планах Бута. Вообще все они, направляемые твердой рукой прокурора, в основном старались доказать, что вся ответственность за убийство Линкольна лежит на Джефферсоне Дэвисе, президенте Конфедерации, и других ее лидерах.

Но вот еще один свидетель обвинения — Луис Вихман. Чиновник военного министерства, живший в меблированных комнатах вдовы Мэри Саррет, матери самого активного из сообщников Бута — Джона Саррета, которого не было на скамье подсудимых, так как он успел скрыться за границу. Выходит, Вихман жил в самом гнезде заговорщиков, куда часто наведывался Джон Бут, куда приезжали разведчики с Юга и где устраивались тайные встречи. Вот кто, безусловно, был в курсе заговора!

Однако на процессе Вихман и словом не обмолвился о том, что он информировал военные власти о собраниях в доме № 541 по Эйч-стрит. Впрочем, это понятно. Монтгомери и Штейнекер ведь тоже промолчали — так и осталось неизвестным, информировали они официальный Вашингтон о заговоре Бута или нет. Подобное признание любого из них скомпрометировало бы военное министерство, по-

служило бы доказательством того, что тайная полиция знала о готовящемся покушении и ничего не предприняла для его предотвращения.

И все-таки интуиция подсказывала Чейзу, что из всех свидетелей процесса Вихман представляет наибольший интерес. А интуиция для исследователя равнозначна таланту, и ее нельзя сбрасывать со счетов! Чейз начал изучать все материалы, связанные с Луисом Вихманом. Вырисовывалась довольно любопытная фигура. Живя в меблированных комнатах Мэри Саррет, Вихман, судя по всему, из кожи вон лез, чтобы войти в доверие к ее сыну, Джону Саррету, и подружиться с ним. Вихман стал передавать ему копии с иных секретных документов, которые порой получал в Генеральном комиссариате по делам военнопленных, где служил, хотя Джон Саррет не скрывал от постояльца, что работает на разведку южан. Джон Саррет одно время предполагал вовлечь Вихмана в заговор, но тот чем-то не понравился Буту.

Чейза заинтересовала, например, такая деталь в показаниях Вихмана: когда в доме Саррет раздавался звонок колокольчика, то обычно Вихман оказывался быстрее всех у двери, чтобы впустить гостя. Благодаря своему любопытству Вихман мог потом на процессе перечислить почти всех, кто бывал в доме № 541. И наконец, именно Вихмана Мэри Саррет 11 апреля — иначе говоря, за три дня до убийства Линкольна — попросила сопровождать ее в поездке в графство Прине Джордж, где она якобы должна была повидать одного человека и востребовать с него старый долг. Там, в местечке Сарретвиль, ей в свое время принадлежал трактир, который после переезда в Вашингтон она продала некоему Ллойд. Показания этого пьяницы Ллойда о встрече с миссис Саррет во время упомянутой поездки и послужили главным пунктом обвинения против Мэри Саррет, в результате чего она была отправлена на виселицу.

Стив Чейз решил не отвлекаться и не влезать в дело миссис Саррет, хотя и пометил для себя, что в ее истории, видимо, немало таинственного и впоследствии ею нужно будет заняться. Сейчас же его интересовал Луис Вихман. Он искал упоминания об этом человеке повсюду. Не может быть, говорил себе Стив, чтобы после него не осталось воспоминаний о событиях, которые потрясли всю страну. Впрочем, если Вихман и писал мемуары, то, судя по всему, не публиковал их. Во всяком случае, Чейзу не удалось обнаружить каких-либо записей Вихмана.

Чейз уже готов был опустить руки и признать себя по-

бежденным (до конца каникул оставалось несколько дней, и нужно было возвращаться в университет), но тут ему повезло. Он нашел опубликованную в 1911 году — через 46 лет после самих событий — статью некоего капитана Глизона, служившего с Вихманом в Генеральном комиссариате по делам военнопленных.

Капитан Глизон вспоминал, что еще 20 февраля 1864 года Вихман поделился с ним своими «подозрениями» насчет таинственной деятельности, происходящей в меблированных комнатах миссис Саррет. Он рассказал Глизону о том, что этот дом часто посещает известный актер Джон Бут, который за закрытыми дверями часто и подолгу совещается с Джоном Сарретом. Последний совершает тайные поездки в Нижний Мэриленд, тогда кишмя кишевший сторонниками и прямыми агентами южан; сообщил Вихман и о ночных визитах в дом миссис Саррет шпиона Конфедерации Хоуэлла и некоей дамы под густой вуалью, которую именовали там миссис Слейтер, о том, что здесь периодически появляются подозрительные личности, вооруженные кинжалами и револьверами, что у них есть свой секретный шифр, а в ящике стола Джона Саррета он обнаружил фальшивые усы.

— Боже мой, как все это странно! — воскликнул тогда капитан Глизон. — Там происходит что-то опасное!

Через несколько дней капитан Глизон поставил в известность об этом разговоре лейтенанта Шарпа, помощника начальника военной полиции в штабе генерала Огэра, командующего военными силами, расположенными в Вашингтоне.

Ну вот, облегченно вздохнул Чейз, можно считать, что один узелок в запутанном клубке развязан. Теперь надо доказать, что руководители военного министерства действительно знали, о заговоре Бута и тем не менее ничего не предприняли, дабы предотвратить покушение.

Почему? Почему за Бутом не была установлена слежка, а детективы полковника Бейкера не нагрянули в меблированные комнаты миссис Саррет и не устроили там обыск? Они нашли бы там много интересного.

— А действительно, почему? — задумчиво спросила Джин, когда они вновь собрались после летних каникул в квартирке Билла Саундрелла и мужчины рассказали о своих розысках и находках.

— Ну, логически рассуждая, — сказал Билл, — могут быть две причины. Первая — бюрократическая инертность и нерасторопность чиновников военного министерства, вторая — сознательное попустительство со стороны каких-то очень могущественных людей в военном ведомстве, которые оберегали Бута и его шайку от преждевременного ареста. На мой взгляд, ближе к истине второе предположение. Ведь полковник Бейкер прямо пишет о заговоре.

— Но мы еще не доказали подлинность его записок, — вставил Стив Чейз.

— Докажем, — твердо сказал Саундрелл. — Я верю, что след, на который я напал, должен куда-то привести. А твоя находка, Стив, — разве она не наводит на серьезные подозрения?

— Это еще не доказательство, — возразил Чейз. — Мы не имеем прямых свидетельств того, что информацию Вихмана доложили, скажем, лично Стентону. Хотя это очень вероятно. Стентон, насколько известно, принадлежал к числу начальников, от которых вряд ли можно было что-либо скрыть, тем более столь важную информацию. Он во все вникал и был беспощаден в таких случаях к подчиненным. Но бесспорных доказательств, что он знал о заговоре Бута, у нас нет.

— Из твоего рассказа, — сказал Билл, — вырисовывается довольно странная картина. Получается, что кто-то тщательно скрывал от посторонних глаз все архивные материалы, связанные с этим делом.

— Мальчики, — неожиданно вмешалась Джин, — я понимаю, конечно, что в юридической науке вы ничего не смыслите, но детективные романы, наверное, ведь читаете? Какой главный вопрос задает себе следователь или детектив, когда ему предстоит раскрыть преступление? Кому это выгодно? Мы предполагаем, что в Вашингтоне существовал заговор с целью убийства Линкольна. Так? Значит, надо знать политическую и военную ситуации в стране в тот момент и понять, кому и по каким причинам мешал президент.

— Стив! — воскликнул Саундрелл. — Да ведь она положила нас на обе лопатки! Джин, ты умница! Из тебя получится толковый юрист!

— Я вижу, ты избрал правильный путь, Билл, — усмехнулся Чейз. — Все женщины без исключения клюют на грубую, откровенную лесть. А на всякие там недомолвки и робкие нежности они не реагируют. Шучу, шучу, — почти

испуганно оправдался он, увидев, как потемнели от гнева глаза Джин. — Ты и в самом деле молодчина и подсказала нам мысль правильную.

— Между прочим, — вмешался Билл, возвращаясь от книжных полок с очередной папкой журнальных вырезов, — на вопрос, который поставила Джин, ответил сам президент Линкольн. В общем плане, конечно. «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны. Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных — а тогда конец республике».

— Да, — покачала головой Джин, — получается как в том ковбойском анекдоте: «Он слишком много знал».

— Если бы только «слишком много знал», — возразил Стив. — Он пытался бороться с этим процессом, в определенном смысле он был совершенный идеалист.

— Линкольн? — удивился Билл. — Я всегда считал его реальным и трезвым политиком. По-моему, никто из наших президентов не умел так чутко прислушиваться к настроениям народа.

— Одно не исключает другое, — сказал Стив. — Скорее наоборот.

— Вы опять отвлеклись, мальчики, — перебила их Джин. — Хочу подарить вам еще одну ценную мысль. Мы как-то обходим стороной личность самого убийцы — Джона Бута. Не пора ли нам взяться за него? Кто он был? Ваши соображения?

— Идея, конечно, плодотворная, — вздохнул Стив. — Если мы будем следовать каждой идее, хотя бы плодотворной, придется, пожалуй, бросить все другие дела!

— Но это действительно важно! — воспротивился Билл. — Политический убийца? Фанатик? Маленький Герострат? Просто наемный профессионал?

— Не спорьте! — сказала Джин. — Вам не придется терять время в архивах. — Джин достала из сумки свернутую в трубку рукопись и протянула друзьям. — Я тоже не сидела сложа руки!

ДЖОН БУТ

(Из черновых набросков Джин Карри)

Джон Уилкс Бут пил шестые сутки подряд. Он уже обошел все свои излюбленные салуны и бары Вашингтона, переночевал почти во всех публичных домах Округа Хукера. И повсюду за ним тянулся хвост приятелей и прихлебателей — конюхи, подсобные рабочие театра, бродяги с пристани. Бут поил их, а они преклонялись перед ним — существом из другого мира, артистом с громким именем, щеголем, желанным гостем светских салонов, кумиром женщин, богачом. Посмотрите только, как он швыряет деньги, расплачиваясь за все. Проститутки готовы были вцепиться друг другу в волосы, отстаивая право на его благосклонность.

Джону Буту нужна была эта невзыскательная и благодарная компания, ловившая с восхищением каждое слово. Он был актером в самом худшем значении слова. Он родился в актерской семье и с детства знал, что ему уготована сценическая карьера. Он действительно стал известным артистом: красивое лицо и статная фигура немало способствовали этому. Особенно шумный успех Бут имел в трагических ролях, женщины в самых разных городах Штатов сходили по нему с ума, толпились у гостиниц, чтобы хоть одним глазком взглянуть на своего кумира, пока наемный конюх подводил к нему великолепную лошадь. Он выходил из подъезда на улицу, как из-за кулис на сцену, в неизменном своем наряде: в бордовом пальто с бархатными лацканами, золотистом жилете, узких голубых брюках, белоснежной рубашке с жабо, с бриллиантовой булавкой. Дамы бросались к Буту, умоляя дать автограф, щебетали и стонали от восторга.

Джон Бут купался в волнах обожания, это было как наркотик, без которого уже нельзя жить. Пожалуй, лишь брат Эдвин, тоже актер, очень талантливый, скептически относился к успеху любимца публики, с грубоватой простотой выкладывая свои замечания о его игре. Джон, конечно же, считал, что брат ему завидует. Однако в глубине души он признавал, что великий артист из него не получился. Это мучительное сознание никогда не оставляло Джона Бута, оно постоянно грызло его. А он был честолюбив — ненасытно, маниакально. С годами честолюбие стало болезнью, разрушающей личность.

Вероятно, это болезненное, гипертрофированное честолюбие, которое не могла полностью удовлетворить театральная сцена, и толкнуло Бута к политике. Ему мерещился подвиг, который вознесет его на невиданную высоту, позволит стать героем эпохи.

У него не было никаких политических убеждений. Плебей по натуре, тщившийся выглядеть барином и аристократом, Джон Бут решил связать свою будущую славу, которая, он был уверен, ожидала его, с южной аристократической Конфедерацией. Других причин найти невозможно, он не был южанином по рождению, не был связан с Югом финансовыми интересами.

Бут становится агентом разведки южан с 1863 года, актерская профессия помогает ему беспрепятственно разъезжать по стране, свободно пересекать границы штатов и линию фронта. Он играет в Теннесси и Кентукки, в Канзасе и Новом Орлеане, в Нью-Йорке и Вашингтоне. За кулисами театров встречается с тайными посланцами, с разведчиками южан.

Но все это была лишь репетиция. Он готовился к своему звездному часу. Никогда ни один даже самый великий актер не сыграл той роли, которую выбрал себе Джон Бут. Что сцена! Придуманные трагедии, бутафорские поединки, после которых смертельные враги, переодевшись, направляются в ближайший бар дружески распить бутылку виски. Он готовился выйти на подмостки истории и сыграть такую роль, которая заставит ахнуть весь мир! Нет, он не был столь наивен, чтобы свою грядущую славу связать с театральной ролью.

Бут видел, что чаша весов на фронтах военных действий медленно, но неуклонно склоняется в пользу Севера. Людские и экономические ресурсы Юга таяли. В горячем мозгу Бута, постоянно подогреваемом алкоголем, постепенно зрела идея, что спасти дело Юга может только подвиг героя-одиночки. И этим героем будет он; Джон Бут. Надо похитить президента и переправить тайно на Юг. Это неминуемо вызовет смятение в правительстве северян, которое в такой ситуации, возможно, пойдет на заключение почетного мира с мятежными южными штатами. На худой конец, можно будет обменять Линкольна на всех пленных солдат и офицеров армии Конфедерации, которые захвачены северянами, и это придаст новые силы Югу. Вот тогда-то и засверкает в веках имя Джона Уилкса Бута, сумевшего повернуть колесо истории.

Джон Бут связался с агентом разведки Конфедерации Джоном Сарретом и начал действовать, сколачивая небольшую группу людей, которые вместе с ним и под его руководством осуществят эту дерзкую операцию.

Бут разработал три варианта похищения Линкольна. По основному плану, Линкольна можно было захватить в одном из двух театров Гровера или Форда, где президент обычно бывал. Оба театра Бут знал превосходно: в первом из них он одно время возглавлял актерский кооператив, а во втором неоднократно выступал. Готовя операцию, Бут отдавал предпочтение театру Форда из-за его местоположения и внутренней планировки.

По просьбе Бута всю его корреспонденцию почта теперь пересылала в театр Форда, — таким образом, у него появился повод для частых посещений. Его излюбленным местом стал салун Талтавула рядом с театром, где обычно можно было встретить актерскую братию, всегда охочую до выпивки за чужой счет, и узнать у них обо всем, что делается в театре. При любой возможности он заходил в актерские уборные, болтался за кулисами. Он четко представлял себе план театра, расположение сцены, лож, коридоров, кулис, каждого закоулка, каждой щели.

Бут предполагал захватить Линкольна во время представления. Выглядело это так. По сигналу верный человек выключит газ, освещавший сцену и зал. В темноте похитители ворвутся в ложу, Бут свяжет президента, а Джон Саррет с двумя помощниками — Арнольдом и О'Лафлином обезвредят остальных находящихся в ложе. Связанного Линкольна спустят на сцену, протащат через кулисы, вынесут через задний выход, погрузят в экипаж и вывезут из столицы.

Другой вариант похищения был более прост. Линкольт часто навещал Солдатский дом — военный госпиталь, расположенный в трех милях от Вашингтона, в конце 7-й улицы. Обычно пресса сообщала о предполагаемом визите президента, и похитителям нужно было только следить за утренними выпусками газет. Неподалеку от госпиталя дорога шла через лес, и там вооруженные всадники могли бы напасть на экипаж Линкольна.

Наконец, третий вариант. У Линкольна вошло в привычку выходить по вечерам из Белого дома и прогуливаться в одиночестве по 17-й улице. Иногда он заворачивал за угол и доходил до Уиндер-билдинг, где раньше помещалась вашингтонская штаб-квартира генерала Гранта, — там Линкольт читал последние телеграммы с фронтов. После того как Грант со своим штабом перебрался в Сити-Пойнт, Лин-

кольян стал заходить с той же целью в военное министерство. Президент регулярно совершал вечернюю прогулку, и неизменно в одиночестве.

И вот не так давно — это было в середине января — Джон Бут узнал от своих друзей-актеров, что 18 января Линкольн собирается посетить театр Форда. Бут думал, что настал решающий час, и развил бешеную деятельность. Одного из участников своей шайки, Герольда, он послал в графство Принс Джордж в Мэриленде. Герольд обязан был подготовить лошадей и ждать отряд Бута на южном берегу реки Анакостии неподалеку от моста Нэйви Ярд. Джон Саррет выехал в Порт Тобакко к их сообщнику Джорджу Атцеродту с приказом обеспечить паром, который мог бы выдержать экипаж и 15 всадников. В штате Виргиния, в местечках Пискатауэй, Пойп-крик, Аллан-фреш и Матиас-Пойнт, подполье мятежников было приведено в боевую готовность, чтобы помочь похитителям добраться с их добычей до столицы южан Ричмонда.

Когда Джон Саррет вернулся в Вашингтон, он застал Бута в ярости — двое участников заговора, Арнольд и О'Лафлин, не отозвались на вызов и не приехали в столицу. И тем не менее Бут решил не откладывать свое отчаянное мероприятие. Он показал Джону Саррету наручники, кляпы, веревки, хранившиеся у него в номере гостиницы «Националь», и сообщил Саррету, что рабочий сцены в театре Форда, Спейнджлер, выключит по его сигналу освещение.

Вечером 18 января у заговорщиков все было готово. Экипаж с задернутыми занавесками стоял в аллее позади театра, готовый в нужную минуту подъехать к задним дверям театра и принять связанного пленника. Но в этот вечер из-за очень плохой погоды Линкольн отменил посещение театра.

Вот почему Бут и пьянствовал уже шестой день. Он не мог пережить, что судьба, в благосклонность которой он слепо верил, вдруг сыграла с ним злую шутку. К тому же Джону Буту стало известно, что армии мятежников потерпели еще одно очередное поражение, и если он не поторопится, то скоро некого будет спасать — Конфедерация рухнет, а вместе с ней и все его честолюбивые замыслы.

Он сидел в салуне Талтавула, до него как сквозь стену доходили пьяные и резкие голоса собутыльников. И вдруг чьи-то слова проникли в его сознание, он сбросил с себя оцепенение и стал вслушиваться. Актеры говорили о том, что во второй половине марта в Солдатском доме состоится спектакль для раненых, на котором будет присутствовать президент.

Значит, еще не все потеряно. Надо действовать — хватать удачу за глотку.

Вновь началась лихорадочная деятельность. Заговорщики бегали по Вашингтону, появлялись в меблированных комнатах миссис Саррет и исчезали, собирались на совещания в номере Бута, ходили из одного бара в другой, прислушивались к разговорам. Дэвид Герольд поскакал в Сарретвиль. Вскоре в таверне, когда-то принадлежавшей миссис Саррет, а теперь пьянице Ллойд, к нему присоединились Джон Саррет и Атцеродт. Втроем они отправились за пять миль по дороге на Тиби. Примерно через час они вернулись с карабинами, и Джон Саррет приказал Ллойд спрятать их наверху.

Тем временем Бут уточнил, что спектакль в Солдатском доме состоится 20 марта.

В тот дождливый вечер шестеро заговорщиков, по двое, чтобы не привлекать внимания, выехали на лошадях из Вашингтона. Встреча была назначена в лесу, в том месте, где дорога делает резкий поворот. Бут отдал последние приказания. Когда экипаж Линкольна появится из-за поворота, он и Саррет преградят ему дорогу, а остальные четверо должны вклиниться между экипажем и эскортом. Саррет расправится с кучером и займет его место. Бут с Пейном свяжут Линкольна, остальные возьмут на себя эскорт.

Они сидели в седлах с револьверами наготове, напряженно вслушиваясь в тишину. Наконец из-за поворота показался экипаж. Бут выехал на дорогу, и тут остальные заговорщики услышали его яростный крик — он приказывал им не двигаться! Бут сумел разглядеть: в экипаже нет Линкольна. Как потом выяснилось, президенту в тот вечер неожиданно пришлось приветствовать полк ветеранов.

Судьба опять надсмеялась над Джоном Бутом.

10

Джин кончила читать и стала преувеличенно тщательно собирать исписанные листки.

— Прекрасно, Джин! — воскликнул Билл. — Умница! Ты так здорово все описала, словно была свидетельницей тех событий. У тебя получится замечательный роман.

— Ну, не надо преувеличивать, — поморщился Стив Чейз. — Я согласен, Джин действительно написала интересный и серьезный очерк. По-моему, тебе удалось ухватить и выделить главное в Буте — его непомерное честолюбие и чу-

довищно раздутое самомнение. За эти сто лет о Буте написано множество книг. Во многих из них Бут изображается этаким идеалистом, романтиком и тираноборцем. Некоторые авторы даже сравнивали его с Брутом.

— Полковник Бейкер в своих записях недаром называет его одним из сыновей Брута, — вмешался Билл.

— Вот именно. А в действительности это был порочный, растлѐнный человек, с явно сдвинутой психикой. Жаль, Джин, ты не сказала мне, что думаешь писать о нем. У меня есть копия одного документа, он изрядно обогатил бы твое представление об этом красавчике. Что за документ? Справка о прошлом Бута, составленная старшим полицейским офицером Кеннеди уже после убийства президента. Надо думать, нью-йоркский полицейский знал о жизни Бута гораздо больше, чем некоторые историки. Я запомнил лишь некоторые факты из документа.

Во время драки в номере гостиницы ударил ножом в лицо некую Генриетту Ирвинг.

Развратничал с актрисами во всех театральных труппах, где играл.

В Филадельфии изнасиловал женщину.

В Сиракузах бежал от побоев, которыми ему угрожал обманутый муж.

Находился в любовной связи с хозяйкой публичного дома в Манхэттене Салли Эндрюс.

В Канаде имел любовницу, некую Дженни.

В Вашингтоне считался женихом одной светской девицы, дочери какого-то крупного политического деятеля того времени, возможно сенатора, — фамилия его тщательно скрывалась, — а на самом деле использовал эту почтенную семью для прикрытия своей подпольной деятельности. В то время в его номере гостиницы «Националь» жила известная вашингтонская проститутка Элла Тарнер. Хорошенький получается портрет, не правда ли? Не знаю только, — поддел он Джин, — сумеешь ли ты со своим пуританским воспитанием психологически точно изобразить в своем будущем романе проститутку?

— Не волнуйся, — откликнулась Джин, — тебе, как убежденному холостяку и женоненавистнику, этого не понять, а мы, женщины, всегда сумеем понять друг друга. Спасибо тебе, Стив, за такой подарок, как Элла Тарнер.

— Это кто убежденный холостяк и женоненавистник? Стив? — деланно удивился Билл.

— Хватит болтать глупости, — прервал его Чейз. — Вернемся к делу. Итак, у нас есть гипотеза: военное ми-

истерство знало об опасности, угрожавшей жизни Линкольна, и ничего не предпринимало. Мне удалось найти еще два интересных факта. 24 марта военная полиция арестовала агента Конфедерации Хоуэлла. Его посадили в тюрьму Олд Кэпитол, обвинив в нарушении блокады. Вы понимаете значение этого факта? Это же тот Хоуэлл, имя которого назвал Вихман капитану Глизону, тот самый Хоуэлл, который часто посещал меблированные комнаты миссис Саррет! Разве это не подтверждало информацию Вихмана и разве это не был еще один серьезный повод для ареста всей подозрительной компании, собиравшейся в доме Сарретов? Второй факт: 5 апреля президент находился на борту военного корабля «Малверн», стоявшего на реке Джеймс-ривер, ниже Ричмонда. Столица Конфедерации должна была вот-вот пасть. В то утро к Линкольну обратился бригадный генерал Рипли со срочным сообщением. Рипли привез с собой на «Малверн» солдата, служившего в разведке Конфедерации, который решил переметнуться на сторону победителей, поняв, что дело Юга проиграно. Перебежчик служил в «Специальном бюро» под начальством Рейнса. Федеральная разведка хорошо знала, кто такой Рейнс и какими особо секретными операциями занимается его бюро. Так вот, этот бывший сотрудник Рейнса дал показания: из Ричмонда в Вашингтон заслана группа с заданием, направленным против главы правительства янки. Перебежчик больше ничего не мог сообщить, но настойчиво утверждал, что президенту грозит смертельная опасность. И даже после такого предупреждения военное министерство не приняло мер, чтобы обеспечить безопасность Линкольна.

— Стив! — воскликнул Билл Саундрелл. — Факты начинают выстраиваться в определенную систему. А?

— До этого еще далеко, — проворчал Стив Чейз.

11

Жизнь шла своим чередом. Билл Саундрелл занимался со студентами химией, а свободные дни и часы проводил в архиве филадельфийского муниципалитета, методично просматривая папку за папкой. Удача, однажды улыбнувшаяся ему, явно от него отвернулась. Никаких документов, имевших хоть какое-нибудь отношение к смерти или к наследству полковника Бейкера, ему больше не попадалось. Он начал замечать, что становится раздражительным и ему не хочется встречаться даже с друзьями.

В один из таких тягостных вечеров Билл почти машинально взял со стола этот треклятый военный журнал и вновь — в который уже раз — начал его перелистывать, внимательно вглядываясь в каждую страницу. И тут он впервые заметил внизу на одной из них едва различимое пятно. И неудивительно: раньше все его внимание было поглощено шифром. Конечно, пятно, скорее всего, случайно оказалось на странице. А если нет?

Едва дождавшись утра, Билл Саундрелл помчался в лабораторию своего факультета. Там он просветил обнаруженное пятно ультрафиолетовыми лучами. Увы, по краям пятна проступил лишь красный отсвет, и ничего более. Опять разочарование! Однако за этот сравнительно короткий срок Саундрелл успел выработать в себе некоторую настойчивость исследователя, умеющего не отступать перед неудачами. Он решил испробовать другие средства — стал посыпать таинственное пятно различными химикалиями. Его упорство было вознаграждено: сначала едва заметно, потом все явственнее проступил какой-то росчерк. Саундрелл вглядывался до боли в глазах в косые буквы, начертанные чьей-то неведомой твердой рукой. В конце концов стали ясно видны все буквы — это была подпись «Л. Бейкер».

От напряжения у Саундрелла застучало в висках. Автограф Бейкера был воспроизведен в его книге «История тайной полиции Соединенных Штатов», которую Билл недавно разыскал у букинистов. Если обнаруженная под пятном подпись окажется идентичной автографу, то вот оно — неопровержимое доказательство, что шифрованная запись действительно сделана полковником Бейкером.

Билл сунул подшивку старого английского журнала в портфель и побежал домой. Дрожащими от волнения руками он развернул томик мемуаров Бейкера, где под фотографией полковника был его автограф, и стал сравнивать. Подписи оказались одинаковыми — это было видно, как говорится, невооруженным глазом.

Первым желанием Билла Саундрелла было позвонить Стиву Чейзу и Джин, позвать их к себе и продемонстрировать свое потрясающее открытие. Но Билл представил себе скептические реплики Чейза и передумал. Впрочем, все равно днем его друзья заняты, и вряд ли он сумел бы их разыскать.

У Саундрелла созрел другой план. Он позвонил в муниципалитет и узнал фамилию и телефон городского эксперта по почеркам. Через час он уже был в кабинете эксперта. Пришлось рассказать ему в общих чертах историю наход-

ки. А еще через полтора часа Саундрелл шел домой, неся в портфеле официальное заключение, что подпись, проявленная на полях старого английского журнала, идентична опубликованным автографам полковника Бейкера.

Вечером торжествующий Билл Саундрелл демонстрировал свою находку Стиву Чейзу и Джин Карри.

— И еще эксперт сказал, — заключил он свой рассказ, — что чернила такого типа широко применялись во время Гражданской войны тайными агентами обеих сторон. Они становились видны после того, как бумагу выставляли на солнце примерно на полчаса. Он считает, что за многие годы чернила утратили свои качества, поэтому не обнаружались при просвечивании.

— Да, — развел руками Стив, — это безусловный успех!

Джин на радостях даже расцеловала Билла. Но при этом заявила, что целует его не как мужчину, а как удачливого исследователя-историка. Сама же она в данном случае выступает не как женщина, а как начинающий писатель.

— Ну вот теперь, — твердо заявил Саундрелл, — считаю возможным опубликовать нашу находку.

Чейз был по-прежнему неумолим.

— Нет, преждевременно. Пока ты можешь доказать лишь одно: шифрованные записи действительно сделаны Бейкером. Нужно еще подтвердить, что полковник писал правду. Я вам уже говорил: историки считают полковника Бейкера человеком, мягко говоря, не слишком объективным. Вывод этот они делают, исходя из его мемуаров. По-прежнему наша цель — доказать существование заговора против Линкольна в самом Вашингтоне. Как быть с Бейкером? Давайте внимательно исследуем все обстоятельства его смерти. Малейший намек на то, что смерть Бейкера была насильственной, — уже доказательство, хотя и косвенное. Значит, не зря он писал, что опасается за свою жизнь. Значит, он располагал какими-то материалами, разоблачающими организаторов заговора, и его хотели убрать.

— Боюсь, что Стив опять прав, — со вздохом сказала Джин, — хотя мне очень хотелось бы поскорее увидеть в историческом журнале фамилию Саундрелл. И чтобы гонорар оказался первой каплей золотого дождя!

В тот вечер Билл Саундрелл получил приглашение на чай к декану своего факультета. Декан был уверен, что должен

воспитывать молодых коллег, и время от времени звал их к себе. Это была традиция, которую никто из молодых сотрудников факультета не решался нарушить. Они дружно чертыхались, потому что ничего тоскливее придумать было невозможно. Выпить в доме у декана не давали — он считал нужным показывать молодежи пример нравственности, а чай у него подавали такой, что подающие надежды химики, посмеиваясь, утверждали, будто его уже однажды пили. Кроме того, им приходилось выслушивать сентенции жены декана, которая каждый раз начинала перечислять великие ученые заслуги своего мужа. Отказываться от этих приглашений было просто опасно — шеф смертельно обижался, у провинившегося неминуемо начинались служебные неприятности. Подчиненные называли эти чаепития Голгофой.

В разгар вечера декан отозвал Билла в сторону и, демонстрируя свое отеческое отношение, стал расспрашивать, как идут дела. Билл что-то мямлил, мечтая об одном — чтобы декан поскорее отпустил его душу на покаяние.

Но все оказалось лишь прелюдией. Билл уже чувствовал, что декан куда-то клонит, а догадаться куда — не мог, пока этот старый лис вкрадчивым голосом не задал ему вопрос:

— Я слышал, ваше хобби история?

— Да, — ответил Саундрелл. — В свободное от занятий время люблю почитать исторические сочинения.

— Похвально, очень похвально, — промурлыкал декан. — Ученый, какова ни была бы его специальность, должен знать историю своей страны. Это способствует расширению кругозора и укрепляет в молодом поколении патристические чувства.

«Положим, не всегда», — подумал Саундрелл, но кивнул. А декан, как бы между прочим, заметил:

— Кто-то мне говорил, не припомню... Вы сейчас интересуетесь убийством нашего незабвенного великого президента Линкольна?

Билл насторожился. Откуда декан мог узнать? Ответил уклончиво:

— Да как вам сказать... Так, попались кое-какие книжки по этому делу. А вы не одобряете, сэр?

— Нет, нет, упаси боже, — сказал декан. — Я только думаю, не помешает ли это вашим занятиям на факультете.

Билл решил перейти в атаку и с хорошо разыгранной обидой сказал:

— По-моему, у вас до сих пор не было ко мне претензий?

— Конечно нет, — проворковал декан. — До сих пор не было. Но ведь такие увлечения могут далеко увести и помешать главным занятиям. Кроме того, у вас могут возникнуть выводы. Вам захочется их опубликовать...

— Разве это запрещено уставом университета? — обозлился Билл.

— Что вы, конечно, нет, — ласково сказал декан. — Просто хотел дать вам отеческий совет. Послушайте старика, который желает вам только хорошего. Бросьте вы это дело.

— Почему же? — спросил Билл.

— Вы еще молоды, друг мой, — продолжал декан, — и в вас пока не выработалась такая, если можно сказать, чуткость к общественным веяниям, к политической ситуации. С годами это придет. А сейчас, поскольку вы не все, полагаю, понимаете, хочу объяснить вам: будоражить в настоящее время тени прошлого, сплетни, связанные с убийством Линкольна, просто бестактно. Вы знаете, общественное мнение в нашей стране, да и за границей, до сих пор возбуждено убийством Джона Кеннеди. Безответственные люди в своих корыстных интересах подогревают эту нервозность, высказывают всякие фантастические предположения о каком-то заговоре. В такой обстановке, сами понимаете, исторические параллели совершенно неуместны. Вы согласны со мной?

— Отчасти, сэр, — ответил Саундрелл, только чтобы закончить этот неприятный разговор.

На следующий день он рассказал о беседе с деканом друзьям.

— Да-а, — протянул Стив Чейз, — весьма любопытно. Что тебе сказать? Совершенно ясно, что старый лис плакал не своими, а чужими слезами. Неясно другое: кто его просил или, скорее, поручил ему провести эту душеспасительную беседу?

— Стив, но откуда старик мог узнать, что Билл работает в архиве? — спросила Джин. — Честно говоря, меня это пугает.

— Каждый человек, работающий в архиве, регистрируется.

— Допустим. Но ведь неизвестно, что я там ищу, — возразил Билл. — А старик точно знает: я интересуюсь убийством Линкольна. О шифре-то мы никому не говорили.

— Не будь наивным, Билл. Журнал кроме нас видели

по крайней мере два человека — мой приятель, криптограф, и городской эксперт по почеркам. Разумеется, один из них или оба разболтали о шифровке своим знакомым. О последствиях можно лишь догадываться, что, впрочем, нетрудно. Наш герой, полковник Бейкер, как вы знаете, возглавлял тайную полицию. Выражаясь современным языком — Федеральное бюро расследований. Параллели между убийствами Линкольна и Кеннеди, естественно, нежелательны. Вот тебя и предупредили: не балуйся! Так как? Внемлем предупреждению? Вот и Джин напугалась.

— Ты меня неправильно понял, — вспыхнула Джин. — Или я неправильно выразилась. Что-то в этом есть противное. Как будто ненароком прикоснулись к какой-то скользкой ядовитой гадине.

— Очень точно, — подтвердил Билл. — Отступать я не намерен. Стив, у меня ощущение, как у охотника, который идет по свежему следу за крупным зверем. Какой же охотник добровольно откажется от своей добычи? И запугать меня им не удастся.

13

ДЖОН БУТ. 9—11 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

(Из черновых набросков Джин Карри)

Поздно вечером 9 апреля Джона Бута разбудили крики, доносившиеся с улицы. Он вылез из-под одеяла, не обращая внимания на недовольное ворчание лежавшей рядом Эллы Тарнер, накинул халат и распахнул дверь на балкон. Рев толпы оглушил его. Вся улица возле гостиницы была запружена людьми. Они кричали, пели, обнимались, взрывали хлопушки, размахивали звездно-полосатыми флагами. В этом шуме ничего нельзя было разобрать.

Наконец из отдельных выкриков он уловил причину этого ликования. Джон Бут вернулся в комнату, присел на край постели и привычным трагическим жестом схватился за голову.

— Что там происходит, дорогой? — спросила окончательно проснувшаяся и встревоженная Элла.

— Армия генерала Ли капитулировала, сдалась генералу Гранту. Это конец Конфедерации.

— Ну и черт с ними, — промурлыкала Элла, — иди лучше ко мне под одеяло.

— Дура! — истерически закричал Бут. — Шлюха! — И

ударил ее со всей силы по лицу. Элла заплакала, а Бут начал поспешно одеваться.

— Ты уходишь? — сквозь слезы спросила Элла.

— Да. И когда вернусь, не знаю. А ты лучше выметайся! И если будут расспрашивать обо мне, не вздумай болтать.

Где он провел эту ночь и весь следующий день, неизвестно. Но вечером 10 апреля Луис Вихман, вернувшись со службы, застал в гостиной Джона Бута вместе с приятельницей семьи Сарретов мисс Уорд. Вихман видел, как она передала Буту письмо Джона Саррета, присланное из Канады. Бут нетерпеливо надорвал конверт, пробежал глазами письмо, сунул его в карман и тут же ушел.

А миссис Саррет сразу же попросила Вихмана сопровождать ее завтра в деловой поездке в графство Принс Джордж. Вихман выразил полную готовность.

На следующий день утром — это было 11 апреля — миссис Саррет послала Вихмана в гостиницу «Националь» с просьбой к Буту одолжить лошадь и коляску. Однако Бут сказал, что они уже проданы, и, сунув Вихману десятидолларовую бумажку, посоветовал взять лошадь и коляску на прокат, что тот и сделал.

По дороге в Юнион-таун Вихман и миссис Саррет встретили сарретвильского трактирщика Джона Ллойда. Миссис Саррет попросила остановить лошадь, вылезла из коляски и пошла навстречу Ллойду. О чем они говорили, Вихман не слышал. Потом миссис Саррет вернулась, и они поехали дальше.

Вечером того же дня — 11 апреля — Джон Бут со своим подручным Льюисом Пейном, мрачным, молчаливым гигантом, бывшим солдатом армии южан, который служил Буту, как верный пес, пробирались по улицам Вашингтона по направлению к Белому дому. Жители столицы уже третий день праздновали победу, и хотя у многих головы раскалывались от выпитого виски и глотки охрипли от криков, толпа продолжала неистовствовать. Повсюду трещали и вспыхивали фейерверки, гремели оркестры, на дверях домов висели бумажные фонарики, из окон свешивались флаги. Купол Капитолия был иллюминирован.

Бут и Пейн, разумеется, не принимали участия во всеобщем ликовании. Они добрались до Белого дома и оказались зажатыми среди сотен людей, заполонивших лужайку перед резиденцией президента. Со всех сторон раздавались крики: «Линкольн! Речь!»

Балконная дверь на втором этаже распахнулась, и толпа увидела сутулый силуэт Линкольна. Из глу-

бины комнаты кто-то принес свечу и осветил лицо президента. Приветственные крики еще более усилились. Потом шум улегся, и Линкольн, держа в одной руке свечу, а в другой листки бумаги, начал читать свою речь.

— Сograждане, мы собрались сегодня не в горе, а в радости сердечной. Эвакуация Питерсберга и Ричмонда и капитуляция основной армии инсургентов дают надежду на справедливый и скорый мир...

Люди слушали президента, затаив дыхание. Слушали солдаты, прошедшие сквозь ад войны, слушали вдовы и сироты, потерявшие мужей и отцов, слушали бывшие рабы, получившие свободу, слушали дельцы, нажившиеся на войне и мечтавшие обогащаться и дальше. Слушали генералы, министры, сенаторы, конгрессмены. Эти понимали всю важность момента— президент излагает свою программу на ближайшее будущее.

Многие в толпе ждали, что президент скажет: «Повесить Джефферсона Дэвиса! Жестоко наказать поверженного врага!» Но они были разочарованы. Линкольн не призывал к мести, не предлагал установить военную диктатуру в бывших мятежных штатах, не требовал наложить на Юг суровую контрибуцию. Он говорил о реконструкции Юга — о восстановлении самоуправления для бывших штатов Конфедерации. Он говорил о том, что надо дать право голоса бывшим рабам. Джон Бут в эти минуты не испытывал ничего, кроме чувства слепой ярости. Ему было наплевать на политические идеи президента. На этом человеке, неторопливо, глуховатым голосом произносившем речь, сконцентрировалась вся ненависть, владевшая Бутом. Этот человек был виноват во всем, во всех его неудачах! Это он помешал Буту совершить подвиг, прославить свое имя в веках.

— Льюис, — прошептал Джон Бут на ухо Пейну, дрожа от злости, — выстрели в него сейчас же, убей его!

Как ни был туп Пейн, но сообразил:

— Ты что? Хочешь, чтобы нас растерзали на части?

— Ладно, — прорычал Бут, — все равно, это его последняя речь!

— Твое мнение, Стив? — спросил Билл Саундрелл.

— Что было на душе у Бута в тот вечер, мы можем только предполагать. Несомненно, речь президента прибавила ему врагов. Я уже не говорю о южных плантаторах и

их прямых сторонниках на Севере... В рядах его собственной республиканской партии оказалось немало недовольных. Радикалам, которые стремились к подлинной демократизации Юга, не понравилась половинчатость программы президента. Основная масса республиканцев просто пришла в ярость — Линкольн разрушил их надежды на быстрое обогащение. Они жаждали разграбить Юг: там ждали их миллионы акров плодороднейшей земли, миллионы долларов, вложенных в промышленность и торговлю. А когда дело касается таких высоких ставок, эти люди становятся опасными, перебегать им дорогу не рекомендуется. Как, вы думаете, могли отреагировать на программу Линкольна генералы и офицеры Федеральной армии? Они, разумеется, тоже жаждали наград за выигранную войну. Они тоже хотели разбогатеть и возвыситься. Им уже представлялось, как всевластно они будут управлять оккупированными территориями Юга. Вместо этого — демобилизация, потеря всего, возвращение в то состояние ничтожества, из которого их вывела война. Наконец, какие перспективы открывались перед военным министром Стентоном? Он, обладавший такой огромной властью во время войны, теперь мог стать всего-навсего одним из членов кабинета, и даже не очень влиятельным: на первый план должны были выдвинуться министры финансов, промышленности, торговли. Вряд ли это устраивало честолюбивого и властного мистера Стентона.

— У тебя получается так, Стив, что заговор мог возникнуть лишь после речи президента, то есть после 11 апреля. Но ведь у нас другие факты!

— Ты понял меня слишком буквально. Речь Линкольна — последняя капля, переполнившая чашу их терпения. Раньше они еще могли надеяться, теперь надежд не осталось. И они позволили Буту убить президента. Разумеется, — поспешно добавил Стив, — это всего лишь мои предположения.

15

14 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

(Из записей Стива Чейза в его дневнике)

Поражает нагромождение труднообъяснимых загадок, связанных с охраной Линкольна в тот вечер.

Загадка первая: отказ генерала Гранта присутствовать на спектакле.

Линкольн пригласил Гранта с женой в свою ложу в театре Форда. Об этом было сообщено в газетах.

Если бы Грант согласился, удался ли бы замысел Бута? Вряд ли. Гранта как главнокомандующего армией всегда сопровождал военный эскорт, а это значит, что у входа в президентскую ложу стояла бы военная охрана.

Колебания Гранта понятны. Накануне жена президента Мэри, дама вздорная, не раз ставившая мужа в неловкое положение, публично устроила жене Гранта безобразную сцену ревности.

Днем Грант заходит в военное министерство и делится со Стентоном своими сомнениями. Стентон уговаривает Гранта отказаться от приглашения. Мотивировка: одновременное присутствие в театре и президента и главнокомандующего усиливает возможность покушения.

Обратить внимание: Стентон говорит Гранту о возможности покушения. Значит, допускает такую возможность! Почему же не усилить охрану?

Заметим: Стентон уверен, что отказ Гранта пойти в театр не заставит президента изменить свое решение. Военный министр хорошо знал первую леди страны, знал, какой семейный скандал разразится в Белом доме, если Линкольн отменит этот светский выход, который так любила миссис Линкольн.

Грант прямо от Стентона идет к президенту, сообщает, что не может быть вечером в театре, поскольку они с женой должны уехать из Вашингтона, чтобы повидать своих детей. Линкольн огорчен отказом Гранта, но говорит, что все равно поедет в театр — об этом уже объявлено, и он не хочет разочаровывать публику.

Странный парадокс. Существуют многочисленные анекдоты о том, как Линкольн пренебрегал своей безопасностью и отказывался от охраны, но 14 апреля все наоборот: Линкольн сам просит об охране.

Один из охранников Белого дома, Крук, сопровождавший в тот день президента в военное министерство, впоследствии говорил, что Линкольн по дороге сказал ему: «Крук, вы знаете, что есть люди, желающие моей смерти. Я не сомневаюсь, они добьются своего». Что это было — простое предчувствие или реальное осознание нависшей над ним угрозы?

Удивительное совпадение: Джон Кеннеди в тот день, когда его убили, сказал: «Если кто-нибудь действительно захочет застрелить президента Соединенных Штатов, это будет не слишком трудно — ему надо забраться на высокое

вдание, имея при себе винтовку с телескопическим прицелом, и никто не сможет уберечься».

Загадка вторая: военный министр Стентон отказал президенту в охране на этот вечер.

В военном министерстве Линкольн заходит к Стентону и просит отпустить с ним в театр для личной охраны сотрудника Стентона майора Эккерта (того самого Эккерта, которого в своих зашифрованных записях полковник Бейкер называет участником заговора!!!).

«Я видел, — сказал Линкольн, — как он пять раз скручивал кочергу голыми руками. Думаю, он будет подходящим человеком, чтобы сопровождать меня. Могу я его получить?»

Просьба президента должна была рассматриваться как приказ! Тем не менее Стентон отказывает! Заявляет Линкольну, что не может отпустить Эккерта — у того вечером много работы.

Необычное поведение Линкольна: он заходит в шифровальную комнату военного телеграфа, где работает Эккерт, передает ему свой разговор со Стентоном и просит сопровождать вечером в театр в качестве личного телохранителя. А что касается работы, о которой говорил Стентон, то не может ли она подождать до завтра? Эккерт извиняется перед президентом, говорит, что не может отложить дела, этим вечером он должен быть здесь, на телеграфе.

Примечательная деталь: Стентон, передавая впоследствии свой последний разговор с Линкольном, умолчал о просьбе президента и о своем отказе. Об этом стало известно только в 1907 году, когда подчиненный майора Эккерта Бейтс, находившийся в тот день на военном телеграфе, опубликовал свои воспоминания «Линкольн на телеграфе».

Еще одна примечательная деталь: причина отказа в просьбе президента оказалась чистым блефом со стороны Стентона и самого Эккерта. В тот вечер никаких существенных донесений на телеграф военного министерства не поступало. Более того, Эккерт спокойно оставил телеграф на попечение Бейтса и уже к ужину был у себя дома.

Таким образом, в тот роковой вечер в ложе театра Форда вместе с Линкольном и его женой оказались два человека — атташе военного министерства майор Рэтбоун и его невеста Клара Харрис. Рэтбоун, изящный молодой человек, конечно, не мог бы руками скрутить кочергу, а главное, он находился в президентской ложе как гость, а не телохранитель. У него даже не было оружия.

Итак, в тот единственный раз, когда Линкольн попросил о личной охране, Стентон ему отказал.

Любопытная и весьма точно характеризующая Стентона деталь. В письме генералу Фрею, написанном через несколько дней после убийства Линкольна, Стентон нарисовал такую идиллическую картину своей последней встречи с президентом. Он писал, что «никогда так остро не ощущал свою глубокую привязанность к Линкольну, как во время этой последней встречи. Мы оба видели конец кровавой братоубийственной войны и обменялись поздравлениями. Линкольн с высоты своего роста обнял меня за плечи своей длинной рукой, сердечное объятие означало нашу общую радость по поводу окончания войны. Я отправился домой счастливым. В тот вечер Линкольн был убит...»

Ни слова о просьбе Линкольна выделить телохранителя, майора Эккерта, ни слова о своем отказе. Вместе с тем телеграфист Бейтс, который в своих воспоминаниях в мельчайших деталях описал посещение Линкольном военного министерства в тот день, даже не обмолвился о столь «трогательной» сцене.

По-видимому, чистое фарисейство!

Загадка третья: охранял вход в ложу президента полицейский Джон Паркер.

Из характеристики Паркера, имеющейся в архиве вашингтонской полиции, видно: бездельник, пьяница, скандалист (как-то учинил дикий дебош в одном из публичных домов Вашингтона), откровенный взяточник. Тем не менее был взят в охрану Белого дома, причем по рекомендации жены президента Мэри Линкольн. (Откуда миссис Линкольн могла знать этого прощелыгу и почему рекомендовала его в охрану Белого дома? Неизвестно.)

Ясно одно: такого, как Паркер, можно было купить со всеми потрохами, и очень недорого.

Самое главное. В тот момент, когда Бут подошел к дверям ложи президента, Паркера не было на посту. Согласно показаниям кучера президента Бернса он, лакей Линкольна, а вместе с ними и полицейский Паркер отправились в соседнюю таверну выпить по рюмке виски!

Очень важная деталь. После убийства Линкольна Паркера не отдали под военный трибунал за то, что он покинул свой пост, оставили в охране Белого дома! (Кто спас его от заслуженного наказания?) Его даже не допрашивали, не вызывали в качестве свидетеля на процесс сообщников Бута, и имя Паркера не упоминается в официальном описании убийства Линкольна.

Еще одна существенная деталь. Уже после убийства Линкольна, в ноябре 1865 года, Паркер вновь был уличен в грубом нарушении дисциплины и опять не понес никакого наказания. А вот летом 1868 года Паркера застали спящим на посту и на этот раз выгнали из полиции.

В это время Стентон уже не был военным министром!

Логический вывод. В момент покушения Линкольн был без охраны, никто не мог помешать Буту проникнуть в ложу президента и произвести выстрел! И никто не понес за это наказания. Можно ли считать все это случайным стечением обстоятельств?

16

— Что с тобой, Билл? — воскликнул Стив Чейз, едва переступив порог квартиры Саундрелла и взглянув на его лицо. — Что-нибудь случилось? Неприятности?

— Хорошо, что ты здесь, — с облегчением произнес хозяин. — Я звонил тебе, но, видимо, ты уже вышел. И Джин, как назло, нет дома.

— Так что же все-таки случилось?

— В моей квартире побывали незваные гости. Они пересмотрели все в моем письменном столе, все книги в библиотеке. Действовали, конечно, умело, аккуратно. Но я ведь каждой книге, каждой бумажке...

— Что-нибудь пропало? — прервал его Стив.

— Вроде бы ничего, — не очень уверенно ответил Саундрелл.

— А журнал? Журнал?

— Редкая удача, Стив! Конечно, они искали журнал. Но я как раз вчера наконец последовал твоему совету и отнес его в банк. Теперь он в сейфе.

— Слава богу! — вырвалось у Стива. — Если бы журнал пропал, никакими силами нельзя было бы доказать подлинность шифра. Впрочем, что там подлинность, даже само его существование. Эти мальчики из ФБР наверняка искали журнал. Значит, сделали выводы из твоей беседы с деканом и перешли к действиям.

— Думаешь, можно ожидать новых сюрпризов?

— Вполне вероятно. Постой, постой! — вдруг взволновался Стив. — В твоих бумагах были копии расшифрованного текста?

— Конечно.

— Так можешь не сомневаться, эти ребята сфотографи-

ровали текст. Возможно, именно сейчас их босы изучают шифровку и думают, как бы помешать ее публикации.

— А может быть, мы преувеличиваем их интерес к нам? — неуверенно сказал Билл. — Ну какого черта им волноваться? Какая-то история столетней давности! Можно подумать, у них мало сегодняшних забот.

— Тебе виднее, — насмешливо отозвался Стив, — это ведь не со мной, а с тобой беседовал декан, у тебя, а не у меня устроили обыск.

— Тоже верно, — сокрушенно покачал головой Билл, — но все-таки странно!

— Что ж тут странного? — искренне удивился Стив. — Наоборот, очень логично. То и дело в газетах — все новые, убедительные свидетельства заговора против Кеннеди. А тут еще одна сенсация: оказывается, Линкольн пал тоже в результате заговора самых высокопоставленных лиц в правительстве, а не от руки убийцы-одиночки! Представляешь, какой крик поднимется? Эти исторические параллели будут иным господам как нож острый. Не удивлюсь, если ФБР предпримет против тебя — возможно, и против всех нас — более решительные меры.

— Ты, кажется, решил запугать меня, не дожидаясь мальчиков из ФБР, — мрачно пошутил Билл.

— Нет, просто хочу, чтобы ты шел в бой не вслепую, — ответил Стив.

— Все это неприятно, — сказал Билл, — но непосредственной угрозы я все равно не вижу.

— Вспомни о Дороти Килгаллен! — жестко произнес Стив. — Может быть, несколько насторожишься... Ты не заметил, кстати, как странно ведет себя Джин, едва разговор заходит об убийстве Кеннеди и о свидетелях в этом деле?

— Нет, — растеряннo отозвался Билл, занятый в этот момент мыслью о Дороти Килгаллен, старательно воскрешая в памяти все, что слышал о ней, и пытаюсь понять, что имел в виду Стив, когда упомянул ее имя.

— Едва речь заходит об убийстве Кеннеди и свидетелях, Джин мрачнеет, уходит в себя.

— Тебе, наверное, показалось. Какое она имеет отношение? Она никогда не жила в Далласе — я это точно знаю.

— Возможно, и показалось, — согласился Стив.

Лишь когда он ушел, Билл Саундрелл вспомнил историю Дороти Килгаллен.

Она была довольно известной сотрудницей херстовских газет, ходили настойчивые слухи о ее дружбе с самим Эдгаром Гувером, шефом ФБР. Во всяком случае, она полу-

чила возможность взять интервью в тюрьме у Джека Руби. Это было сенсационное интервью. В нем, в частности, сообщалось, что в июне 1964 года Джека Руби по его просьбе посетили в тюрьме сам верховный судья Уоррен и конгрессмен Джеральд Форд, тоже, между прочим, близкий друг Гувера. Килгаллен писала в своей статье, что Руби умолял их перевести его из далласской тюрьмы в другое место, обещая, что тогда он «расскажет всю правду». Судья Уоррен ему в этом отказал, хотя Руби прямо сказал, что здесь его жизнь в опасности. Через некоторое время после опубликования интервью с Руби Килгаллен стала намекать своим знакомым, что скоро она напишет всю правду «об этом грязном деле». В результате ее нашли мертвой в собственной квартире. Полиция поторопилась сообщить: причина смерти — большая доза алкоголя и снотворного. Медицинское обследование этого не подтвердило, но полицейские власти тем не менее заявили, что доказательств насильственной смерти не было.

Нельзя сказать, что Билл, припомнив эту историю, пришел в хорошее настроение! Стив, как всегда, был прав, и, как всегда, его правота заставляла стискивать зубы. Однако сейчас, может быть, стоило стиснуть зубы! Он, Билл Саундрелл, со следа не сойдет!

17

ДЖОН УИЛКС БУТ. 14 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

(Из черновых набросков Джин Карри)

Этот день начался как обычный, ничто не предвещало каких-либо сенсационных событий. Джон Бут проснулся, позавтракал, вышел из отеля «Националь», прогулялся до парикмахерской неподалеку от театра Гровера, побрился и вернулся к себе в номер. В половине одиннадцатого его посетил маленький щеголевато одетый ирландец из Балтиморы Майкл О'Лафлин. В то утро он гулял с приятелями по Вашингтону и, проходя мимо отеля, сказал, что хочет получить с Бута должок. О чем в действительности говорили эти двое с глазу на глаз в номере «Националя», никому не известно.

Около полудня Бут отправился в театр Форда, чтобы забрать свою почту. У входа в театр ему попался Гарри Форд — один из братьев, владельцев этого заведения. Увидев Бута, Форд шутливо сказал друзьям: «Вот идет самый

красивый мужчина Вашингтона». Он проводил Бута в свою контору, передал ему несколько писем и собирался уже проводить гостя, когда вошел театральный плотник Джеймс Джиффорд и спросил у хозяина: надо ли готовить к сегодняшнему спектаклю правительственную ложу?

— Да, да, обязательно, — засуетился Гарри Форд. — Нам сообщили из Белого дома — сегодня у нас будут президент и генерал Грант с женами. Брат уже поехал давать сообщение в газеты.

— Неужели они собираются смотреть «Нашего американского кузена», это старье? — спросил Бут.

Мог ли Гарри Форд предполагать, что творилось сейчас в душе Бута!

— Представь себе! — воскликнул Форд. — Когда публика узнает, что на спектакль придет генерал Грант, она ринется сломя голову за билетами. Сегодня будет гала-представление!

Бут, попрощавшись с владельцем театра, вышел из конторы и присел на ступеньках у входа, делая вид, что читает письма. Впоследствии на процессе один из свидетелей, видевших его в эти минуты, скажет, что Бут читал письмо и от души смеялся. Может быть, у него были для этого причины?

Действительно, на этот раз судьба подкинула ему подарок — он-то думал, что операцию придется проводить в театре Гровера, а Линкольн будет в театре Форда!

Он понял, что пора действовать.

Никем не замеченный, Бут вернулся в театр, миновал партер, поднялся по лестнице в бельэтаж, прошел боковым коридором, ведущим к ложам 7 и 8, которые при визите важных гостей превращались в одну большую ложу, и, усевшись там, стал наблюдать за репетицией. Опытный актер, он знал, что ему нужен такой момент, когда в зале будет хохот и мало кто обратит внимание на звук выстрела. Ага, вот подходящая реплика — комическая старуха уходит со сцены, и герой бросает ей вслед: «Ах ты, старая мужеловка!» На этой реплике зал обязательно будет смеяться.

Бут неторопливо вышел из театра и зашагал по направлению к 7-й улице. Здесь в конюшне Хоуарда он держал купленную еще в декабре одноглазую сильную кобылу. Бут приказал конюху отвести лошадь в стойло на аллее Баптистов позади театра Форда. А на улице Молл в наемной конюшне Пампфри он договорился с хозяином, что возьмет маленькую гнедую кобылу, которую попросил оседлать к четырем часам.

После этого следы Бута теряются часа на два. Где он был, с кем встречался, не известно.

Около двух часов дня его видели, когда он спустился из своего номера в холл отеля «Националь». Он уже был одет для верховой езды, как всегда элегантен, и женщины в холле бросали на него зазывные взгляды. Он дал им полюбоваться собой — даже мысли о предстоящем не могли отвлечь его от привычного позерства.

Из отеля Бут направился в меблированные комнаты миссис Саррет и имел там конфиденциальную беседу с хозяйкой. Луису Вихману, который по случаю страстной пятницы был не на службе и собирался сопровождать миссис Саррет по ее просьбе в поездке в Сарретвиль, не удалось их подслушать. Вихман видел лишь, как Бут, по-театральному положив руку на доску камина, говорил что-то сидевшей перед ним вдове. Потом уже, когда они ехали в Сарретвиль, Вихман обратил внимание на небольшой пакет, который она бережно держала на коленях. Миссис Саррет объяснила Вихману, что Бут просил ее передать трактирщику Ллойд «стекло». Как потом выяснилось, это был бинокль.

Из меблированных комнат на Эйч-стрит Джон Бут последовал в отель «Херндон хауз» к Льюису Пейну. По-видимому, во время короткой встречи Бут дал необходимые инструкции своему бессловесному и послушному подручному.

Оттуда Бут дошел до отеля «Кирквуд хауз», где проживал вице-президент Эндрю Джонсон и куда в это утро вселился другой подручный Бута, немец по происхождению, маляр из Порт Тобакко — Джордж Атцеродт, занимавшийся тайной перевозкой южных агентов через Потомак. Не застав Атцеродта в номере, Бут прошел в бар, пропустил там на ходу стаканчик бренди и затем совершил, пожалуй, самый таинственный и необъяснимый поступок за весь этот день. Он взял у портье бланк отеля, написал на нем: «Не хочу беспокоить вас. Вы дома?», подписал своим именем и попросил портье передать записку вице-президенту Джонсону.

После этого Бут вернулся в конюшню Пампффри, взял нанятую им гнедую кобылу и загарцевал по Пенсильвания-авеню. Он доехал до театра Гровера и зашел к управляющему театром Хессу; не застав его в конторе, присел к столу и написал письмо. На конверте указал адрес: «Редактору «Нэшнл интеллидженсер» — и, сунув конверт в карман, вышел.

Продолжая верховую прогулку, Бут встретил актера Джона Мэттьюза, спешился, поболтал с ним о том о сем и под конец попросил об одном одолжении — передать завтра письмо редактору газеты «Нэшнл интеллидженсер». Мэттьюс, польщенный, что такая популярная личность, как Джон Уилкс Бут, просит его об одолжении, обещал все сделать.

Далее произошла случайная, но очень важная для Бута встреча. Он увидел открытый экипаж, сопровождаемый кавалерийским эскортом. Лицо военного, сидящего в экипаже рядом с дамой, показалось ему знакомым. Бут пустил свою кобылу рысью, догнал экипаж — хотел удостовериться, что он не ошибся. Да, это был генерал Грант. Бут круто повернул лошадь к отелю «Уиллард», у подъезда которого вечно толклись зеваки, знавшие все на свете. Они-то и рассказали Буту, что генерал Грант с женой едет в Нью-Джерси к своим детям.

Около шести вечера Бут вновь оказался на аллее Баптистов позади театра Форда. Он вызвал своих приятелей — рабочего сцены Спейнджлера и бутафора Мэддокса, которые приняли от него кобылу, вычистили ее и привязали. После этого Бут пригласил их в салун Талтавула и выставил им бутылку виски. Оставив их за этим приятным занятием, Бут, никем не замеченный, проник в театр.

Все, что он делал в течение получаса в пустом театре, оказалось возможным реконструировать по оставленным им следам. Был ли он один, или кто-то, оставшийся неизвестным, помогал ему? Во всяком случае, можно предположить, что Бут прошел через оркестровую яму, подобрал там деревянный брус от сломанного пюпитра, потом поднялся в бельэтаж, осмотрел дверь, ведущую в коридор с правительственной ложей. Ножом проковырял в штукатурке стены отверстие, куда можно было вставить один конец бруса, закрепив второй у ручки двери. Таким образом, брус надежно запирал дверь, никто не мог бы открыть ее снаружи. Брус он спрятал там же в темном углу.

Потом Бут занялся дверью, ведущей из коридора в ложу. Буравчиком (не известно, принес ли Бут инструмент с собой или он был специально для него оставлен заботливой рукой кого-то из служителей театра) просверлил на уровне глаз дырку в дверной панели и расширил ее с помощью ножа. Теперь, стоя за дверью, можно было видеть всех находящихся в ложе. Куски штукатурки и древесные щепочки Бут аккуратно собрал, чтобы не оставалось никаких следов. Из театра он ушел незамеченным.

В семь вечера Бут отобедал в отеле «Националь» и, выпив последнюю рюмку бренди, поднялся к себе в номер. В течение часа никто не видел его.

В восемь Бут ушел из отеля. Проходя мимо портье, он спросил, не собирается ли тот сегодня вечером в театр Форда, и посоветовал ему непременно пойти: «Там будет замечательное представление!»

Куда направился Бут? Сведений на этот счет нет. Вероятнее всего, он собрал где-то своих сообщников и дал им последние инструкции.

В половине десятого Бут подъехал верхом к заднему входу театра Форда. Через подвал он проник к парадному подъезду, через который вышел на 10-ю улицу. Все было в порядке: экипаж президента стоял здесь.

У него оставалось еще время, и он заглянул в таверну Талтавула. Когда он выходил оттуда, кто-то из пьяных посетителей решил подразнить его и крикнул ему вслед: «Тебе никогда не достичь славы своего отца!» Бут обернулся и вызывающе громко произнес: «Я покину сцену самым знаменитым человеком в Америке!»

Бут вернулся в театр. У входа он с улыбкой сказал билетеру Джозефу Бакингхему:

— Ты не будешь *у меня* проверять билет?

Бакингхем рассмеялся — мистер Бут всегда любил пошутить. Бут поднялся по лестнице в бельэтаж и прошел к коридору, ведущему в ложи. Он шел открыто, не таясь. Некоторые зрители видели его, но все они, увлеченные спектаклем, не обратили на него особого внимания.

Дверь в коридор никто не охранял. Возле двери стоял стул для полицейского Джона Паркера. Но Паркера на посту не было.

Бут проскользнул в дверь, нащупал в потемках припрятанный брус и заложил ее. Через просверленную во второй двери дырочку он заглянул в ложу. Там сидели четверо: Линкольн, его жена, молодой офицер и девушка.

Бут достал револьвер «диллинджер» и замер, прислушиваясь к голосам актеров на сцене. Вот и реплика: «Ах ты, старая мужеловка!» В зале раздался дружный хохот. Бут открыл дверь, шагнул в ложу и выстрелил в затылок Линкольну. Президент уронил голову на грудь и застыл в этой позе, как будто заснул.

Молодой офицер оглянулся на звук выстрела, увидел темную фигуру позади кресла президента и облачко дыма. Он вскочил, чтобы схватить неизвестного, но у того в руке оказался кинжал, и майор Рэтбоун ощутил острую боль в

плече. Майор отшатнулся, потом опять бросился к убийце, но тот, отшвырнув его, уже перелезал через барьер ложи.

На секунду Бут повис на руках, держась за барьер, и в этот момент его шпора запуталась в ткани флага, украшавшего ложу президента. Раздался звук рвущейся материи, и Бут спрыгнул на сцену. Он почувствовал боль в ноге, но в горячке не обратил на нее внимания.

Смех в зале уже затихал, когда зрители увидели, как, выпрыгнув из президентской ложи, какой-то человек в несколько прыжков пересек сцену и исчез за кулисами. Никто не успел понять, что произошло.

А Бут, размахивая кинжалом и расталкивая встречных, бежал к заднему выходу из театра. Он почему-то свалил ударом кулака мальчика, державшего под уздцы его лошадь, вскочил на нее и скрылся в темноте вашингтонских улиц.

Минут через пятнадцать — двадцать Бут подскочил к Нэйви Ярд — деревянному мосту через речку Анакостия, от которого начиналась дорога в Нижний Мэриленд. Сержант Кобб, командовавший военной заставой, услышал топот копыт со стороны 11-й улицы, крикнул солдат и вышел к шлагбауму, перекрывавшему въезд на мост.

Всадник остановил лошадь. Сержант Кобб при свете фонаря разглядел хорошо одетого мужчину без шляпы, в отличных сапогах для верховой езды. Все обличье всадника выдавало в нем джентльмена.

— Кто вы, сэр? — спросил Кобб.

— Моя фамилия Бут.

— Откуда вы?

— Из города.

— Куда направляетесь?

— В Чарльз.

Сержант Кобб решил, что всадник имеет в виду графство Чарльз, переспросил:

— В какой город?

— Ни в какой.

— Послушайте, вы же должны жить в каком-то городе?

— Я живу около Винтауна.

— Разве вы не знаете, что выезд из города после девяти вечера запрещен?

— Это для меня новость, — небрежно ответил Бут. — Я прямо со свидания, и решил выехать попозже, когда взойдет луна. В темноте недолго и шею сломать.

Сержант Кобб был в благодушном настроении — война то уже кончилась, стоит ли придирааться к человеку? «На-

верное, сынок какого-нибудь богача, приезжал в город по-развлечься», — подумал он, кивнул одному из солдат, тот поднял шлагбаум, и убийца Линкольна беспрепятственно выехал из Вашингтона.

18

14 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА. ДЭВИД ГЕРОЛЬД. ЛЬЮИС ПЕЙН. ДЖОРДЖ АТЦЕРОДТ

(Из черновых набросков Джин Карри)

В этой главке пойдет речь о трех людях, о трех совершенно разных характерах. Между ними не было ничего общего. Свела их воедино воля и целеустремленность Джона Уилкса Бута.

Льюис Пейн обладал телосложением атлета и мозгами недоразвитого ребенка. Уже в 16 лет он стал солдатом армии южан, привык к крови, смерти, насилию. Получил ранение, попал в плен, освобожден после того, как подписал обязательство не воевать больше против Севера. Есть данные, указывающие на то, что Пейн был затем в партизанском отряде южан под командованием известного мародера и убийцы Мосби. Привыкший к безусловному подчинению, Пейн оказался превосходным орудием в руках Джона Бута.

Дэвид Герольд представлял собой полную противоположность Льюису Пейну. Хрупкий, женоподобный юноша, выросший в кругу своих семерых сестер, которые нянчились с ним, как с куклой, он был хитер и коварен. Артистический блеск и слава Джона Бута покорили Герольда, он преклонялся перед знаменитостью, мало того — обожал. Некоторые историки высказывают предположение, что Дэвид Герольд был гомосексуалистом и этим объясняют то обожание, которое он испытывал к Буту. Для тщеславного Бута этот аптекарский ученик представлял и ту ценность, что Герольд, будучи страстным лошадиником и охотником, прекрасно знал леса и болота Нижнего Мэриленда — именно того района, который Бут избрал для бегства на Юг.

И наконец, Джордж Атцеродт — немец по происхождению, маленький человечек с нелепым лицом, вечно грязный, большой любитель выпить. Атцеродт прожил в Америке уже 25 лет, но по-прежнему говорил по-английски с сильным акцентом и вообще не чувствовал себя американцем. В Порт Тобакко, деревушке на берегу Потомака, он был маляром,

раскрашивал экипажи. Когда началась война между Севером и Югом, Атцеродт сообразил, что ловкий человек может на этом неплохо заработать, и занялся нелегальным перевозом через Потомак южных шпионов, контрабандистов, не брезгуя брать деньги и с северян — «нарушителей блокады».

Вот эти три человека и составляли боевую группу Джона Бута.

Самым деятельным в эту страстную пятницу 14 апреля был Дэвид Герольд. Весь день он мотался по Вашингтону, осуществляя связь между Бутом и другими сообщниками, выполняя его приказы. Утром Герольд украдкой пронес кое-что в номер Атцеродта в отеле «Кирквуд хауз». Потом помчался в отель «Херндон хауз», чтобы передать распоряжения Бута терпеливо сидевшему в своем номере Льюису Пейну. Вернулся в отель «Националь» к Буту. Затем вместе с Атцеродтом отправился в конюшню Аллисона Нейлора напротив театра Гровера, где Атцеродт поставил гнедую кобылу. Мелькал он и в салуне Талтавула, и в театре Форда.

В четверть пятого Герольд опять появился в конюшне Нейлора, чтобы напять верховую лошадь. Старшему конюху Джону Флетчеру эта пара — Герольд и Атцеродт — не понравилась. От Атцеродта сильно пахло спиртным — конюх знал, что пьяный может причинить вред лошади, — а у Герольда все время бегали глазки, и Флетчер подумал: «Этому человеку нельзя доверять». Однако, когда Герольд выложил пять долларов, конюх не посмел ему отказывать. Но предупредил, что лошадь надо вернуть в конюшню не позднее девяти вечера. Герольд выбрал чалую кобылу и хорошее английское седло.

Далее Герольд, уже верхом, отправился на встречу с Бутом и остальными. На этой встрече Бут поручил ему проводить Пейна к дому государственного секретаря Сьюарда, проследив за тем, чтобы появиться в доме точно в назначенное время. Встал вопрос: как проникнуть к государственному секретарю? Сьюард был прикован к постели — лежал в гипсовом папцире, с железным ошейником, подпирающим голову. Не так давно его кучер не сумел сдержать горячих лошадей, они понесли, экипаж перевернулся; Сьюард чудом спасся, отделавшись многочисленными переломами. Герольд предложил купить в аптеке бутылку с каким-нибудь лекарством. Тому, кто откроет дверь Пейну, он скажет, что послан врачом Сьюарда Верди передать больному лекарство. Бут одобрил эту идею.

Теперь они ехали вдвоем по плохо освещенным ватингтонским улицам к дому государственного секретаря, Льюис Пейн и Дэвид Герольд — туная мускульная сила и маленький хитрец. Вот они уже на площади Лафайетт-сквер перед четырехэтажным особняком Сьюарда. Герольд смотрит на часы: десять минут одиннадцатого. Пора! Пейн спешивается, передает поводья своей лошади Герольду и идет к дверям. В руках у него бутылочка с лекарством.

Дверь Пейну открыл слуга Уильям Белл. Пейн вошел и начал, запинаясь, объяснять, что его послал доктор Верди, что он должен лично передать больному лекарство. Белл ответил, что мистер Сьюард спит и его нельзя беспокоить. Пейн продолжал возбужденно повторять одно и то же и двигаться в глубь холла. Наконец вышел в ночном халате и шлепанцах сын государственного секретаря Фредерик. Он тоже сказал визитеру, что пройти к мистеру Сьюарду нельзя, а лекарство можно оставить. Пейн словно в раздумье сказал: «Ну, раз я не могу его видеть...», сделал несколько шагов к двери, потом резко повернулся и направил на Фредерика большой револьвер. Выстрел не последовал, произошла осечка, и тогда со всей своей мощностью он обрушил револьвер на голову Фредерика. Удар был столь сильным, что сын Сьюарда рухнул с проломленным черепом, а револьвер сломался. Пейн швырнул его в лицо своему поверженному врагу, выхватил охотничий нож и устремился в комнату, где в постели лежал, закованный в гипс и стальной ошейник, беспомощный и неподвижный Уильям Сьюард. Даже не обратив внимания на то, есть ли в комнате еще кто-нибудь, Пейн набросился на Сьюарда с ножом.

В этот момент Пейна сзади схватили, он обернулся и увидел перед собой двух мужчин — черного и белого. Это были брат милосердия негр сержант Робинсон и второй сын Сьюарда — Август. Безоружные, они оказались бессильными против вооруженного и разъяренного гиганта. Через несколько секунд оба они валялись с тяжелыми ножевыми ранениями, а Пейн с криком: «Я сумасшедший!» сбежал по лестнице и выскочил на площадь. Лошадь его стояла на месте, но Герольда не было. Пейн вскочил на лошадь и поскакал куда глаза глядят. Вслед ему неслись крики: «Убийство! Убийство! Помогите!», но его никто не преследовал, кроме мальчишки негритенка, который бежал за ним с криком: «Вот убийца!» Улицы были пусты, и негритенок через два квартала отстал.

Так Льюис Пейн выполнил задание Бута. Впрочем, Уильям Сьюард остался жив. От страшных ножевых ударов

его в значительной мере защитили стальной ошейник и гипсовый корсет.

Не знал Пейн и другого — куда делся Дэвид Герольд.

Маленький хитрец, едва до него донеслись крики из особняка Сьюарда, быстро спешил, привязал лошадь Пейна к дереву, вскочил на свою чалую кобылу и пустился вскачь.

Явилось ли это проявлением трусливой натуры Герольда или он действовал по приказу Бута? Скорее всего, последнее. Сделавший свое дело Пейн был никому не нужен. Более того, во время бегства он мог оказаться обузой. Вдвоем легче, чем втроем, остаться незамеченными. Иное дело Герольд с его знанием Нижнего Мэриленда, всех его дорог и проселков, этот был просто необходим Буту.

На Пенсильвания-авеню Герольд перевел лошадь на шаг — не хотел привлекать к себе внимания. Однако, когда Герольд проезжал мимо отеля «Уиллард», какой-то мужчина бросился ему наперерез. Герольд невольно придержал лошадь.

— Эй, ты! — закричал человек. — Слезай! Твое время кончилось!

Только сейчас Герольд узнал в крикуне Флетчера, старшего конюха из конюшни Нейлора. Флетчер уже схватил было лошадь под уздцы, но Герольд прищипорил ее, рванул в сторону и пустил галопом по 14-й улице.

Вскоре Герольд был уже возле шлагбаума у моста Нэйви Ярд. Сержант Кобб вышел ему навстречу.

— Кто такой?

— Свой.

— Фамилия?

— Смит.

Сержант ухмыльнулся.

— И зовут небось Джон?

— Нет, Томас.

— Ладно, Томас. Куда путь держишь?

— В Уайт Плейнс.

— А что ты делал здесь так поздно?

— Спроси об этом у моей возлюбленной! — воскликнул со смехом всадник.

Сержант Кобб снисходительно махнул рукой солдату, тот поднял шлагбаум, и сообщник убийцы президента беспрепятственно выехал из Вашингтона.

Остается рассказать о том, что делал в этот злосчастный день третий участник заговора — Джордж Атцеродт, как он сыграл порученную ему Буту роль.

Следуя инструкциям Бута, Атцеродт утром явился в «Кирквуд хауз». Роскошь отеля потрясла его и насмерть перенугала — красные ковры, сверкающие медные плевательницы, обитые плюшем кресла, безукоризненно одетые джентльмены в цилиндрах, прекрасные дамы. Это был другой мир, чужой и незнакомый ему; всей кожей Атцеродт ощущал, что он своей внешностью, одеждой, манерами бросается всем в глаза, вызывает подозрения. Тем не менее Атцеродт попросил номер, оплатил его на сутки вперед, зарегистрировался под своим именем и получил от портье ключ от номера 126.

Он поднялся к себе, но оставаться в номере было выше его сил, и Атцеродт спустился в бар, чтобы поддержать свое угасающее мужество несколькими стаканчиками виски. В баре к нему подошел Герольд, взял у него ключ от номера и поднялся, чтобы кое-что там спрятать. Уходя, Герольд передал Атцеродту приказ: он должен нанять верховую лошадь в конюшне Келлегера и Пайвелла на 8-й улице и ровно в час прибыть в условное место.

Оставшись один, Атцеродт опять испытал гнетущее чувство страха. Приглушить его могло только виски. Наконец Атцеродт собрался с духом и спросил у портье, в каком номере живет вице-президент Джонсон.

Около часу дня Атцеродт явился в конюшню Келлегера и Пайвелла, нанял лошадь, затем встретился с Герольдом и вместе с ним отправился в конюшню Нейлора, где Атцеродт оставил лошадь. Потом вернулся в бар «Кирквуд хауза». Было обеденное время, и Атцеродт мог издали посмотреть на вице-президента Джонсона. Вид этого крупного, здорового, уверенного в себе человека с квадратным лицом заставил его содрогнуться — с таким нелегко справиться, он сам с кем угодно сладит.

Потом Атцеродт был на тайной встрече Бута с его подручными, получил последние инструкции, после чего вернулся в бар «Кирквуд хауза» и вновь пытался утопить свой страх в виски. Около десяти вечера Атцеродт пришел в конюшню Нейлора, чтобы забрать оставленную там лошадь. Он был уже сильно навеселе. Старший копюх Флетчер, седлая кобылу, заметил, что она выглядит пугливой. В ответ Атцеродт пробормотал: «Да, но она будет хороша при бегстве». Флетчер удивился, но ничего не сказал ему, только спросил, когда появится его приятель, который сегодня днем вместе с ним нанял лошадь, пообещав вернуть ее к девяти вечера. Атцеродт, промямлив, что тот скоро приедет, вскарабкался на лошадь и двинулся в сторону 10-й улицы.

У театра Форда он увидел бушующую толпу, услышал крики, что убит президент — кого-то хотели тут же линчевать.

Нервы Атцеродта окончательно сдали, он прищепил лошадь и пустился вскачь в сторону конюшни Келлегера и Пайвелла. Там он отдал лошадь и устремился в первый же попавшийся бар. Потом в другой, третий...

Ни в отель «Кирквуд хауз», ни к себе домой он уже больше не вернулся.

19

— Здесь ничего мной не придумано. Это только факты, которые уже известны по разным источникам. Я их просто собрала воедино, — скромно сказала Джин, закончив чтение.

— Все правильно, Джин, — сказал Билл Саундрелл. — Ты проделала огромную работу. Теперь, когда вся картина сложена и каждая деталь нашла свое место, легче увидеть последовательность и взаимосвязь событий, определить неясности. В основном Стив уже наметил их. У меня по поводу этой ситуации возникает два вопроса. Судя по всему, Бут знал о том, что Грант не поедет в театр еще до того, как увидел его в экипаже на улице. Я не верю, что Бут рискнул бы идти на убийство, если бы не имел информации, что Грант с военной охраной не явится к Форду. Иначе ему просто не удалось бы проникнуть в ложу президента. Такая попытка была бы равносильна самоубийству, а Бут слишком дорожил своей жизнью и жертвовать ею не собирался. Значит, кто-то сообщил ему, что Грант в театр не придет. Кто знал, что Грант отказался присутствовать на спектакле?

— Ну, этот вопрос легче легкого, — вмешалась Джин. — Знали Линкольн, его жена и Стентон.

— Вот именно! — с ликованием воскликнул Билл. — Знал Стентон!

— Логично, — согласился Стив. — Но логическое заключение не всегда доказательство. О том, что Гранта не будет в театре, могла знать еще куча людей — из окружения Гранта, из персонала Белого дома. Кроме того, наше предположение, что Бут не решился бы на покушение, если бы знал, что Грант будет присутствовать на спектакле, остается пока предположением, не более.

— Ладно, — нехотя согласился Саундрелл. — Тогда второй вопрос: почему Паркер остался безнаказанным и почему его не вызвали свидетелем на суд?

— А ты не допускаешь, — спросила Джин, — что Пар-

кера оставили в тени именно потому, что на процессе могла всплыть рекомендация Мэри Линкольн? Не хотели, чтобы ее имя трепали газеты?

— Вряд ли, — задумчиво сказал Стив. — Даже этим нельзя объяснить безнаказанность Паркера. Тем более что сама Мэри Линкольн считала Паркера участником заговора и выкрикнула ему это в лицо через несколько дней после убийства, когда увидела его на посту в Белом доме.

— Вот видите! — обрадовался Саундрелл. — Так не правильнее ли предположить другое. Паркера не вызывали свидетелем на суд, боясь, как бы он не брякнул лишнего, что хотели скрыть организаторы процесса. А не наказали его потому, что ему покровительствовал кто-то из руководителей военного ведомства или тайной полиции. Даже Стив при всей его осторожности и скептицизме, как я вижу, склоняется к такому выводу.

— Билл, — улыбнулся Чейз, — ведь это опять предположения, но не доказательства. Я хочу привлечь ваше внимание к цепи несоответствий во всей этой истории с попыткой покушения на вице-президента Джонсона. Мы имели возможность убедиться, что Джон Бут был опытным, даже талантливым конспиратором. А здесь вдруг он начинает громоздить одну глупость на другую. Бут поручает убить Джонсона самому неподходящему для этого дела человеку, Джорджу Атцеродту. Он заставляет Атцеродта снять номер в гостинице «Кирквуд хауз», где внешность и поведение этого шута не могут не вызвать подозрений. Он посылает Герольда отнести, как писала Джин, «кое-что» в номер Атцеродта. А это «кое-что» представляет немалый интерес. После выстрела в театре Форда в военной полиции, естественно, подумали об опасности, угрожающей Джонсону. Из отдела майора О'Бирна в «Кирквуд хауз» сразу был послан детектив Джон Ли. Бармен отеля Майкл Генри рассказал ему о подозрительном маленьком человечке, который снял номер и крутился весь день то в холле, то в баре. Джон Ли потребовал вскрыть номер 126. В номере детектив обнаружил довольно странный набор вещественных доказательств: под подушкой — заряженный кольт и три коробки с патронами, под простыней — охотничий нож. На самом виду висело черное пальто, которое, как потом выяснило следствие, принадлежало не Атцеродту, а Герольду. В карманах пальто нашли чековую книжку канадского банка на имя Бута и военную карту южных штатов. Наконец, совершенно непонятная записка, которую Бут оставил в отеле для передачи Джонсону... Но, если вдуматься, в цепи

несуразных действий проглядывает определенная последовательность...

— Ты хочешь сказать, — обрадовалась своей догадливости Джин, — Бут отвел Атцеродту роль, которую в детективах называют «шпион-дурак»?

— Совершенно верно. «Шпион-дурак» засылается параллельно с настоящим для того, чтобы вызвать на себя подозрения и отвлечь внимание контрразведки. Мне кажется, Бут и не собирался устраивать покушение на жизнь Джонсона. Нет, скорее всего, Бут предназначил Атцеродту роль жертвы. Он, конечно, знал характер Атцеродта и что тот никогда не решится на убийство. И несомненно, был убежден, что сразу после убийства Линкольна военная полиция начнет искать следы заговора вокруг вице-президента и в самое кратчайшее время окажется в номере 126 отеля «Кирквуд хауз», обнаружит там неопровержимые улики причастности Атцеродта к заговору и бросится по его следу, дав самому Буту возможность ускользнуть.

Пока Стив излагал свои соображения, Билл Саундрелл, подойдя к книжным полкам, рылся в папках со своими записями и ксерокопиями.

— Вот две выписки. Я о них вспомнил, когда слушал тебя, Стив, — сказал он, возвращаясь к столу, за которым они сидели. — Смотрите. Свидетельские показания Джона Ллойда, хозяина трактира в Сарретвиле, на процессе сообщников Бута. В полночь 14 апреля, когда Бут и Герольд добрались до его трактира, один из них сказал Ллойд: «Я уверен, что мы убили президента и секретаря Сьюарда». Ни слова о Джонсоне! Если бы покушение на него действительно было задумано, откуда бы им знать, что оно не удалось? Прошло два часа, и все это время они провели в пути. По-моему, вопрос ясен. Еще один факт. Через несколько дней в разговоре с тремя офицерами Конфедерации, которые помогали Буту бежать, он признался, что оставил в отеле компрометирующую записку Джонсону с целью возбудить подозрение против него — преемника Линкольна.

— Я что-то не пойму, зачем Буту нужно было компрометировать Джонсона? — вмешалась Джин.

— Возможно, не Буту, — ответил Билл, — а кое-кому покрупнее. В политической игре не брезгают никакими средствами. Не забудьте: всего через два года, в 1867 году, Джонсона пытались подвергнуть импичменту.

— С Джонсоном, — заметил Стив Чейз, — связана еще одна загадка, которая так и осталась неразгаданной, хотя над ней бились многие историки. В поведении Джонсона в

ту ночь было много неясного, даже таинственного. Начать с того, что энергичный и непоседливый Джонсон, который обычно засиживался допоздна в баре отеля «Кирквуд хауз», именно в тот вечер почему-то отправился в постель очень рано. В начале одиннадцатого его разбудили известием о покушении на Линкольна. Джонсон в сопровождении охраны отправился в дом напротив театра Форда, где лежал умирающий Линкольн. Он пробыл у постели президента всего полчаса. Вам не кажется странным такое поведение вице-президента? Он перекинулся несколькими словами со Стентоном, после чего военный министр «отпустил его». Джонсону предстояло вернуться в отель для совещания со своим секретарем, который должен был подготовить его к процедуре введения в должность президента.

Но самое странное произошло дальше. В середине ночи под проливным дождем Джонсон ушел из отеля «Кирквуд» и вернулся только под утро. Около восьми утра сенатор Стюарт пришел в отель «Кирквуд», чтобы повидать Джонсона. По словам сенатора, он застал вице-президента в состоянии тяжелого опьянения, одежда его была в беспорядке, волосы — в грязи. Доктор и парикмахер приводили Джонсона в порядок.

Где он был? С кем встречался? Никто не знает и, видимо, никогда не узнает. Сам Джонсон не обмолвился об этом ни словом.

— Ну и дела! — охнула Джин. — Прямо детективный роман. Два настоящих покушения, одно — инсценированное, и еще одно — провокационное, компрометация...

— Не совсем так, — отозвался Билл Саундрелл, неся еще одну папку с ксерокопиями. — Картина будет неполной, если не учесть существенного факта, так сказать, самоговора.

— Это еще что такое? — спросила Джин.

— Сейчас услышите. Историю эту можно было бы считать комической, если бы за ней не стояли столь серьезные события. Судя по некоторым мемуарам, Стентон уверял, что 14 апреля покушение готовилось и на него и спасся он только чудом. В 10 часов вечера неизвестный человек якобы позвонил к нему в дом, но из-за того, что звонок был сломан, ему никто не открыл. Через несколько минут неизвестного, пытавшегося проникнуть в дом, спугнули друзья Стентона, приехавшие из театра Форда с трагической новостью. Стентон утверждал, что звонок не работал уже несколько дней, что вызывали мастера, но тот был занят и не пришел. Это утверждение вызвало у меня подозрения.

Трудно поверить, что не нашли мастера, который немедленно взялся бы за починку. Тот, кто отказался бы, рисковал очутиться в военной тюрьме. Я принялся искать другие следы этой истории. И, представьте себе, мне повезло.

Билл достал из папки фотокопию.

— Статья называется «Житель Вашингтона принес Стентону известие о смерти Линкольна». И начинается так: «Утверждалось, что сломанный звонок спас жизнь Стентона — убийца пытался проникнуть в дом, но не сумел. В этом рассказе нет правды». И далее автор статьи по фамилии Стерлинг рассказывает, как в этот вечер он вместе со своим соседом пришел к дому Стентона и позвонил. Дверь открыл Эдвин Стентон, сын министра. Молодой Стентон знал Стерлинга и проводил к отцу. Вот как Стерлинг описывает свою встречу с министром, которого разбудил его приход:

«Он закричал своим мощным голосом:

— Мистер Стерлинг, что за новости вы мне принесли?

— Президент застрелен, — сказал я.

— Вы знаете, кто убил его? — спросил Стентон.

— Да, — ответил я. — Говорят, что это человек по фамилии Бут.

Во время разговора министр Стентон ходил взад и вперед по комнате в страшном возбуждении. Потом раздался звонок в дверь. Через несколько минут звонок опять зазвонил. Говорят, что человек, известивший Стентона об убийстве Линкольна, видел неизвестного, который побегал от дома, и что неизвестный принадлежал к банде заговорщиков. Но это неправда. Я и мой сосед сообщили трагическую новость Стентону, и мы никого не видели». Каково?

— Да, очень и очень странно, — сказала Джин. — Но для чего Стентону понадобилась такая детская выдумка?

— Можно допустить два предположения. — Стив Чейз, обычно такой невозмутимый, принялся расхаживать по комнате. — Одно вполне безобидное: из чистого тщеславия Стентону хотелось внушить людям, что южная агентура метила и в него. А то, как же получается? Линкольна убивают, Сьюарда пытаются убить, на вице-президента Джонсона тоже вроде бы покушаются, его же, военного министра, враги, выходит, считают не таким уж крупным государственным деятелем! Но может быть и другое объяснение, не столь безобидное: распространяя эту версию, Стентон снесил тем самым отвести от себя всякое подозрение в причастности к заговору.

— Ага! — торжественно воскликнул Билл Саундрелл. Стив Чейз пожал плечами.

— Историк не имеет права отмахиваться от любой версии, пока не доказал ее несостоятельность.

— Кстати, — сказал Билл, — не забудьте одну существенную деталь в статье, которую я вам прочитал. Одновременно с известием об убийстве Линкольна Стентон услышал имя убийцы.

20

НОЧЬ НА 15 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

(Из черновых набросков Джин Карри)

В первые минуты после выстрела Джона Бута зал театра Форда превратился в ад кошмарный. Зрители орали и бесновались. Женщины визжали, бились в истерике, любопытные пытались залезть в президентскую ложу, в партере раздавались призывы: «Сжечь театр!», «Повесить всех актеров!». Многие в зале узнали Джона Бута и выкрикивали его имя.

Впрочем, в этой толпе нашлись разумные люди, которые не растерялись. В одном из первых рядов партера сидел вашингтонский адвокат майор Джозеф Стюарт. Увидев прыгнувшего из ложи на сцену Бута, он перемахнул через рампу и с криком «Остановите этого человека!» бросился через сцену за кулисы вслед за убийцей. Но перед самым его носом кто-то (кто это мог быть?) захлопнул дверь, через которую только что выскочил Бут. Пока Стюарт боролся с дверной ручкой, прошли как раз те несколько секунд, которые дали возможность Буту скрыться.

Из бельэтажа спектакль смотрел старший офицер вашингтонской полиции майор Ричардс. Он понял, что преследовать убийцу бесполезно, и бросился в коридор, ведущий к президентской ложе, чтобы выяснить у полицейского охранника, как все это произошло. Не обнаружив Джона Паркера на посту, майор Ричардс поспешил в полицейское управление. Там он сообщил дежурным о происшествии, отправил посыльных за резервом, а детективов — в театр Форда, чтобы те задержали свидетелей.

Свидетелей начали приводить в полицию через пятнадцать минут после выстрела Бута. К одиннадцати часам вечера в книге записей вашингтонской полиции уже были

зарегистрированы фамилии семнадцати свидетелей. Далее следует: «Полученная информация свидетельствует, что убийца — Джон Уилкс Бут».

Майор Ричардс немедленно послал рапорт о принятых мерах генералу Огэру, командующему воинскими частями, расположенными в Вашингтоне.

Без труда узнал Бута еще один зритель. Джеймс Фергюсон, владелец расположенного рядом с театром рестораника, хорошо знал Бута и в этот день даже разговаривал с ним. Фергюсон торопливо выбрался из бушующей толпы зрителей и побежал в соседний полицейский участок на Ди-стрит. Там он сказал, что убийца — это известный актер Джон Уилкс Бут. Сделав заявление, Фергюсон поспешил обратно на 10-ю улицу к театру Форда, узнал от собравшихся там зевак, что Линкольна перенесли в дом Петерсона, напротив театра. Подойдя к полковнику Уэллсу, охранявшему вход, Фергюсон сказал, что был свидетелем убийства и может сообщить имя преступника. Полковник Уэллс приказал охране пропустить свидетеля. Там Фергюсон повторил свое заявление военным чинам.

В спальне дома Петерсона лежал Линкольн на слишком короткой для него постели, а по соседству в маленькой гостиной уже царствовал военный министр Стентон. В течение десяти часов, пока умирал Линкольн, Стентон успел ухватить в свои короткопалые ручки всю власть в государстве. Он был диктатором, верховным главнокомандующим и единолично вершил всеми делами страны. Собственный цилиндр, пристроенный на колене, заменил ему письменный стол. Стентон подписывал срочные телеграммы по армии и флоту. Он вызвал из окрестностей Вашингтона восемь тысяч солдат, чтобы они заняли форты, из опасения атаки войск Конфедерации на столицу. Чтобы предотвратить возможные диверсии со стороны агентов южан, он приказал военной полиции, отрядам городской самообороны, детективам, агентам тайной полиции охранять общественные здания, патрулировать улицы.

Стентон командовал членами кабинета, которые собрались у смертного одра президента, совещался с генералами и сенаторами, журналистами и докторами, юристами и священниками. Он кричал, суетился, рассылал в разные концы посыльных.

Стентон взял на себя ответственность за поимку убийц. Приказал захватить театр Форда и арестовать всех участников спектакля, назначил судью Картера главой военно-полевого суда и поручил ему расследовать дело об убийстве.

При этом Стентон лично допрашивал свидетелей и подозреваемых, которых приволакивали с улицы.

Записывать их показания было поручено стенографисту капралу Таннеру. Капрал потом говорил, что за пятнадцать минут услышал достаточно свидетельств, позволяющих отправить Джона Бута на виселицу.

21

В ШТАБЕ ГЕНЕРАЛА ОГЭРА

(Из черновых набросков Джин Карри)

В половине второго ночи детектив Чарли Стоун из полицейского участка на 10-й улице привел в штаб генерала Огэра старшего конюха конюшни Нейлора Джона Флетчера, который хотел сообщить нечто важное.

Флетчера провели к самому генералу Огэру, и он рассказал ему следующую историю.

После того как Флетчер неподалеку от отеля «Уиллард» безуспешно пытался остановить Дэвида Герольда, он побежал в свою конюшню, оседлал лошадь и поскакал по 13-й улице, надеясь перехватить там этого наглого мальчишку. Он был уверен, что тот украл кобылу и хочет скрыться на ней из столицы.

Флетчер знал повадки столичных конокрадов и схему, по которой они действовали: лошадей перегоняли в Мэриленд, а там имелись мастера, которые перекрашивали лошадь так, что ее собственный владелец мог не узнать и купить заново. Поэтому Флетчер поскакал в сторону моста Нэйви Ярд. По дороге ему попался навстречу всадник, и конюх спросил, не встречался ли тому кто-нибудь верхом. Всадник охотно сообщил ему, что встретил двух мужчин верхом — сначала одного, потом другого. «Ага, — злорадно подумал Флетчер, — я так и подозревал, что они работают вдвоем — этот мальчишка с бегающими глазами вместе с подозрительным иностранцем». И Флетчер пустил свою кобылу галопом в указанном направлении.

Он оказался у моста Нэйви Ярд буквально через несколько минут после того, как здесь проскакал Дэвид Герольд. Сержант Кобб, чертыхнувшись про себя, вышел навстречу третьему путнику, которому, должно быть, решил он, тоже не терпелось выбраться из Вашингтона. Флетчер

спросил у сержанта, не видел ли он всадника на чалой кобыле. Кобб кивнул.

— Он назвал свое имя? — спросил Флетчер.

— Да, Томас Смит, — спокойно ответил сержант.

Тут Флетчер окончательно убедился в основательности своих подозрений: конокрад Герольд назвался вымышленным именем. Он рассказал сержанту об украденной лошади.

— Я должен переехать через мост! — решительно заявил конюх.

— А как ты собираешься возвращаться обратно? — осведомился Кобб.

Флетчер посмотрел на него с недоумением. Сержант объяснил, что ночью он его обратно в город пропустить не сможет. Конюх в сердцах выругался и повернул обратно в город.

Далее Флетчер рассказал генералу Огэру, что он на всякий случай поскакал в свою конюшню, убедился, что чалую кобылу не вернули, и после этого решил сообщить о краже в полицейский участок.

К этому времени полицейские обнаружили на окраине Вашингтона загнанную почти насмерть лошадь, сняли с нее седло и уздечку и принесли в штаб генерала Огэра. Это была лошадь, которую бросил Льюис Пейн. Конюх Флетчер опознал и седло и уздечку и сказал, что лошадь нанимал в их конюшне приятель Герольда, с которым они, видимо, вороват лошадей на пару.

Флетчер дал довольно подробное описание внешности и Герольда и Атцеродта, назвал их фамилии и примерный возраст.

Вскоре в штабе генерала Огэра оказался капитан Глизон — тот самый сотрудник военного министерства, которому в свое время Вихман рассказал о готовящемся похищении президента и который тогда же доложил об этом по начальству. Капитан Глизон попросил кавалерийский отряд, поскольку он уверен: убийцы спасаются бегством по известной ему дороге в Нижний Мэриленд через Сарретвиль. Ему отказали.

Примерно в это же время полицейский офицер Ричардс, который первым сообщил в штаб генерала Огэра об убийстве президента и имя убийцы, без большого труда связав сообщение конюха Флетчера о двух всадниках, проехавших через мост Нэйви Ярд, с убийством Линкольна, попросил генерала Огэра дать ему лошадей, чтобы он мог послать своих полицейских в направлении Сарретвиля. Ему тоже

отказали, довольно грубо намекнув, чтобы он сидел в своем полицейском управлении и не вмешивался в дела военных, которые сами, когда нужно будет, займутся преследованием.

— Да, эту ночь можно назвать самой загадочной в истории Америки, — сказал Стив Чейз. — Как всегда, попробуем проанализировать сообща и выделить моменты, вызывающие подозрения.

— По-моему, легче перечислить те, которые не вызывают, — усмехнулся Билл Саундрелл. — Но давайте разбираться по порядку. Что у тебя, Джин?

— Мне здесь на каждом шагу хотелось ставить вопросы, но я, как обычно, стараюсь ограничиваться фактической стороной дела. Я изо всех сил сдерживала себя.

— Теперь-то можешь не сдерживаться... Что тебе кажется в событиях этой ночи странным?

— Все! — решительно сказала Джин. — Буквально все. Имя Бута выкрикнули в зале в ту же минуту, когда он пробежал через сцену. Его опознали десятки людей. Ричардс доложил об этом генералу Огэру; Фергюсон назвал Бута в полицейском участке и военным, собравшимся в доме Петерсона; по словам капрала Таннера, все свидетели, показания которых он стенографировал в доме Петерсона, называли имя Бута. И тем не менее военное министерство, вернее, мистер Стентон, поскольку он единолично руководил всем, до середины ночи вроде бы сомневался в личности убийцы.

— Ты права, — сказал Билл. — Я знакомился с телеграммами, которые Стентон и его подчиненные рассылали начиная от полуночи и до трех часов ночи. Этих телеграмм множество. В большинстве случаев в них сообщается о покушении на Линкольна и Сьюарда, поднимается по тревоге военная контрразведка и полиция, отдается приказ организовать розыск убийц. И только в двух-трех телеграммах названа фамилия Бута и даже не сказано, что это известный актер. Почему? Ведь множество людей видели Бута в спектаклях и без труда могли опознать актера. Более того, лишь через пять часов после убийства была послана телеграмма военному командованию в Балтиморе — родной город Бута — с приказанием арестовать его, если он там появится. И в ней нет описания внешности убийцы, а для солдат, патрулировавших улицы, одно имя без описания внешности

было пустым звуком. Так что хочешь не хочешь создается впечатление, что в течение нескольких часов — самых важных для поимки — имя убийцы президента сознательно не предавалось огласке. Можно подумать, что ему хотели обеспечить бегство.

— Вы знаете, с какой осторожностью я отношусь к скороспелым умозаключениям, — сказал Стив Чейз. — Но на этот раз соблазн слишком велик, и я начинаю поддаваться ему. Тем более что есть одно любопытное дополнение. Как известно, самым крупным телеграфным агентством в стране было в ту пору Ассошиэйтед Пресс — оно снабжало информацией фактически все газеты Америки. В Вашингтоне это агентство представлял Джобрайт, один из ведущих журналистов. С Джобрайтом связана еще одна загадка, оставшаяся не разгаданной по сей день. В тот вечер Джобрайт как раз закрывал свою контору, когда услышал весть об убийстве Линкольна. Он немедленно побежал на ближайший телеграф и дал в Нью-Йорк телеграмму: «В президента стреляли в театре Форда, вероятно, он смертельно ранен». Затем Джобрайт, как истинный журналист, который должен все видеть своими глазами, поспешил в театр Форда. Его усилия были вознаграждены: он прошел в ложу президента и нашел там револьвер Бута. Разумеется, он просто не мог не слышать имени убийцы: его повторяли десятки людей. А вот дальше действия Джобрайта становятся непонятными. Вскоре после посещения театра он дал в Нью-Йорк новую телеграмму. В результате в утреннем выпуске нью-йоркской «Трибюн» появилась информация: «Наш вашингтонский корреспондент распорядился приостановить сообщение о покушении на президента. Нет сведений о том, правильным или ложным было это сообщение».

— Похоже, чья-то могущественная рука удержала журналиста. Скорее всего это была рука Стентона, — сказал Билл. — И вероятно, Джобрайт так никогда и не объяснил столь странного своего поведения?

— Совершенно верно, — подтвердил Стив.

— Так вот, — с торжеством в голосе заявил Билл. — У меня тоже есть для вас сюрприз. Я хотел рассказать об этом позднее, но моя находка, похоже, связана с загадкой Джобрайта. Изучая протоколы комитета палаты представителей, заседавшего в 1867 году, я натолкнулся на существенный факт, который до того скрывался военной цензурой. Оказывается, часов в 11 вечера, иначе говоря, через четверть часа после того, как Джобрайт передал свою вторую телеграмму, все линии коммерческого телеграфа из Вашингтона

перестали работать. Действовала только военная линия на Олд Пойнт Комфорт и Сити Пойнт. Через два часа линии коммерческого телеграфа ожили так же внезапно, как и замолкли. Комитет палаты представителей допрашивал в 1867 году небезызвестного вам майора Эккерта, начальника стентоновского военного телеграфа. Эккерт, признав этот факт, сказал, что коммерческие линии, возможно, были выведены из строя в результате короткого замыкания. Когда его спросили, было ли проведено расследование, он ответил: «Тогда это не представлялось важным, поскольку линии не работали лишь два часа».

— Ничего себе! — воскликнула Джин. — Президент застрелен — и тут же перестает работать телеграф, а им это «не представлялось важным»!

— И заметьте: этот факт тщательно скрывался, военная цензура не допускала его разглашения, — напомнил Билл.

— Если уважаемая адвокатура в лице нашей дорогой Джин не возражает, — сказал Стив Чейз, — приобщаем указанные материалы к делу об убийстве президента.

— Еще не все, — сказал Билл. — Тот вечер и ночь, о которых мы говорим, прямо-таки набиты загадками. Внимание многих историков, например, привлекала непонятная апатия, которая словно сковала действия военного министра и подчиненной ему военной полиции. Если хорошо присмотреться к лихорадочной активности, которую проявляли высокопоставленные чины, ответственные за поимку убийц, невольно создается впечатление: это была скорее симуляция деятельности. Но если присмотреться еще внимательнее, становится ясным: здесь имелаась своя логика.

Билл Саундрелл освободил место на низком круглом столике, возле которого они сидели, и разложил старую карту Вашингтона.

— Вот смотрите. Из Вашингтона шло восемь дорог. Военские части получили срочные телеграммы от Стентона с приказом выставить заслоны на шести дорогах и проверять всех выезжающих из столицы. Но две дороги, ведущие на юг от моста Нэйви Ярд, одна — через Пискатауэй на Порт Тобакко и вторая — на Сарретвиль и дальше на Брайантаун, остались открытыми. А ведь военное командование и военная полиция знали, что через Порт Тобакко пролежала подпольная дорога в мятежные штаты, ею активно пользовались южные шпионы и контрабандисты. Более того, этим же путем шли и разведчики северян, направлявшиеся на Юг. Не забудем о показаниях конюха Флетчера: два подозрительных всадника один за другим вскоре после убийства

пересекли мост Нэйви Ярд. Казалось бы, именно эти две дороги необходимо было перекрыть в первую очередь. Тем более что в Чапел Пойнт, неподалеку от Порт Тобакко, стояла кавалерийская часть. Она даже не была поднята по тревоге. Только в четыре часа ночи в том направлении был послан кавалерийский отряд. Он добрался до Порт Тобакко к семи утра. Таким образом, эти две дороги оставались открытыми всю ночь после убийства.

Примечательно и другое. Военное министерство впоследствии тщательно скрывало упомянутый факт от публики, действовало любыми способами, вплоть до подлога. На процессе сообщников Бута давал, как известно, показания конюх Флетчер. В архивах я нашел эти протоколы. А вот в официальной стенограмме процесса, опубликованной, кстати сказать, «под наблюдением военного министра», часть его показаний изъята. Исчезло заявление Флетчера о том, что он ходил в штаб генерала Огэра, назвал там имя, примерный возраст, описал внешность Герольда, сказал, что преследовал его до моста Нэйви Ярд. О том, что в штабе он, Флетчер, опознал седло и уздечку лошади, которую брал Атцеродт. Совершенно ясно, что часть показаний была изъята, дабы скрыть очевидный факт: власти еще до двух часов ночи имели полную информацию, позволявшую организовать преследование убийц президента Линкольна, и не приняли никаких мер.

— Какие же выводы ты делаешь? — спросил Стив.

— Такие же недвусмысленные, как дважды два. Буту дали возможность бежать, и не только не организовали за ним погоню, но и не позволили это сделать ни полицейскому офицеру Ричардсу, ни капитану Глизону, предлагавшим преследовать убийц именно в направлении Порт Тобакко! Если бы Ричардсу в штабе дали лошадей, он мог бы настичь Бута и Герольда еще до наступления утра. И вся ответственность за это лежит на министре Стентоне.

— Но если существовал такой тщательно разработанный план безопасного бегства Бута, — спросила Джин, — то почему же он сорвался?

— Никакой, даже самый гениальный план не может предусмотреть всех случайностей. Такой случайностью, порушившей схему бегства и погубившей Бута, оказался украшавший ложу президента флаг. Бут зацепился за него шпорой, спрыгивая на сцену, и сломал себе ногу. Я прикинул: если бы не сломанная нога, Бут достиг бы нижнего течения Потомака и оказался в Виргинии не позднее пяти часов утра.

БЕГСТВО БУТА И ГЕРОЛЬДА

(Из черновых набросков Джин Карри)

Благополучно миновав мост Нэйви Ярд и оказавшись на мэрилендском берегу Анакостии, Бут облегченно вздохнул. Возбуждение, владевшее им последние полчаса, спало, и он начал ощущать боль в ноге.

Вскоре его догнал Дэвид Герольд, и они поскакали по направлению к Сарретвиллю. Боль в ноге Бута становилась все острее — переломанная кость при каждом движении лошади терзала мускульную ткань. Ему то и дело становилось дурно.

Наконец они добрались до таверны Ллойда в Сарретвиле. Герольд, соскочив с лошади, принялся колотить в запертую дверь. Бут ждал его, не слезая со своей кобылы. Заспанный и пьяный Ллойд открыл в конце концов дверь и, повинувшись приказанию Герольда, полез на чердак, где было спрятано оружие.

— Бога ради, принеси мне бренди! — крикнул Герольду Бут. — Эта проклятая нога сведет меня с ума!

Через минуту Герольд вернулся с бутылкой.

— У него нет бренди. Только виски.

Бут выхватил бутылку и стал жадно пить из горлышка. Виски чуть сняло боль, и он начал торопить Герольда. Они взяли один из двух карабинов и бинокль — тот самый, который привезла сюда накануне миссис Саррет. Второй карабин и веревки, приготовленные в свое время для похищения Линкольна, оставили у Ллойда.

— Где здесь ближайший доктор? — спросил Бут. — У меня повреждена нога.

— Неподалеку живет доктор Хокстон, — отозвался Ллойд, — но он уже стар и не занимается практикой.

— Черт с ним, — сказал Бут, — мы найдем другого.

Герольд расплатился с Ллойдом за виски, и они поскакали по дороге на Порт Тобакко. Однако вскоре Бут сказал, что до Порт Тобакко он не доедет: боль в ноге становилась непереносимой. Тогда Герольд, который знал эти места как свои пять пальцев, свернул на проселочную дорогу в сторону Брайан-тауна.

Около четырех часов ночи они подъехали к ферме доктора Мадда. Бут был когда-то в гостях у Мадда и даже ночевал у него, но без Герольда никогда бы не нашел эту

ферму. Герольд разбудил доктора и, как он потом показывал на судебном процессе, сказал Мадду, что его друг повредил себе ногу и нуждается в срочной помощи. Имени Бута он якобы не назвал.

Вдвоем с Маддом они с трудом сняли Бута с лошади, отнесли в дом и уложили на кровать. Нога Бута так распухла, что снять с нее сапог оказалось невозможно, доктору Мадду пришлось его разрезать. Осмотрев ногу, Мадд сказал, что перелом тяжелый, придется наложить лубок, недели две больной должен будет лежать в постели, потом он сможет ходить только с костылем.

Мадд вправил Буту кость, наложил самодельный лубок, напоил больного крепким самогонным виски, и тот уснул.

На следующий день доктор Мадд по просьбе Герольда смастерил для Бута костыль. Потом он отправился верхом к своему отцу — тот жил неподалеку, — чтобы попросить у него коляску для больного. Вернулся он ни с чем: старик сказал, что коляска будет нужна ему самому. Узнав об этом, Герольд поскакал в Брайан-таун в надежде достать там какую-нибудь коляску или тележку.

Вскоре он вернулся, чрезвычайно взволнованный: в Брайан-тауне Герольд увидел кавалеристов в синей форме и понял, что за ними началась охота, пребывание в этой местности становилось опасным. Герольд поспешно оседлал лошадей, взгромоздил на одну из них Бута с его костылем, и они отправились в дальнейший путь.

24

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОФИЦЕР РИЧАРДС

(Из черновых набросков Джин Карри)

Майор Ричардс метался по своему кабинету в полицейском управлении, как тигр в клетке. Никогда в жизни он не ощущал себя в более дурацком положении: совершенно преступление века, убит президент Соединенных Штатов, он, майор Ричардс, знает, кто убийца, знает имена его сообщников, Герольда и Атцеродта, почти уверен, в каком направлении те бежали, первым собрал необходимую информацию, хотел первым броситься в погоню и наверняка сумел бы схватить преступников (как опытный служака, он понимал, что это принесло бы ему множество выгод: повышение по службе, большие деньги). Хотя награда за поим-

ку убийц и не объявлена, но майор Ричардс не сомневался: будет крупный куш. А ему приходится сидеть в полицейском управлении на 10-й улице и заниматься всякими глупостями вроде приказа, который он получил от военного министерства и как дисциплинированный чиновник передал во все полицейские участки Вашингтона: «В связи с печальными событиями вчерашнего вечера я получил указание, чтобы места, где продаются спиртные напитки, были закрыты сегодня на весь день и ночь».

Военное командование отказалось предоставить ему лошадей для преследования убийц. Ричардсу дали понять, чтобы он сидел в своем полицейском управлении и не вмешивался в дела военных чинов.

— Они ведут у меня за спиной свою игру, — бормотал он, шагая из угла в угол, — они нацелились сами получить награду! Поэтому-то и стараются меня отстранить! Но они плохо знают майора Ричардса!

От своих детективов Ричардс узнал, что начальник военной полиции О'Бирн послал людей обыскать номер Бута в отеле «Националь», но что они там нашли, ему осталось неизвестным.

«Ну что ж, — решил Ричардс, — раз они хотят выключить меня из игры, я начну вести свою собственную. Еще неизвестно, кому достанутся доллары!» И начал действовать.

К двум часам ночи майор Ричардс успел допросить несколько десятков свидетелей и многое выяснил. В частности, в показаниях некоторых свидетелей всплыло имя Джона Саррета. Вскоре Ричардс уже знал адрес, по которому проживает Джон Саррет, — дом № 541 по Эйч-стрит. Он вызвал детектива Джона Кларво и приказал ему взять группу, обыскать меблированные комнаты миссис Саррет и арестовать Джона Бута и Джона Саррета, если он их там застанет.

В 2 часа 15 минут ночи оперативная группа Кларво окружила дом миссис Саррет и кто-то позвонил в дверь. Открыл Луис Вихман. Ни одного из названных Ричардсом лиц в доме не оказалось. Миссис Саррет заявила, что ее сын уже две недели как в отъезде и она не знает, где он в настоящее время находится. Луис Вихман заверил детективов, что утром явится в полицейское управление, чтобы помочь дальнейшему расследованию. После этого детективы покинули дом миссис Саррет.

Около семи часов утра Ричардс раздобыл наконец лошадей, поспешно сформировал отряд и послал его в Саррет-вилль. Через час его люди стучали в двери придорожной та-

верны. Непроспавшийся, пьяный Ллойд заверил их, что никого, похожего на Бута или Герольда, он в глаза не видел. Более того, он послал полицейских по заведомо ложному пути — на Пискатауэй.

До полудня 15 апреля люди Ричардса безуспешно рыскали по дорогам. Старые клячи, предоставленные им военными властями, годные только на живодерню, уже через несколько часов скачки начали спотыкаться и падать. В полдень полицейский отряд вынужден был повернуть обратно в Вашингтон.

И все-таки майору Ричардсу везло: информация сама шла ему в руки. Утром в субботу в его кабинете появились Луис Вихман и другой постоялец меблированных комнат миссис Саррет — Джон Холлоган. Ричардс начал их допрашивать, и уже через пять минут ему была ясна вся картина: Вихман рассказал о тайнственных совещаниях Бута с Джоном Сарретом и другими заговорщиками, происходивших в доме № 541 по Эйч-стрит, о планах похищения Линкольна и о многом другом. Он подробно описал внешность Герольда, Пейна, Атцеродта, не утаил и о своих поездках с миссис Саррет в Сарретвиль, о путешествиях Джона Саррета в Ричмонд и Канаду.

Майор Ричардс довольно потирал руки: теперь он был уверен, что находится на верном пути. Холлогана отпустил домой, а Вихмана вместо того, чтобы отправить в тюрьму, оставил у себя. Этот ценный свидетель нужен был ему самому, и он не собирался передавать его своим конкурентам — военным властям. В последующие дни Ричардс посылал Вихмана в сопровождении своих людей в Балтимору, а потом в Канаду в надежде, что они нападут на след Джона Саррета и Вихман поможет опознать его.

Спустя два года, на процессе Джона Саррета, майор Ричардс давал показания. Суд поинтересовался, почему он «присвоил» себе такого ключевого свидетеля, как Луис Вихман. Ричардс ответил довольно откровенно: «Да, мы хотели оставить его у себя в качестве свидетеля. Определенная группа монополизировала всю информацию, и мы считали, что имеем на это право, поскольку нам было выражено недоверие или неуважение».

— Да-а, — протянул Стив Чейз, — майору Ричардсу действительно не повезло. В ту ночь он был ближе всех к цели и мог бы схватить удачу за хвост.

— Разве дело в везении! — с раздражением возразил ему Билл. — Ричардса сознательно отстранили от преследования убийцы Линкольна. Иначе он своей активностью спутал бы карты тех, кто делал все возможное, чтобы Бут мог бежать на Юг.

— Это еще нужно доказать, — поддела его Джин.

— Ах вот как! Ты уже объединяешься со Стивом в его скептицизме! Выходит, вы оба против меня. Но я вам докажу, что я прав!

— Вот этого мы от тебя и ждем, — с усмешкой сказал Стив. — Ну а какую очередную загадку ты сегодня предложишь нам?

— Смейтесь, смейтесь, — как всегда сразу же успокоился Билл. — Хотите поломать головы над очередным ребусом? Пожалуйста... Прошлый раз я мельком упомянул, что в четыре часа ночи генерал Огэр все-таки отправил в Нижний Мэриленд кавалерийский отряд. Знаете, кто командовал отрядом? Младший брат заместителя военного министра Чарльза Дана лейтенант Дэвид Дана.

— Надо думать, он был свой человек для Стентона, — заметила Джин.

— Да уж наверное, — согласился Билл. — И в свете этого некоторые его загадочные действия приобретают особый интерес. В семь часов утра кавалерийский отряд Дана достиг Пискатауэя. Перед ним стояла задача патрулировать треугольник между Пискатауэем, Аюкииксом и Сарретвилем. Но лейтенант Дана предпринимает неожиданный и непонятный шаг: он со своим отрядом уходит в сторону от порученного ему района патрулирования — в Брайан-таун. В полдень он уже расположил свой штаб в местном отеле. А Бут в это время спит в доме доктора Мадда менее чем в пяти милях от него.

— Помните такую детскую игру «холодно-тепло-горячо»? — прервала его Джин. — Так это уже «тепло»!

— Верно, — согласился Билл. — Давайте теперь рассудим, что могло заставить Дана нарушить полученный им приказ?

— Могло быть только два варианта, — сказал Стив. — Либо Дана получил от своих начальников новый приказ — перебазироваться в Брайан-таун, либо в его распоряжении оказалась какая-то информация о местопребывании Бута.

— Справедливо, — ответил Билл. — Но в таком случае он обязан был доложить телеграммой командованию, что направляется в Брайан-таун. Между тем в архивах военного министерства нет ни приказа лейтенанту Дана, ни телеграм-

мы от него. Дело не только в этом. После одного необъяснимого поступка Дана совершает другой, который тоже трудно понять. Вместо того чтобы немедленно прочесывать местность вокруг, он со своими кавалеристами бездельничает весь день в Брайан-тауне. Герольд, прискакавший туда в надежде достать коляску, увидел людей Дана, поспешил обратно в дом Мадда, и они с Бутом немедленно покинули ферму. Короче говоря, лейтенант Дана, имевший реальный шанс захватить Бута, объективно дал ему возможность опять ускользнуть.

— Может быть, люди и лошади у Дана были настолько измотаны, что он решил дать им отдых? — предположила Джин.

— Но Дана и в последующие дни не занялся активными поисками, — возразил Билл. — Не правильнее ли предположить, что Дана слишком уж приблизился к цели и кто-то в военном министерстве дал ему секретную директиву остановиться?

— Предположить такое можно, — сказал Стив, — но ты же сам говоришь, что никаких телеграмм в военном архиве нет.

— Нет, — печально подтвердил Билл. — Однако зарубку в памяти по поводу этой загадочной детали сделать надо. Тем более что и в дальнейшем поведении Дана есть странности. В воскресенье, 16 апреля, когда Бут и Герольд были уже далеко от фермы, доктор Мадд, узнав о розыске и, видимо, желая на всякий случай реабилитироваться перед властями, рассказал своему кузену Джорджу Мадду, что оказал гостеприимство двум незнакомцам, из которых один нуждался во врачебной помощи. Он попросил его сообщить обо всем командиру кавалерийского отряда. Доктор Мадд объяснил кузену, что не хочет сам это делать, потому что боится мести сторонников южан. Джордж Мадд поехал к лейтенанту Дана. И Дана, вместо того чтобы немедленно отправиться на ферму доктора Мадда, произвести там обыск и прочесать все окрестности, не предпринял ничего! Только на следующий день, когда в Брайан-таун прибыло несколько детективов, посланных начальником военной полиции О'Бирном, Дана передал им информацию, полученную от Джорджа Мадда. Детективы тоже не очень торопились и только 18 апреля поехали к Мадду допросить его. Они даже не произвели обыска в доме доктора. Это было сделано только 21-го. Детективы сразу же нашли сапог, который доктор Мадд срезал с ноги своего пациента, и обнаружили на подкладке фамилию Бута. Им не оставалось ничего другого,

как арестовать доктора. Вам не кажется, что все это происходило как при замедленной киносъемке?

— Билл, ты начинаешь отбивать хлеб у Джин, — пошутил Стив. — Но если говорить всерьез, то я бы даже рискнул развить эту метафору. Похоже, кто-то крутил ручку киноаппарата именно в таком темпе, чтобы Бут и Герольд успели убежать на Юг.

— Вот видишь, Стив, — обрадовался Саундрелл. — Ты все чаще начинаешь соглашаться с моими доводами. Бог мой! — прервал он сам себя. — С этими разговорами я чуть не забыл: у меня в духовке запекается прекрасная баранья нога!

— Начиненная чесночинками исторических загадок? — улыбнулся Стив.

Но Билл уже не слушал его. Он хлопотал на кухне возле плиты. Вскоре и Джин направилась на кухню, считая, что без ее руководящих указаний хозяин дома не справится.

Стив Чейз, оставшись в одиночестве, постоял у стеллажей, потрогал книги, потом включил телевизор и начал рассеянно переводить с одной программы на другую.

И вдруг он крикнул:

— Идите скорее сюда!

— Что случилось? — в один голос спросили Джин и Билл, прибежавшие с кухни.

— Умер Джек Руби! — объявил Стив. — Скончался в Далласе в Парклендском госпитале.

— Опять этот проклятый Парклендский госпиталь! — воскликнула Джин.

— А чем тебе, собственно, не нравится этот Парклендский госпиталь? — спросил Билл.

— А тем, что он начинает играть зловещую роль во всей этой истории! — почти выкрикнула Джин. — Там скончался Джон Кеннеди, потом туда закинули на обследование далласского полицейского офицера, свидетеля... Помните?

— Ну как же, — отозвался Стив. — Умер через два дня от «ураганного» рака.

— А теперь, — взволнованно продолжала Джин, — в этом же госпитале отдает богу свою грязную душу Джек Руби. Совсем недавно писали в газетах, что он прекрасно себя чувствует!

— Этого следовало ожидать, — в напряженной задумчивости сказал Билл. — Журналистка Дороти Килгаллен писала незадолго до своей смерти: когда судья Уоррен отказался перевести Джека Руби в тюрьму другого штата, тот крикнул ему вслед: «Вы меня больше не увидите!»

— Разумеется, он хорошо знал правила игры и понимал, что теперь не жилец на этом свете, — хмыкнул Стив.

— Только вряд ли Руби остался бы в живых, если бы Уоррен перевел его в другую тюрьму, — вмешался Билл.

— Почему? — спросил Стив.

— Имеются прецеденты, — объяснил Билл. — Один далласский журналист, по-видимому, знал больше, чем надо, и понимал, чем ему это грозило. Он, от греха подальше, переехал из Техаса в Калифорнию, но ему и это не помогло. Когда он сидел в полицейском управлении, вошли двое полицейских, и один из них хладнокровно пристрелил его. Ну а суд, конечно, оправдал этого молодца, квалифицировав это убийство как несчастный случай.

— Мальчики, как вы можете говорить так спокойно? — У Джин на глазах выступили слезы. — Это так страшно! Выходит, нет законов и можно безнаказанно убить любого — от президента до... до кого угодно!

— Джин, — осторожно спросил Чейз, — а почему ты так близко принимаешь к сердцу все эти убийства свидетелей, связанных с делом Кеннеди? Можно подумать...

— Глупость! — резко оборвала его Джин. — Я не имею к нему никакого отношения. И вообще мне надоел этот разговор!

26

ПОЛКОВНИК ЛАФАЙЕТТ БЕЙКЕР

(Из записей Стива Чейза в его дневнике)

В субботу 15 апреля в три часа дня Стентон дал телеграмму полковнику Бейкеру, находившемуся в Нью-Йорке: «Приезжайте немедленно, возможно, вы сумеете найти убийцу». (Почему такая полупросьба? Возглавить преследование убийц президента было прямой обязанностью начальника тайной полиции.)

В воскресенье Бейкер был уже в Вашингтоне. В «Истории тайной полиции» он всячески подчеркивал, что до его приезда ничего не делалось для организации преследования убийц. Он пишет: «Я не узнал ничего, кроме того, что Джон Уилкс Бут — предполагаемый убийца, а Герольд — его сообщник. Я спросил, есть ли их фотографии, описание внешности, опубликованы ли они? К моему удивлению, ничего не было сделано. В течение воскресенья по городу поползли слухи,

которые связывали имя Джона Саррета с убийцами. Я немедленно добыл фотографии вышеупомянутых лиц и вместе с полным и точным описанием каждого из убийц в понедельник 17-го напечатал их в циркуляре, в котором обещал награду в десять тысяч долларов. Циркуляры были разосланы многим детективам во все части страны. Эти фотографии и описания внешности были первыми».

Цель Бейкера ясна: он хочет доказать, что первым начал розыск убийц и, следовательно, вся честь этой операции принадлежит исключительно ему.

В приведенном тексте две лжи. Первая: циркуляры с фотографиями Бута, Герольда и Джона Саррета были разосланы не 17-го, а 20-го. Но это мелочь, как и то, что награда уже увеличилась до двухсот тысяч долларов — целого состояния. Важно иное: фотография Бута была явно неудачная, фотография Герольда относилась чуть ли не к его школьным годам, а на снимке, под которым стояла подпись «Саррет», вообще был кто-то другой, возможно, его старший брат. Конечно, в суматохе, вызванной убийством, такие накладки вполне могли произойти. Но не забавно ли? Военное министерство, озабоченное стремлением выглядеть перед общественным мнением безупречным, через несколько лет отпечатало тот же циркуляр, но уже с другими фотографиями! И здесь произошла накладка, которую многие также заметили: фотография Герольда была сделана уже после его ареста, а Джона Саррета — и того позже.

Зачем понадобилась такая фальшивка? Неужели только из желания предстать безупречными перед будущими историками? Так ли уж это было важно? Или здесь сработала общая тенденция фальсифицировать все, что связано с убийством Линкольна?

Оставляя в стороне эти не столь уж существенные моменты, можно считать, что полковник Бейкер, приехав в столицу, развил бурную деятельность.

Учитывая слухи об участии Джона Саррета в заговоре, он начал принимать меры. 17 апреля в 11 часов вечера генерал Огэр приказал произвести обыск в доме миссис Саррет и арестовать его обитателей. Снарядили отряд военных детективов. И надо же случиться такому совпадению (когда такие штучки показывают в кино, зрители морщатся!). В доме начался обыск, полицейский офицер Рош был оставлен для наружного наблюдения. В это время к дому подошел высокий молодой мужчина с мотыгой на плече. Рош пропустил его в дом и последовал за ним. Посетителя встретил майор Вермерширк и спросил, что ему здесь нужно. «Я при-

шел по просьбе миссис Саррет, которая еще утром просила меня выкопать сточную канаву», — ответил он.

Специальный следователь военного министерства Морган ехидно спросил: «И вы пришли копать канаву в половине двенадцатого ночи?» В эту минуту в прихожей появилась миссис Саррет. Полицейские спросили ее, знает ли она этого человека. В ответ она стала кричать: «Клянусь богом, я никогда раньше не видела этого человека, и кто он — не знаю!»

Единственным документом, который оказался у незнакомца, был сертификат, удостоверяющий, что он принес клятву верности федеральному правительству. На сертификате стояла фамилия: «Льюис Пейн». Брошенный Герольдом в момент покушения на государственного секретаря Сьюарда, Пейн скрывался эти два дня в лесах около Вашингтона и, отчаявшись, решил пойти в единственный дом в столице, который был ему известен.

В тот же день, 17 апреля, были арестованы и более мелкие сообщники Бута — О'Лафлин, Самюэль Арнольд и Эдвард Спейнджлер. Шли розыски Атцеродта. О степени их эффективности можно судить по тому, что Атцеродту, несмотря на характерную, бросающуюся в глаза внешность, удалось беспрепятственно выбраться из Вашингтона, на попутном фургоне доехать до Джордж-тауна, потом до Теннелитауна, где его задержал военный патруль и... отпустил! Джорджа Атцеродта арестовали только 19 апреля в Джерман-тауне.

Существенная деталь. Сразу же после убийства Линкольна Стентон отдал приказ, широко разрекламированный: захватить убийцу во что бы то ни стало живым. Когда стало известно, что Бут и Герольд останавливались у доктора Мадда на ферме и что у Бута сломана нога, Стентон послал туда своего доверенного человека — полковника Вуда, еще в 1863 году назначенного начальником вашингтонской тюрьмы Олд Кэпитол. Казалось бы, такое поручение можно было дать любому офицеру тайной полиции — у полковника Вуда и без того хватало неотложных дел в Вашингтоне, тем не менее Стентон посылает туда именно его! Полковник располагает своих солдат в кустах вокруг дома доктора Мадда — были якобы подозрения, что Бут и Герольд скрываются где-нибудь в болотах поблизости и, возможно, попытаются пробраться в дом за едой — и отдает им приказ стрелять в каждого, кто появится на ферме! Прямо скажем, приказ никак не вяжется с распоряжением Стентона брать убийцу живым!

Не означает ли это, что после сообщения о сломанной ноге Бута и, следовательно, небольших шансах на успешное бегство было принято решение: убийца при аресте ни в коем случае не должен остаться в живых?

27

БЕГСТВО БУТА И ГЕРОЛЬДА ИЗ НИЖНЕГО МЭРИЛЕНДА В ВИРГИНИЮ

(Из черновых набросков Джин Карри)

Около пяти часов вечера в субботу 15 апреля Бут и Герольд уехали с фермы доктора Мадда. Их путь лежал на юго-запад вдоль кромки здешних болот, узкой полосой протянувшихся от Брайан-тауна к Аллен Фреш. Беглецам надо было где-то переправиться через Потомак. Доктор Мадд, видимо, посоветовал им добираться до фермы полковника Кокса, известного своими симпатиями к Югу, намекнув, по всей вероятности, что Кокс поможет им перебраться в Виргинию. Неподалеку от фермы полковника Кокса, там, где речка Викомико впадает в Потомак, тайные агенты южан прятали свои лодки.

Стемнело, и Герольд сбилсся с дороги. Им пришлось продираться сквозь заросли кизила, лошадей Герольд вел на поводу. Костыль Бута то и дело проваливался в болотистую почву, его нужно было вытаскивать из вязкой грязи, сломанная нога нестерпимо болела. Бут проклинал все на свете. Ему было до слез жалко себя; думал ли он, идя на убийство президента, что придется вот так ползать в грязи, в болоте, корчась от боли на каждом шагу? В конце концов они решили вновь сесть на лошадей и довериться их чутью.

Неожиданно перед ними из темноты выросла фигура человека. Черт лица его разглядеть было невозможно, виднелись только поблескивающие белки глаз. Герольд и Бут схватились за оружие. Впрочем, незнакомец сам трясся от страха. Негр Оскар Сван хорошо знал, что для белых людей, скитающихся в это беспокойное время по болотам Зеккиа, убить черного человека, некстати попавшегося им на пути, легче, чем плюнуть.

Но оказалось, что у белых были на него другие виды: они потребовали от Свана, чтобы он проводил их к ферме полковника Кокса. Оскар Сван чувствовал, что с этими людьми происходит неладное, что он может с ними попасть в беду, но отказаться было еще опаснее — от них пахло смертью.

К середине ночи Сван привел незнакомцев к полковнику Коксу.

Назвал ли себя Бут, или полковник Кокс сам догадался, кто эти ночные пришельцы, или он готов был помогать любым беглецам с Севера? Так или иначе, но он снабдил их едой и проводил к оврагу в полумиле от своей фермы, где они могли укрыться. А утром он послал приемного сына к своему родственнику фермеру Томасу Джонсу. Этот Джонс был активным участником подпольной организации, работавшей на южан, и он немедленно откликнулся на просьбу Кокса помочь беглецам.

В тот же день Джонс с необходимыми предосторожностями пробрался к укрытию Бута и Герольда, просвистел условный сигнал и увидел, как из зарослей вышел молодой человек с карабином на изготовку.

— Я пришел от Кокса, — сказал Джонс, — я друг. Вам нечего меня бояться.

Герольд опустил карабин и проводил Джонса к тому месту в зарослях, где, завернувшись в одеяло, лежал на мокрой земле Джон Бут.

Актер величественно протянул ему руку и сказал:

— Я убил президента Линкольна, и я знаю, что правительство Соединенных Штатов сделает все, чтобы схватить меня, но Джон Уилкс Бут никогда не дастся им живым!

На простоватого Томаса Джонса этот театральный жест произвел сильное впечатление, и он поклялся Буту, что поможет ему благополучно перебраться через Потомак в Виргинию.

Почти шесть суток скрывались Бут и Герольд в окрестностях фермы полковника Кокса. Лошадей Герольд отвел в глубь болот и там пристрелил — описание этих лошадей, конечно же, стало известно полиции, и они могли навести на след беглецов.

Джонс каждый день приносил им провизию, выпивку и газеты. Бут прежде всего с жадностью набрасывался на газеты — так театральный актер утром после премьеры нетерпеливо пробегает газетные страницы в надежде увидеть свое имя в рецензиях критиков.

Газеты были полны описанием убийства в театре Форда, передовые статьи метали громы и молнии на головы убийцы и вождей Конфедерации, которых все считали вдохновителями и организаторами страшного преступления. Но имя Бута в газетах почти не упоминалось — так, только вскользь, раза два или три.

Бут недоумевал, терялся в догадках, злился, как никогда

в жизни. Он ожидал увидеть свое имя, набранное самым крупным шрифтом из всех, существующих на свете, свои фотографии на всю газетную полосу; он был уверен, что одни будут проклинять его как величайшего злодея, а другие прославлять как героя. И вместо этого какой-то непонятный заговор молчания!

С особым трепетом и нетерпением разворачивал он, почти раздирая, каждый номер «Нэшнл интеллиндженсер» в надежде увидеть там свое письмо, адресованное главному редактору, в котором Бут с пафосом излагал «высокие» идеи, побудившие его убить Линкольна. Но все впустую — письма в газете не было. И каждый раз это было для Бута страшным ударом: рушились его надежды на неслыханную славу.

Он не мог предположить, что актер Мэттьюз, которому он вручил конверт с просьбой передать письмо в редакцию газеты, сразу же после убийства Линкольна в панике бросился к себе домой, понимая, что был, вероятно, последним человеком, с которым разговаривал Бут перед преступлением. Конверт, как пишут в старинных романах, жег ему грудь. Дома он дрожащими руками разорвал конверт и прочел письмо. Волосы у него на голове встали дыбом: в письме Джон Бут излагал причины, по которым он решил убить Линкольна, схему заговора, имена своих сообщников. Мэттьюз представил себе, как его привлекают к ответственности за соучастие в убийстве, обвиняя в том, что он знал о готовящемся преступлении, но не предупредил власти. Мэттьюз сжег письмо и тщательно рассеял пепел от сгоревшей бумаги. Вместе с этим пеплом развеялись и честолюбивые мечты Джона Бута.

Что же ему оставалось? И Бут в полупьяном бреду, поскольку все время пытался заглушить боль в ноге большими глотками виски, стал записывать в своей записной книжке в красном сафьяновом переплете какие-то обрывки мыслей, жалобы, стенания.

Любой дневник, как известно, пишется в расчете на то, что кто-то будет его читать. Иногда это соображение живет в голове у автора дневника явно, иногда подсознательно. Записи в дневнике Бута совершенно откровенно рассчитаны на опубликование. Напыщенные фразы чередовались в нем со слезливыми жалобами на нынешнее бедственное положение автора. Ему так себя было жалко! Он-то ждал громкой славы, а газеты молчат о нем, и сам он вынужден скрываться в каких-то вонючих болотах!

Впрочем, среди всей этой мелодекламации и всхлипываний есть запись, которая обратила на себя серьезное вни-

мание, когда несколько лет спустя отрывки из дневника Бута были опубликованы. В один из последних дней он написал такую таинственную и многозначительную фразу: «Сегодня ночью я еще раз буду пытаться перебраться через реку, хотя у меня есть большое желание, почти решение вернуться в Вашингтон и в известной степени очистить свое имя, что, мне кажется, я смогу сделать».

Думал ли он, что в Вашингтоне ему дадут возможность выступить на суде в собственную защиту и это будет последний великий спектакль в его жизни? Или здесь скрывался намек на то, что он может, вернувшись в Вашингтон, назвать других участников заговора и тем самым реабилитировать себя? Остается только гадать.

21 апреля ночью Джонс провел Бута и Герольда к берегу, где у него была спрятана лодка, и они в непроглядной тьме поплыли через Потомак. Джонс снабдил их не только лодкой, но и важными ориентирами. Они должны были спуститься на пять миль вниз по течению Потомака и чуть ниже Маттиас Пойнт пристать на противоположном берегу в том месте, где впадает речка Махадок Крик. Там живет некая миссис Куинзбери, которая познакомит беглецов с его кузеном Томасом Харбином. А уж он-то знает все тамошнее подполье, связанное с южанами.

Все примерно так и произошло. Харбин передал их с рук на руки некоему Брайану, и тот отвел их в хижину негра Лукаса глубоко в лес, где они провели ночь на 23 апреля. А утром Лукас отвез беглецов в своем фургоне в Порт Конвей, на берег реки Раппаханнок, через которую им предстояло переправиться на пароме в расположенный на другом берегу Порт Ройялл, и оставил их там.

В ожидании парома Бут и Герольд познакомились с тремя офицерами Конфедерации, которые тоже пробирались на Юг. Герольд шепнул одному из них, капитану Джетту, кто такой его спутник. 19-летний Уилли Джетт пришел в восторг и заверил Бута, что поможет им, так как прекрасно знает окрестности Порт Ройялла и у него там есть близкие знакомые.

Они все вместе переправились на пароме через Раппаханнок. Джетт посадил их на лошадей, и по пустынным улицам Порт Ройялла они добрались до цели. В доме оказались только две пожилые дамы, которые приветливо встретили странников, дали им отдохнуть, но твердо заявили, что оставить ночевать не могут — это неприлично. Они посоветовали отправиться к фермеру Гарретту, который наверняка приютит их. Джетт согласился — он знал Ричарда Гарретта.

Так и сделали. На ферме Гарретта, в трех милях от Порт Ройялла по дороге на городишко Боулинг Грин, убийца Линкольна и его сообщник нашли последнее убежище.

Чейз и Саундрелл мирно играли в шахматы в кабинете Билла, когда туда вихрем ворвалась Джин Карри. Мужчины только успели привстать из своих кресел, чтобы приветствовать гостью, как она рухнула на диван, зарылась лицом в подушки, и остолбеневшие Стив и Билл слышали ее приглушенные рыдания. Они в недоумении переглянулись. Стив бросился за стаканом воды, а Билл — к дивану. Он обнял Джин за вздрагивающие плечи, гладил ее рыжие волосы, шептал ей на ухо какие-то малоосмысленные, но ласковые слова.

Стив стоял рядом, терпеливо ожидая, когда Джин успокоится настолько, чтобы выпить воды. И тут он, к своему удивлению, услышал, как сквозь рыдания Джин стали прорываться самые грязные ругательства. Это так не вязалось с ее привычным обликом, что Стив мимоходом подумал: «Как плохо, в сущности, мы знаем все друг друга».

— Джин! — резко сказал он. — Хватит устраивать истерику! Расскажи толком, что стряслось. Кого ты так ругаешь?

Билл Саундрелл с возмущением посмотрел на него, но Стив лучше знал, как обращаться с женщинами: Джин подняла от подушек залитое слезами лицо:

— Этого проклятого дурака Джима Гаррисона. Ему хочется громкой рекламы. О том, что своими выходками он может погубить кучу людей, ему наплевать!

Джин снова уткнулась в подушку. Не скоро она пришла в себя настолько, чтобы связно объяснить друзьям причину своей истерики.

— Джим Гаррисон, — задумчиво сказала она. — Человек удивительный! У нас в Новом Орлеане все девочки тайно влюблены в него. Он высокий, красивый и храбрый. Он замечательно воевал с немцами, и у него масса боевых орденов.

— Зачем же ты его поливаешь? — спросил Билл.

— Не мешай, — попросил Стив. — Рассказывай, Джин.

И она рассказала, как Джим Гаррисон, будучи помощником окружного прокурора, подал в отставку, публично обвинив мэра города во взяточничестве и связях с гангстер-

скими шайками. Потом Гаррисон выдвинул свою кандидатуру на пост окружного прокурора и победил на выборах. И тогда он стал выполнять все обещания, которые давал избирателям: начал в меру своих сил бороться с преступным миром, который издавна процветал в Новом Орлеане. Этот город славился на всю страну своими публичными домами, игорными и прочими притонами. И ему многое удалось сделать.

Рассказывая о подвигах Джима Гаррисона, Джин воодушевилась и повеселела. Казалось, она уже забыла о своих недавних слезах.

— Все это очень интересно, — осторожно заметил Стив, — но что же все-таки тебя так разволновало? И почему ты так изругала прокурора?

Джин моментально помрачнела и замолчала.

— Мы очень тебя просим, — умоляюще начал Билл.

— Этот идиот Джим Гаррисон заявил газетчикам, что он ведет расследование обстоятельств убийства Кеннеди! — почти выкрикнула Джин. — У него есть доказательства заговора!

— Странно, — сказал Стив. — Какая может быть связь между Новым Орлеаном и Далласом?

— Вы ничего не знаете! — опять всхлипнула Джин. — До того как оказаться в Далласе, Ли Освальд жил в Новом Орлеане.

— И ты... ты была с ним знакома? — догадался Билл.

— Да, — тихо сказала Джин. — Он часто бывал в студенческих компаниях. Не во всех... где были радикально настроены. Напускал на свои связи с некоторыми международными коммунистическими организациями, с руководителями кубинской революции. Мы его сторонились: ходил слух, что на самом деле он работает на ЦРУ. Теперь Джим Гаррисон докопался до всего этого и хочет заработать себе славу.

— А может, он хочет докопаться до истины? — сухо заметил Стив. — Мы же занимаемся обстоятельствами убийства Линкольна.

— Значит, вот чего ты, бедненькая, боишься все это время, — сказал Билл, и в голосе его было столько теплоты и сочувствия, что Джин подняла на него благодарные глаза. — Значит, вот почему ты уехала из Нового Орлеана и не едешь туда даже на каникулы...

— Да, боюсь, — вызывающе сказала Джин. — Вы сами говорили столько раз здесь, в этой самой комнате: уничтожают всех, кто хоть как-то связан с делом Кеннеди.

— Ну, это уже слишком! Какое отношение ты имеешь к

этому делу? — убежденно заявил Билл. — Глупо забивать себе голову беспочвенными страхами.

— Билл прав, — вмешался Стив. — Поверь, мы бы тебя предупредили, если бы существовал даже намек на опасность. А Джиму Гаррисону нужно только пожелать успеха. Честно говоря, я мало верю, что ему дадут довести расследование до конца.

29

ЗАГАДОЧНЫЙ КОНЕЦ ДЖОНА БУТА

(Из записей Стива Чейза в его дневнике)

Поистине странные игры разыгрывались в те дни в Вашингтоне. Буквально каждый факт может привести в замешательство.

Чего стоит, например, заявление, сохранившееся в архиве Бюро военной юстиции? Из него следует, что автор этого заявления, вашингтонский врач Джеймс Комби, явился к полковнику Бейкеру еще тогда, когда охота за Бутом шла в Нижнем Мэриленде, то есть когда Бут и Герольд еще скрывались на ферме Кокса.

Доктор Комби пишет:

«Я слышал от констебля Уайза, что Бут в три или четыре часа ночи в пятницу явился в дом доктора Мадда. У него была сломана нога, которую доктор вправил. Бут находился там весь следующий день, а в субботу ночью дал негру пять долларов, чтобы тот переправил его в дом Самюэля Кокса. Мистер Кокс может дать информацию о том, где находился Бут после этого.

И вот что я подозреваю и что заставило меня обратиться в полицию. Я хорошо знаю близлежащие места. На расстоянии нескольких миль, примерно десяти или двенадцати, есть превосходное место для укрытия, и я уверен, что Бут направился именно туда. Это в четырех милях от Аллен Фреш и около десяти или одиннадцати миль от Брайан-тауна...

Прошлым вечером я был у полковника Бейкера, но обнаружил, что он думает только о двухстах тысячах долларов вознаграждения, поэтому я хочу, чтобы мою информацию получило правительство и таким образом сберегло эти деньги».

Констебль Уайз? Имя его нигде не встречается. Каким путем попало заявление доктора Комби в Вашингтон? Впро-

чем, это не так уж важно. Важно другое: почему военная полиция не устроила налет на ферму полковника Кокса? Ведь в то время, когда Бут и Герольд скрывались на ферме полковника Кокса, правительственные военные отряды находились в Брайан-тауне, Порт Тобакко и Леонард-тауне, совсем близко от укрытия беглецов!

Почему полковник Кокс и Томас Джонс, оказавшие столь существенную помощь преступникам, не были тут же арестованы и привлечены к судебной ответственности? Их арестовали с большим опозданием и вскоре без всякого шума освободили.

Почему военное министерство вообще так тщательно скрывало от общественного мнения тот факт, что Бут и Герольд шесть суток скрывались на ферме Кокса? Мало того: когда впоследствии журналисты попросили власти сообщить подробности охоты за Бутом и военное министерство опубликовало официальную карту, на которой был отмечен путь бегства Бута через Нижний Мэриленд в Виргинию, ключевым пунктом указывался дом доктора Мадда, но не была даже обозначена ферма полковника Кокса!

Возможное объяснение непонятного иммунитета полковника Кокса содержится в воспоминаниях некоего Ричарда Смута, фермера из Порт Тобакко, опубликованных им в 1904 году. Смут рассказывает, что вскоре после ареста Кокс продал прекрасную ферму около Вашингтона за шестнадцать тысяч долларов. «Он сказал мне, — пишет Смут, — что истратил все эти деньги до последнего цента, чтобы добиться освобождения и спасти свою шею от веревки».

Зная степень продажности тайной полиции и любовь полковника Бейкера к деньгам, такое объяснение принять можно, но оно отнюдь не объясняет непонятной инертности военных властей, которые могли схватить Бута и Герольда, когда те скрывались на ферме Кокса!

Следующая загадка. 18 апреля начальник вашингтонской военной полиции майор О'Бирн с группой сыщиков выехал в Порт Тобакко, чтобы лично заняться поисками убийцы президента. 23 апреля он послал телеграмму в военное министерство. В ней он высказал убеждение, что Бут и Герольд переправились через Потомак в Виргинию, и просил дополнительных людей и разрешения направиться в Порт Ройялл. К великому разочарованию О'Бирна, ему приказали оставаться по эту сторону Потомака в Нижнем Мэриленде. По всей видимости, приказ исходил от полковника Бейкера, который возглавлял всю операцию по преследованию Бута.

Примечательно и продолжение этой истории. На следующий же день, 24 апреля, полковник Бейкер от имени военного министра Стентона потребовал от генерала Хэнкока предоставить в его распоряжение кавалерийский отряд в двадцать пять человек на хороших лошадях. Приказание было немедленно выполнено. Во главе отряда был поставлен лейтенант Доэрти. Но к нему были прикомандированы два человека в штатском — оба из тайной полиции. Один из них был подполковник Конджер, доверенный человек полковника Бейкера, а второй — лейтенант Лютер Бейкер, родной племянник полковника Бейкера.

Инструктируя лейтенанта Доэрти, всемогущий глава тайной полиции показал ему на карте район между Потомаком и рекой Раппаханнок и сказал, что искать убийцу надо именно в этих местах.

Интересно, чем руководствовался полковник Бейкер, когда он отказал майору О'Бирну в просьбе и, используя его информацию, направил по горячим следам беглецов собственный отряд под начальством двух преданных ему людей? Только ли желанием получить награду, которая к тому времени выросла до двухсот тысяч долларов? Или подполковник Конджер и лейтенант Лютер Бейкер получили от него какие-то секретные инструкции? А может быть, имело место и то и другое?

Так или иначе, но уже 25 апреля отряд, посланный полковником Бейкером, напал на след Бута и Герольда. Хозяин парома на реке Раппаханнок опознал по фотографиям Бута и Герольда и сказал, что эти люди вместе с тремя офицерами Конфедерации, переправившись на его пароме на ту сторону, поскакали в направлении Боулинг Грина. Жена паромщика добавила, что одного из военных она знает — это капитан Уилли Джетт, он ухаживает за дочкой хозяина гостиницы в Боулинг Грин.

К полуночи отряд лейтенанта Доэрти доскакал до Боулинг Грина, окружил местную гостиницу и обнаружил там капитана Джетта. Потребовалось совсем немного времени, чтобы объяснить ему, что они сделают, если он не укажет место, где скрывается Бут, и Джетт быстро согласился проводить отряд на ферму Гарретта.

Лейтенант Доэрти приказал своим кавалеристам окружить дом Гарретта, а лейтенант Бейкер с револьвером в руке принялся стучать в дверь и требовать, чтобы их немедленно впустили, иначе они ворвутся силой. Гарретт в ночной рубашке открыл им. Он стал уверять офицеров, что те двое, которых они ищут, давно уехали.

Тогда лейтенант Бейкер (характерно, что в этот решающий момент именно он взял на себя командование, хотя рядом был старший по званию подполковник Конджер) приказал солдатам выволочь Гарретта на двор, поставить у дерева и накинуть ему на шею петлю. В конце концов двенадцатилетний сын Гарретта не вытерпел этой жуткой сцены и повел солдат к амбару для сушки табака, где прятались Бут и Герольд.

Лейтенант Доэрти расставил своих солдат вокруг амбара на расстоянии тридцати шагов друг от друга и крикнул Буту, чтобы он выходил. В ответ раздался истерический крик Бута: «Я никогда не сдамся!» — и поток самой грязной ругани. Эта перебранка продолжалась довольно долго, пока лейтенант Бейкер не пригрозил, что подожжет сарай. Тут не выдержали нервы у Герольда, он крикнул, что сдастся, и вышел из амбара. Его тут же схватили солдаты и привязали веревками к дереву. Бут по-прежнему отказывался выйти, и тогда подполковник Конджер поджег заднюю стену амбара. Пламя моментально охватило сухое дерево и соломенную крышу.

Дверь амбара распахнулась, в ее просвете показалась фигура Бута. В этот момент раздался чей-то выстрел, и Бут упал.

Вот она, главная загадка! Кто застрелил Бута? Ведь всем был известен приказ военного министра Стентона: взять убийцу президента живым. Самое примечательное то, что ответа на этот вопрос не существует!

Первым в амбаре около лежащего Бута оказался лейтенант Бейкер. Вслед за ним туда вбежал подполковник Конджер. Впоследствии, давая показания на судебном процессе над сообщниками Бута, Конджер сказал следующее: «Я думал, он выстрелил в себя... Я наклонился над ним и сказал, что он застрелился. Бейкер возразил: «Нет, он не застрелился!» Бут лежал в таком положении, что похоже было, будто он приставил револьвер к голове, но выстрелил чуть ниже. А Бейкер повторил: «Нет, не застрелился». Он сказал это очень уверенно. Я подумал, что это несколько странно, как будто он не доверяет моим словам».

Совсем иную версию выдвинул лейтенант Бейкер, выступая через два года перед комитетом конгресса, когда шло расследование по вопросу об импичменте президента Джонсона. Он сказал: «Я предполагал тогда, что его застрелил Конджер, и сказал: «Зачем вы его пристрелили?» Конджер ответил: «Я не стрелял в него». И тогда мне пришло в голо-

ву: если он застрелил Бута, то лучше, чтоб об этом не знали». Любопытное признание, не правда ли?

Однако дальше дело запуталось еще больше. Подполковник Конджер выстроил солдат и спросил, кто стрелял. Все молчали, и вдруг вперед вышел сержант Корбетт и сказал, что стрелял он. Конджер закричал на него: «Какого черта ты стрелял, нарушая приказ?» Корбетт ответил: «Подполковник, моей рукой водило Провидение». Правда, потом, выступая свидетелем на процессе, Корбетт отказался от этой сомнительной версии о Провидении и выдвинул другое объяснение. Он заявил: «Один из наших людей крикнул, что человек в амбаре целится из карабина. Он, похоже, в кого-то прицелился, но в кого, сказать не могу. Я подумал, что он сейчас убьет кого-нибудь, и, выбрав момент, выстрелил».

Версия, что именно Корбетт застрелил Бута, была официально принята. Когда об этом доложили Стентону, то вашингтонский диктатор в свойственном ему патетическом стиле заявил: «Мятежник мертв — патриот жив, он избавил нас от длительных волнений, проволочек и расходов — патриот освобожден». Ни слова о том, что Корбетт нарушил его собственный приказ доставить Бута живым. Более того, в этой фразе Стентон даже не мог скрыть своего удовлетворения, что убийца Линкольна мертв и «избавил нас от длительных волнений». Иначе говоря, его уже никто не сможет допрашивать и он не сможет ничего сказать такого, что могло бы взволновать военного министра. Корбетт не только не понес наказания за нарушение воинского приказа, но даже получил награду.

Между тем многие историки берут эту официальную версию под сомнение. Корбетт был известен в своей воинской части как религиозный фанатик, человек с сильно сдвинутой психикой, у которого бывали «видения» и тому подобное, и ему запросто могло почудиться, что выстрелил именно он. Но еще важнее другое — ни один из солдат, стоявших поблизости от Корбетта, не видел, чтобы тот стрелял. Да и как он мог стрелять, если стоял не напротив двери амбара, а сбоку. Чтобы прицелиться в Бута и попасть ему в шею сзади, Корбетту нужно было, бросив свое место, обогнуть угол амбара. К тому же не удалось обнаружить и того солдата, который якобы крикнул Корбетту, что Бут в него целится... А вот Конджер находился как раз там, откуда можно было выстрелить и попасть сзади в шею Бута.

Конечно, проверка карабина Корбетта сразу дала бы ответ на вопрос: стрелял он или нет? Но офицеры тайной полиции почему-то не позаботились об этом.

Бут жил еще три с половиной часа и все время находился в полном сознании. Однако ни подполковник Конджер, ни лейтенант Бейкер не стали допрашивать убийцу президента, хотя врач, которого привезли из Боулинг Грина, заявил, что часы Бута сочтены. Любой, даже самый неопытный детектив постарался бы заставить Бута ответить хотя бы на самые существенные вопросы: с кем он был связан в столице Конфедерации Ричмонде? кто были участники заговора в Вашингтоне? куда скрылся его ближайший помощник Джон Саррет? была ли вовлечена в заговор миссис Саррет? Опытные офицеры тайной полиции Конджер и Бейкер почему-то этого не сделали. Может быть, они боялись, что умирающий Бут признается в том, чего нельзя будет скрыть на суде, тем более что вокруг стояли люди — солдаты, семья Гарретта.

Подполковника Конджера явно интересовало другое — он немедленно принялся обыскивать Бута и нашел у него в кармане книжечку в красном сафьяновом переплете. Уже начинался рассвет, и Конджер, листая эту книжечку, разглядел в ней торопливые записи карандашом — планы заговора, убийства, подробности бегства. Конджер быстро сообразил, что это дневник Бута, что именно здесь могут быть какие-то факты и имена, которые совсем не должны стать достоянием гласности.

Конджер поспешно захлопнул книжечку, сунул ее в карман, отдал кое-какие приказания лейтенанту Бейкеру и поскакал в Вашингтон докладывать полковнику Бейкеру обо всем случившемся.

Судьба дневника Бута в высшей степени примечательна. Конджер передал дневник полковнику Бейкеру, а тот лично вручил его военному министру Стентону. После чего дневник исчез. Этот важнейший документ не только не был представлен на суде в качестве вещественного доказательства — о нем на процессе вообще не упоминалось, как будто его не существовало в природе. Факт поистине беспримерный!

О существовании дневника Бута широкая публика узнала только через два года, в 1867 году, когда уволенный в отставку и обиженный генерал Лафайетт Бейкер опубликовал свою «Историю тайной полиции Соединенных Штатов» и в ней упомянул о дневнике Бута, переданном им Стентону. В палате представителей и в сенате разразилась буря. Все требовали ответа: куда делся дневник Бута и почему он был скрыт от суда. Стентон вынужден был признать, что действительно получил дневник от Бейкера. «Я изучил

его самым тщательным образом, — заявил он, — прочитал все записи».

Маленькая книжечка в красном сафьяновом переплете была обнаружена в секретном архиве военного министерства. Но одновременно обнаружилось и другое — в ней не хватало восемнадцати страниц, вырванных как раз в той части, где шли записи о днях, предшествовавших убийству Линкольна. Разразился новый скандал. Лафайетт Бейкер утверждал, что, когда он передавал дневник Стентону, в нем были все страницы. Стентон же уверял, что эти восемнадцать страниц уже тогда в дневнике отсутствовали. Можно только строить домыслы о том, что же содержалось в записях Бута на исчезнувших страницах.

Остается добавить, что оба офицера тайной полиции, руководившие операцией по захвату Бута и допустившие, что убийца Линкольна вопреки приказу был застрелен (если исключить мысль, что стрелял кто-то из них!), получили щедрую награду. Львиная доля ее досталась подполковнику Конджеру — пятнадцать тысяч долларов. Лейтенанту Бейкеру — всего три тысячи долларов. Судя по суммам, можно предположить, что главную роль во всем этом деле играл все-таки Конджер.

30

Билл Саундрелл, решив последовать совету Чейза, начал тщательно прорабатывать список наследников, упомянутых в завещании генерала Бейкера, и свидетелей, скрепивших своими подписями этот документ. Он изучал малейшие подробности их жизни в надежде найти хоть какой-то след, который мог бы привести к исчезнувшим личным вещам и книгам генерала Бейкера. Он интересовался степенью их близости к покойному, местожительством, дальнейшей судьбой, состоянием. Это была кропотливая, но увлекательная работа. В ней появилась целеустремленность; теперь Билл знал, что искать. Кончилось время утомительного просматривания бесчисленного количества пыльных папок в расчете на то, что случай подкинет ему документ, имеющий отношение к его задаче.

Изучив все доступные ему материалы, Билл Саундрелл пришел к выводу, что из всех лиц, чьи имена фигурируют в завещании генерала Бейкера, наибольший интерес представляет Мэри Бейкер. Во-первых, она была родственницей покойного — женой его племянника Джона Бейкера, к тому

времени уже умершего. Во-вторых, она жила в Филадельфии в соседнем доме с генералом Бейкером. Нетрудно было догадаться, что она, наверное, часто навещала Бейкера, возможно, даже помогала в доме по хозяйству. Умерла она в 1870 году.

Саундрелл принялся разыскивать в архиве муниципалитета ее завещание. И после долгих поисков нашел. К его глубокому разочарованию, в завещании не оказалось ничего, что могло бы пролить свет на судьбу личных вещей генерала Бейкера. Но в папке, где хранилось завещание, лежали еще кое-какие личные бумаги Мэри Бейкер. Саундрелл принялся их просматривать. И тут ему улыбнулась удача.

В стопке бумаг оказался бесценный для него документ — приписка к завещанию Лафайетта Бейкера, сделанная его собственной рукой и датированная за три дня до его смерти. Приписка гласила: «Все книги, дневники и личные бумаги нефинансового характера должны быть переданы моему многолетнему другу Лауре Дюваль, проживающей в Вашингтоне, округ Колумбия».

Наметанный глаз Саундрелла сразу же отметил: приписка к завещанию не была официально оформлена в отделе регистрации завещаний филадельфийского муниципалитета. Следовательно, подумал Билл, она не имела юридической силы и таинственная Лаура Дюваль не могла потребовать завещанные ей личные вещи и книги. Кроме того, как хорошо помнил Саундрелл, второй душеприказчик генерала Бейкера сообщил в отдел регистрации завещаний, что он не обнаружил никаких личных вещей, принадлежавших покойному.

Внизу документа была запись, сделанная другой рукой: «Отклонено судом по делам сирот 6 января 1872 года». Значит, мелькнуло в голове Билла, дело об этой приписке к завещанию разбиралось в суде. А раз так, то в архиве должен быть протокол этого судебного разбирательства! Вот что нужно искать! Может быть, там и находится ключ ко всей истории! Параллельно, решил он, надо выяснить, кто такая была Лаура Дюваль.

Когда он рассказал вечером о своей находке друзьям, Джин победоносно рассмеялась.

— А нечего выяснять, — сказала она, — все и так ясно. Просто вы, мужчины, увлекаясь большими проблемами, политикой и историей, проходите мимо кое-каких жизненных деталей. А мне, как женщине и будущему журналисту, они всегда интересны. Так вот, о Лауре Дюваль упоминает не кто другой, как сам Лафайетт Бейкер в своей «Истории тай-

ной полиции». Вы оба не обратили внимания. Дайте мне книгу, и я найду вам это место.

И действительно, через несколько минут Джин прочитала им вслух отрывок, в котором упоминалась Лаура Дюваль. Среди множества прочих дел, которые описывал в своей книге Бейкер, фигурировало дело чиновника министерства финансов Спенсера Кларка. По инициативе Бейкера против него было выдвинуто обвинение в соблазнении девушек, служивших в государственных учреждениях. Свидетелем обвинения выступала Лаура Дюваль, которая показала на суде, что находилась в интимных отношениях со Спенсером Кларком.

— Ну и штучка, видимо, была эта Лаура Дюваль! — воскликнул Саундрелл.

— А что тут особенного? — возразила Джин. — Дело житейское. Скорее всего, она влюбилась в Лафайетта Бейкера. Наверное, незаурядная женщина, если их связь продолжалась столько лет и генерал уже на смертном одре именно ей завещал свои бумаги и личные вещи. Значит, она была самым близким ему человеком.

— Возможно, — согласился Стив Чейз. — Я не знаю, какой она была женщиной, но в жизни Бейкера она, безусловно, занимала немаловажное место. Эту линию поисков надо продолжать.

— А чем мне теперь заниматься? — спросила Джин.

— О, у нас еще много проблем! Надо, в частности, изучить судебный процесс над сообщниками Бута и весьма темную историю Джона Саррета, правой руки убийцы.

31

— Ну что ж, дамы и господа, — сказал Стив Чейз, — если нет возражений, продолжим слушание дела об убийстве президента Линкольна. Я думаю, Билл, мы, как воспитанные джентльмены, предоставим первое слово даме.

— С тобой, Стив, что-нибудь случилось? — ехидно осведомилась Джин. — Уж не болен ли ты? Обычно ты вспоминаешь о моей женской сути, когда нужно приготовить вам обед или вымыть посуду.

— Нет, Джин, — с оттенком грусти возразил Чейз, — на мою беду, я никогда не забываю о том, что ты женщина и к тому же очаровательная.

— Светопреставление! — воскликнул Билл Саундрелл. — В первый раз слышу, чтобы Стив вот так напрямую говорил тебе комплименты.

— Атмосфера конкуренции заставляет перестраиваться, — меланхолично заметил Чейз.

— Ладно, мальчики, — деловито сказала весьма довольная этим разговором Джин. — Я внимательно изучила протоколы судебного процесса. Что же привлекло мое внимание? Прежде всего бросается в глаза непривычная для нашего американского правосудия поспешность. Процесс открылся восьмого мая — не прошло и месяца после выстрела в театре Форда и всего две недели после убийства Бута и ареста Герольда. Я понимаю, что военное министерство торопилось успокоить взбудораженную страну, но с точки зрения элементарных норм судопроизводства процесс был совершенно не подготовлен. Следствие фактически проведено не было, обвинение не располагало против большинства обвиняемых, по существу, никакими доказательствами их соучастия в убийстве. Особенно наглядно это проявилось в главной части обвинения. Ответственность за убийство Линкольна возлагалась на президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса и других ее вождей и на агентуру южан в Канаде. Все свидетельские показания на этот счет совершенно голословны, никаких серьезных документов или доказательств предъявлено не было. Генералы, назначенные Стентоном членами военного трибунала, понятия не имели, как вести такой процесс. Только спешкой можно объяснить и несколько странный состав обвиняемых. Я не говорю о Пейне, Герольде, Атцеродте и в какой-то мере о миссис Саррет, участие которых в заговоре несомненно. Но подбор остальных обвиняемых выглядит весьма неубедительным. Почему, например, на скамье подсудимых находился доктор Магд и не оказалось полковника Кокса и его сводного брата Томаса Джонса, они помогли Буту и Герольду гораздо больше, чем доктор Магд! Почему не было фермера Гарретта или офицера Конфедерации Уилли Джетта? Я уже не говорю о трактирщике из Сарретвиля Ллойде, который явно был причастен к заговору. Ведь у него хранилось оружие, он знал о плане похищения Линкольна и, вероятнее всего, о плане убийства. Однако он оказался лишь в числе свидетелей.

— Ну, что касается полковника Кокса, — перебил ее Саундрелл, — то мы о нем уже говорили. Он, грубо говоря, откупился. Хотя, конечно, это не с лучшей стороны характеризует тех, кто готовил процесс. Среди них, видимо, были

откровенные взяточники. Впрочем, по этой части за прошедшие сто лет мало что изменилось. Но в отношении других лиц, которых ты называешь... Тут действительно трудно разглядеть какую-то закономерность.

— А я позволю себе не согласиться, — возразил Стив Чейз. — Конечно, это гипотеза, но, на мой взгляд, гипотеза, заслуживающая внимания. Если ее принять, можно вывести некую закономерность в отборе подсудимых. Вот вам два списка. Один — тех, кто попал на скамью подсудимых, а второй — тех, кто был причастен к бегству Бута, помогал ему, но остался безнаказанным. Посмотрите внимательно, не улавливаете ли вы грань, которая отделяет одну группу от другой?

Билл и Джин долго разглядывали оба списка. Наконец Билл сказал:

-- Может быть, я туп, но грани не вижу.

— Не огорчайся, — усмехнулся Стив. — Я сам несколько дней безуспешно бился над списками, пока однажды ночью в полусне вдруг явственно не увидел эту грань. Я страшно испугался, что, проснувшись, могу забыть ее, заставил себя вылезти из постели и проверил правильность этой догадки.

— Ну, хватит комментариев, Стив, рассказывай, — почти жалобно попросила Джин.

— Для скамьи подсудимых военное министерство собрало людей, более или менее близких с Бутом в Вашингтоне еще до убийства Линкольна, — тех, кто мог знать от него о большом заговоре, о деятелях, с которыми Бут, возможно, имел контакт. Бут, который не раз с глазу на глаз беседовал с миссис Саррет, мог ввести ее в курс своих дел. Для того чтобы приободрить своих сообщников — Герольда, Пейна, Атцеродта, Арнольда, О'Лафлина и Спенджлера, — убедить их в минимальном риске, он мог шепнуть, что за его спиной в Вашингтоне стоят могущественные люди, которые их прикроют. Исключение составляют Вихман и Ллойд. Но, конечно, Бут не стал бы откровенничать с Вихманом, которому не доверял, или с пьяницей трактирщиком Ллойдом — тот по пьянке мог разболтать секрет первому встречному.

— Бут с таким же успехом мог рассказать о заговоре и тем, с кем общался во время бегства... — полувопросительно сказала Джин.

— Нет, — убежденно ответил Стив. — То, что открывало Буту все двери в Вашингтоне, могло стать причиной его

гибели, как только он оказался в среде сторонников Юга. Судите сами, стал бы полковник Кокс укрывать Бута и помогать ему, если бы хоть на минуту заподозрил, что Бут — всего лишь орудие в руках некоторых вождей Севера? Да он бы его на порог не пустил! Разве стал бы Томас Джонс рисковать для спасения Бута своей свободой, может быть, даже жизнью в такой ситуации? То же самое можно сказать о капитане Джетте и двух его товарищах. Нет, все они были совершенно не опасны для руководителей заговора в Вашингтоне, их жизнь не интересовала вашингтонские власти.

— А доктор Мадд? — спросил Саундрелл. — Он вроде бы не укладывается в твою схему.

— Да что ты, Билл! — воскликнула Джин. — Еще как укладывается! Ведь на следствии выяснилось, что Бут познакомился с Маддом еще до убийства Линкольна, был у него в гостях. Их видели в Вашингтоне за несколько дней до 14 апреля, они вместе выпивали. Военные власти вполне могли предполагать, что Бут посвятил Мадда в некоторые детали заговора.

— Умница, Джин! Похоже, доктор Мадд попал на скамью подсудимых не за то, что оказал Буту врачебную помощь, а именно за то, что общался с ним раньше.

— Допустим, — задумчиво сказал Билл. — Но где гарантия, что кто-то из подсудимых, если он знал о высоких покровителях Бута, не скажет об этом на суде? Имел ли Стентон такую гарантию?

— Ты очень точно подметил слабое место моей гипотезы, — согласился Чейз. — Очень трудно объяснить загадку многих судебных процессов — молчание обвиняемых. Не знаю, может быть, им обещали жизнь в обмен на молчание. А может, запугивали: мол, такие высказывания не только не спасут их, но еще более ужесточат приговор. Вероятнее же всего, Бут вообще мало кому доверял и просто не делился с подручными своими тайнами.

— Да я не о них думаю, — сказал Билл, — а о позиции военного министерства.

— Стентон сделал все возможное, чтобы исключить какое-либо общение подсудимых с внешним миром и друг с другом, — вмешалась Джин. — Как только арестованные были помещены на борт двух военных судов, пришвартованных около моста Нэйви Ярд, он отдал неслыханный по своей жестокости приказ: семерым мужчинам надели на головы тяжелые плотные мешки, перевязав у шеи и на груди. Арестованные ничего не видели, не слышали, не могли отереть

пот с лица, кормили их через дырку, проделанную, чтоб они дышали. В приказе Стентона было сказано: «Для предотвращения разговоров». К тому же их заковали в ручные и ножные кандалы, а к этим последним были еще прикреплены гири весом в семьдесят пять фунтов. Арестованные были размещены в отдельные камеры, расположенные в разных местах, чтобы они не могли перестукиваться. Страже, которая их караулила днем и ночью, было строжайше запрещено разговаривать с заключенными.

— Обратите внимание, — добавил Стив. — В дни процесса и накануне казни в камере Льюиса Пейна неотлучно находился майор Эккерт — тот самый Эккерт, которого упоминает в своих записях Бейкер, тот самый Эккерт, который отказался сопровождать Линкольна в театр! Пейн мог знать больше других участников заговора, и Стентон посадил к нему в камеру своего доверенного человека, а если верить Бейкеру, то и участника заговора. Кстати сказать, вскорости Стентон возвел майора Эккерта сразу в бригадные генералы.

— Да-а, — протянул Саундрелл, — он и расправлялся с неугодными и награждал верных людей, как подлинный диктатор. Ничего не скажешь, размах у него был.

— Остается добавить немного, — сказал Стив. — Стентон позаботился, чтобы навечно закрыть рты осужденным, оставшимся в живых. Доктор Мадд, Арнольд и О'Лафлин были приговорены к пожизненному заключению в тюрьме Олбани в штате Нью-Йорк. Однако Стентону эта тюрьма показалась недостаточно изолированной, он отдал приказ перевести осужденных в тюрьму на острове Драй Тортугас. Там всякое общение с внешним миром полностью исключено. А кроме того, чудовищный климат, свирепствуют тропические болезни. Стентон мог надеяться, что тут-то заключенные проживут недолго. Надежда Стентона оправдалась только в отношении О'Лафлина — он действительно умер через два года от желтой лихорадки.

— Как же все страшно, — вздохнула Джин. — Какое все-силие зла! Может, лучше не знать об этом? Легче жить...

— Да, но только до того дня, когда ты сам не окажешься в их лапах! — жестко начал Билл, но, заметив прежний испуг, взметнувшийся в глазах Джин, поспешил заверить: — Я не о тебе говорю — обо всех, о каждом!

— Однако самой трагической и загадочной мне представляется судьба миссис Саррет, — сказал Стив, в свою очередь отвлекая Джин.

МЭРИ САРРЕТ

(Из записей Стива Чейза в его дневнике)

Когда обвиняемых ввели в зал, где заседал военный трибунал, взгляды всех присутствовавших оказались прикованными к женщине в строгом черном платье с гладко зачесанными волосами. Судьба единственной среди обвиняемых женщины, естественно, особенно волновала публику и вызвала больше всего толков и пересудов.

Показания свидетелей обвинения и защиты в отношении миссис Саррет были весьма разноречивы. Действительно ли она являлась активным участником заговора и знала о готовящемся убийстве Линкольна или оказалась невинной жертвой стечения обстоятельств?

Во всяком случае, ясно одно: руководители военного министерства твердо решили еще до начала процесса, что миссис Саррет должна быть казнена, и последовательно добивались этого приговора. А это оказалось не так просто. Даже некоторые привычные к военной дисциплине генералы, члены военного трибунала, взбунтовались: пятеро из девяти проголосовали против смертного приговора миссис Саррет. Главный военный прокурор генерал Холт, принимавший как это ни парадоксально, участие в закрытом заседании трибунала, на котором решалась судьба подсудимых, рвал и метал, внушая заупрямившимся генералам, что их патриотический долг отправить миссис Саррет на виселицу.

Не добившись успеха, он бросился за инструкциями к своему хозяину — военному министру Стентону. И Стентон еще раз доказал, что он великий мастер политической интриги. Он предложил такой хитрый компромисс: трибунал единодушно выносит смертный приговор миссис Саррет, а пятеро его членов, не согласных с таким решением, обращаются с петицией к президенту Джонсону, в которой ходатайствуют о помиловании миссис Саррет. Стентон обещал, что президент проявит милосердие. Простодушные генералы согласились и подписали смертный приговор миссис Саррет. Президент Джонсон впоследствии клялся, что он в глаза не видел этой петиции. 6 июля утром он утвердил смертный приговор четырем обвиняемым — Пейну, Герольду, Атцеродту и миссис Саррет.

Приговор обнародовали, но никто не верил, что миссис Саррет повесят — в истории Соединенных Штатов еще не

было такого прецедента. Многие бросились в Белый дом, чтобы умолять президента Джонсона помиловать Мэри Саррет. Среди них — ее дочь Анна и священник Уолтер, которого миссис Саррет еще в апреле просила письмом навестить ее в тюрьме (ему в этом было отказано). Никого из них не допустили в Белый дом.

Но самое многозначительное в истории миссис Саррет — игра, которую вели с ней военные власти. Оказывается, они обещали ей жизнь в обмен на молчание!

Об этом по прошествии многих лет рассказал полковник Уильям Вуд. Тот самый полковник Вуд, которого Стентон назначил начальником страшной тюрьмы Олд Кэпитол. Тот самый Вуд, что по приказу Стентона прискакал во главе отряда на ферму доктора Мадда, в окрестностях которой якобы скрывался Бут, и распорядился стрелять в каждого, кто приблизится к дому. Короче говоря, тот самый полковник Вуд, который был одним из самых приближенных и доверенных людей Стентона.

Так вот этот самый Вуд в 1883 году опубликовал в вашингтонской «Санди газетт» серию статей, в которых изложил известные ему сведения о суде над заговорщиками. История миссис Саррет занимала в его воспоминаниях немалое место. Полковник Вуд писал: «Автор этих строк по поручению distinguished Эдвина Стентона дал заверения ее брату, что она не будет казнена». По словам Вуда, который принимал непосредственное участие в этих переговорах, обещание помилования было дано миссис Саррет в обмен на ее молчание.

Хладнокровно и обдуманно намереваясь обмануть Мэри Саррет, Стентон мог предполагать, что она, узнав о смертном приговоре, то есть о том, что ее цинично обманули, сочтет себя в свою очередь свободной от обещания и попробует заговорить. И он принял на этот случай меры предосторожности.

Прежде всего нужно было не оставить жертве времени для раздумий, какой-либо возможности что-то рассказать. Следовательно, приговор должен быть как можно скорее приведен в исполнение. Действительно, военный трибунал вынес свое решение утром 6 июня, приговор был зачитан миссис Саррет в середине дня, а на следующее утро уже назначалась казнь. Как смущенно заметил тогда священник Уолтер, «действовать столь поспешно в деле такого рода весьма странно со стороны правительства».

Этот священник Уолтер в 1889 году выступил в «Сенчюри мэгэзин» со статьей, озаглавленной «Правдивое заяв-

ление о фактах, касающихся дела Саррет». Услышав о смертном приговоре миссис Саррет и памятуя о просьбе навестить ее в тюрьме, в чем ему было тогда отказано, Уолтер решил, что его долг священника добиться свидания и дать отпущение грехов приговоренной. Ему удалось получить пропуск в тюрьму, подписанный не кем-нибудь, а самим военным министром Стентоном. Но и это оказалось обманом — в последний момент Уолтера отказались пропустить в камеру миссис Саррет. Однако молодой священник настаивал, и военные власти, опасаясь публичного скандала, вынуждены были дать ему новый пропуск. При этом генерал Харди из военного министерства поставил ему условие. «Я хочу, чтобы вы обещали, — потребовал он, — ничего не говорить о невинности миссис Саррет». «Я не могу позволить, — ответил ему Уолтер, — чтобы миссис Саррет умерла без покаяния, и если я должен сказать «да», то я говорю «да».

Но и этого военным властям показалось недостаточно. «Видимо, что-то в военном министерстве, — писал в своих воспоминаниях Уолтер, — был очень обеспокоен, ибо генерал Хэнкок получил по телеграфу приказ отправиться к архиепископу Сполдингу, чтобы меня предупредили. Я получил телеграмму от секретаря архиепископа, в которой меня просили молчать и сообщили, что архиепископ пришлет мне письмо с вечерней почтой. Письмо пришло. Это был не приказ, а просьба: я должен молчать о невинности миссис Саррет».

Чего же так боялись военные власти? Неужели только того, что осужденная на казнь женщина будет в эти последние часы своей жизни уверять, что она невинна? Но ведь большинство смертников пытается выкрикнуть то же самое, и это никого не удивляет. Нет, конечно, Стентон и его подручные боялись другого: вдруг она знала от Бута или от сына о тех, кто стоял за их спиной, когда они готовили убийство Линкольна, и перед смертью назовет их имена!

Поразительную деталь привел в своих воспоминаниях Джон Форд, владелец театра, где был застрелен Линкольн, человек, который потом всю жизнь интересовался этим делом: «Говорят, самого служителя бога, который исповедовал ее душу для бессмертия, заставили пообещать, что она не будет ни с кем общаться. Утверждают, что несчастная женщина, идя на эшафот в саване, просила священника позволить ей сказать людям, что она невинна. Ей было сказано, что церкви разрешено только приготовить ее душу к бессмертию, а для всех остальных она уже мертва».

Эту историю подтверждал и адвокат миссис Саррет Клампит, который рассказал, что он разговаривал со священником Уолтером и тот признался ему: он «покаялся своей верой и честью служителя господу, что после того, как отпустит ей грехи, не позволит, чтобы она заявляла о своей невинности».

Кому еще, кроме священника, могла что-нибудь сказать миссис Саррет? Своим адвокатам? Но ни одному из них не было разрешено разговаривать с ней с глазу на глаз. При всех свиданиях присутствовал генерал Гартгрант. Однако на всякий случай правительство купило и адвокатов. Уже упоминавшийся адвокат Клампит в 1867 году, когда шел судебный процесс над Джоном Сарретом и интерес ко всем обстоятельствам убийства Линкольна вновь вспыхнул, получил высокий правительственный пост на Далеком Западе. Второй защитник миссис Саррет Айкен в том же 1867 году был назначен чиновником первого класса Казначейства.

Последний штрих, без которого история миссис Саррет может оказаться не полной, содержится все в тех же воспоминаниях полковника Вуда. Вуд описывает свой последний визит в дом Стентона за день до его смерти. В разговоре со своим верным подчиненным Стентон почему-то возвращается к делу миссис Саррет: «Он сказал мне, что его днем и ночью преследует видение несчастной женщины, что он не может жить под гнетом этой тяжести».

Неужто бывшего военного министра так мучили угрызения совести? Ведь он в своей жизни подписал тысячи смертных приговоров и среди них было так много несправедливых! Почему же именно дело миссис Саррет так волновало Стентона?

И тут простодушный служака Вуд проговаривается, видимо даже не понимая всего значения того, что он пишет: «Чтобы успокоить мистера Стентона, я заверил его: пока он жив, никакие факты, имеющиеся в этом деле, не будут опубликованы, а если я умру первым, все бумаги будут уничтожены».

Вот, оказывается, что волновало бывшего военного министра Стентона! Выходит, бывший начальник тюрьмы Олд Кэпитол полковник Вуд располагал какими-то скрытыми от общественности документами о приговоре и казни миссис Саррет, и одна мысль о том, что они могут увидеть свет, приводила Стентона в ужас.

Не означает ли это, что смерть миссис Саррет была звеном в цепи событий, похороненных в истории ради сохранения репутации бывшего военного министра?

ОДИССЕЯ ДЖОНА САРРЕТА

(Из черновых набросков Джин Карри)

Джон Саррет оказался самым удачливым из заговорщиков. А может быть, он был просто самым умным? Вернее, самым хитрым?

Так или иначе, он единственный из всех сразу же после убийства Линкольна оказался в Канаде. Правда, надо отдать должное военным властям в Вашингтоне: они сделали все, чтобы помочь бегству Джона Саррета. 15 апреля заместитель военного министра Чарльз Дана телеграфировал начальникам военной полиции на границе с Канадой описание внешности не Джона Саррета, а Атцеродта. Таким образом, второй после Бута заговорщик смог беспрепятственно пересечь канадскую границу.

Военный министр Стентон знал, что Джон Саррет бежал в Канаду, но ни один агент не был послан туда по его следам. Более того, когда полицейский офицер майор Ричардс по собственной инициативе послал в Монреаль своих людей вместе с Вихманом и другим постояльцем меблированных комнат миссис Саррет, Холлаганом, которые знали и могли опознать Джона Саррета, Стентон вызвал Ричардса и устроил ему жестокий нагоняй за эту самовольную акцию.

В сентябре Джон Саррет на борту судна «Перувиан» отплыл из Монреаля в Англию. Во время плавания он сказался за обеденным столом с судовым врачом Макмилланом и не удержался, похвастался: «Вы бы обалдели, если бы узнали, с кем вы сидите». А через несколько дней представился Макмиллану как один из организаторов убийства Линкольна. Судовой врач действительно «обалдел», но при этом сделал еще и определенные выводы. И когда «Перувиан» вошел в ливерпульскую гавань, доктор Макмиллан, перед мысленным взором которого уже маячила награда в двадцать пять тысяч долларов, со всех ног побежал к американскому консулу и рассказал все о пассажире, прибывшем в Ливерпуль.

Консул немедленно телеграфировал в Вашингтон в государственный департамент. Вслед за телеграммой он послал еще срочную депешу, в которой сообщал местожительство Джона Саррета и план, как его захватить. Каково же было удивление американского консула, когда в ответ на свою вторую депешу он получил от исполняющего обязанности

государственного секретаря Хантера следующую телеграмму: «Ваши сообщения получены... В ответ на вашу телеграмму № 538 должен сообщить вам, что после консультаций с военным министром и главным военным прокурором полагаю целесообразным в настоящее время не принимать никаких мер в отношении ареста предполагаемого Джона Саррета».

Быть может, такая телеграмма и удовлетворила американского консула в Ливерпуле, но судовой врач Макмиллан никак не собирался отказываться от награды в двадцать пять тысяч долларов. И когда «Перувиан» вернулся в Монреаль, Макмиллан поспешил к здешнему американскому консулу. Тот тоже телеграфировал в государственный департамент. 13 ноября государственный секретарь Сьюард потребовал от генерального прокурора «привлечения как можно скорее к суду Джона Саррета и для этого немедленного его ареста».

Стентон отреагировал на вмешательство государственного секретаря довольно оригинально: 24 ноября 1865 года он опубликовал приказ, отменявший ранее обещанную награду за поимку Джона Саррета в размере двадцати пяти тысяч долларов. Ему, видимо, изрядно надоели эти охотники за наградой.

Между тем Джон Саррет весной 1866 года перебрался из Англии в Италию и вступил там под именем Джона Уотсона в ватиканскую гвардию, в корпус так называемых папских зуавов. И надо же было случиться, что его послали в местечко Валлетри, где он встретил такого же папского зуава Анри Сен-Мари, с которым когда-то учился в одной школе в Мэриленде. Сен-Мари тут же его узнал, да Саррет и не таился от своего старого школьного товарища. Он тут же поведал: «Мы убили Линкольна, этого друга негров». Саррет в разговоре с Сен-Мари обронил еще одну многозначительную фразу: «Заговорщики действовали по приказу лиц, которые до сих пор не известны».

Сен-Мари немедленно отправился в Рим и изложил все американскому послу Руфусу Кингу, а тот, в свою очередь, известил государственный департамент. Стентон оказался в затруднительном положении — Джон Саррет вновь был обнаружен. Тогда военные власти приняли решение тянуть это дело как только возможно. Главный военный прокурор Холт потребовал, чтобы ему были представлены письменные, официально заверенные показания Сен-Мари. Государственный секретарь Сьюард письмом предложил Стентону направить в Рим специального агента, который организовал

бы арест Саррета, но Стентон на эту бумагу даже не ответил.

Наконец в июле 1866 года показания Сен-Мари, данные под присягой, были положены на стол военного министра. Но Стентон продолжал бездействовать. Все письма государственного секретаря военному министру по этому поводу оставались без ответа.

Но оказалось, что в эту игру вовлечено слишком много людей. И не все они подчинялись Стентону. В ноябре того же года американский посол в Риме Руфус Кинг посетил папского канцлера кардинала Антонелли, и тот приказал арестовать «зуава Уотсона» и держать его под стражей, пока Вашингтон не решит, что с ним делать.

Однако Джон Саррет тоже не дремал. Из крепости в Валлетри он бежал фантастическим образом, добрался до Неаполя и сел там на судно «Триполи», отплывающее в Египет. По пути туда «Триполи» остановилось на Мальте. Американский консул на Мальте Уильям Уинтроп знал, что на борту этого судна находится Джон Саррет, но, не имея никаких инструкций из Вашингтона, не решился предпринимать какие-нибудь шаги.

23 ноября 1866 года «Триполи» пришвартовалось в порту Александрия. Генеральный консул США Чарльз Хейл через четыре дня, не запрашивая инструкций из Вашингтона, арестовал Джона Саррета. В государственный департамент он просто телеграфировал: «Арестовал Джона Саррета, одного из убийц президента Линкольна. Нет никаких сомнений, что это именно он».

Стентону уже некуда было деваться. А ему так не хотелось иметь Джона Саррета в Соединенных Штатах, да еще устраивать над ним судебный процесс! Ведь неизвестно было, что знает Джон Саррет и что он может сказать на суде.

Сам Джон Саррет именно так и расценивал сложившуюся ситуацию. Впоследствии он заявил в интервью: «Наше правительство не желало видеть меня в Соединенных Штатах, оно хотело, чтобы я оставался за границей, и надеялось на это. Наши консулы в Лондоне, Ливерпуле и Бирмингеме докладывали государственному департаменту, когда я там был, но ничего не последовало, лишь когда официально правительство было уведомлено о моем местопребывании, не оставалось ничего другого, как вернуть меня в страну для процесса».

И все-таки Стентон старался всячески отодвинуть этот момент. По запросу государственного секретаря Сьюарда

морской министр Уэллесс направил в Египет корвет «Сватара», который должен был доставить Джона Саррета в США. В дневнике Уэллесса есть такая запись: «Стентон требует, чтобы «Сватара» оставалась в Хемптом Роудс с Сарретом на борту вплоть до нового приказа или пока не сойдет лед с реки». Только в январе 1867 года «Сватара» прибыла по назначению и Джон Саррет был помещен в тюрьму Олд Кэпитол.

Потребовалось еще пять месяцев, чтобы подготовить новый судебный процесс. (На подготовку первого процесса ушло две недели.) И хотя Джона Саррета судил не военный трибунал, а обычный суд по уголовным делам, военное министерство наложило на этот процесс свою руку. Прокурором был назначен друг Стентона Каррингтон, а его заместителями Эдвард Пьерпонт, фаворит Стентона, и Альберт Риддль, личный адвокат Лафайетта Бейкера. Кроме того, на суде выяснилось, что военные власти активно вмешивались в ход процесса — свидетелей вызывали в военное министерство и, как принято теперь говорить, устраивали им там «промыывание мозгов». Морской министр Уэллесс с отвращением записал в своем дневнике, что это был не суд, а фарс. Джона Саррета освободили под залог в двадцать пять тысяч долларов (интересно, кто дал Саррету эти немалые деньги?). Потом был вторичный процесс, на котором Джон Саррет обвинялся уже не в соучастии в убийстве Линкольна, а в предательстве и заговорщической деятельности. Тут же очень кстати выяснилось, что обвинение по этой статье действительно только в течение двух лет. Два года как раз истекли, и Джона Саррета освободили.

Да, Эдвин Стентон был действительно могущественным диктатором. Но и Джон Саррет, видимо, оказался верным человеком — он никогда не сказал ни слова о подлинных вдохновителях и организаторах заговора против Линкольна.

34

Досье, в котором Билл Саундрелл собирал газетные и журнальные вырезки, касающиеся новых обстоятельств убийства Кеннеди, за последнее время сильно распухло. Объяснялось это прежде всего интересом, который вызвало расследование, предпринятое новоорлеанским окружным прокурором Джимом Гаррисоном. Газеты информировали своих читателей о каждом новом акте этой драматической

истории. Но и сам Билл Саундрелл теперь иначе относился к материалам. Если раньше им руководил отвлеченный азарт любителя исторических загадок, то теперь, после признания Джин, возникла некая личная заинтересованность. Каждый раз, читая новое сообщение, Билл прикидывал в уме, не может ли оно как-то затронуть Джин.

А события в Новом Орлеане развивались действительно драматически. На основании показаний некоего Перри Руссо Джим Гаррисон арестовал трех человек, в их числе бывшего летчика Дэвида Ферри, но окружной прокурор не обладал тогда бесспорными доказательствами их причастности к убийству Кеннеди, ему пришлось освободить задержанных и прекратить дело.

Однако Гаррисон не смирился и продолжал вести расследование. Примерно через полгода он предъявил новоорлеанскому бизнесмену Клею Шоу обвинение в том, что тот осенью 1963 года готовил убийство президента Кеннеди. Гаррисон утверждал, что вместе с Клеем в заговоре принимали участие Дэвид Ферри, Освальд и ряд других лиц. Найденный Гаррисоном свидетель Перри Руссо дал показания, что он принимал участие в сборищах заговорщиков, происходивших в Новом Орлеане на квартире Дэвида Ферри.

Гаррисону удалось нащупать очень важную нить. Он сумел вступить в контакт с одним из многочисленных кубинских контрреволюционеров, бежавших с острова Свободы. Все происходило как в добротном детективно-гангстерском фильме. Свидание состоялось ночью в одном из новоорлеанских баров. Джим Гаррисон показал своему собеседнику Серафину дель Валле фотографию, фигурировавшую в делах комиссии Уоррена, на которой был снят Освальд с каким-то мужчиной, обозначенным в описи дела как «неизвестное лицо». Валле не сомневался ни минуты — он сразу же назвал «неизвестного». Это был один из руководителей кубинских контрреволюционеров в США Мануэль Гонсалес. Валле даже согласился на очную ставку с Гонсалесом.

Но очная ставка не состоялась — на следующий же день после встречи в ночном баре и Валле и Гонсалес исчезли из Нового Орлеана. Валле нашли через три дня довольно далеко от Нового Орлеана, в Майами, но никаких показаний он уже дать не мог — его обезображенный труп лежал в брошенной машине, Гонсалес так и не был обнаружен.

Ну а дальше продолжались обычные американские чудеса. Еще через день в своей квартире в Новом Орлеане был обнаружен мертвым Дэвид Ферри. Около трупа валялись осколки разбитого бокала, на которых экспертиза обнаружила следы цианистого калия. Джим Гаррисон сокрушенно сказал корреспондентам, что у него из рук выбит «человек — ключ ко многим загадкам убийства в Далласе». У Гаррисона были все основания сокрушаться — Дэвид Ферри был тем человеком, благодаря которому Гаррисон рассчитывал доказать связь между Клеем Шоу и Ли Освальдом. Люди Гаррисона разыскали в Далласе шофера такси, который показал, что незадолго до убийства президента Кеннеди вез в своей машине Освальда, Ферри и «еще одного человека». Направлялись они не куда-нибудь, а в ночной клуб Джека Руби. И теперь Дэвид Ферри был мертв.

Вслед за этим из Нового Орлеана испарился частный детектив Джек Мартин, который во многом помог Гаррисону в сборе ценной информации. Он передал через своего приятеля, что делает это «по соображениям личной безопасности».

Однако Джим Гаррисон не успокоился. «Похоже, что Джин была права, когда характеризовала новоорлеанского прокурора как сильного человека», — подумал Билл Саундрелл, подшивая очередную газетную вырезку в свое досье. Гаррисон нашел еще одного свидетеля — может быть, самого важного для процесса над Клеем Шоу. Им оказался некий Гордон Новелл, владелец одного из самых известных новоорлеанских баров. Как и следовало ожидать, Новелла кто-то предупредил, и накануне того дня, когда Гаррисон собирался его арестовать, Новелл продал свой бар и скрылся. Люди Гаррисона нашли его в штате Огайо, но губернатор этого штата в ответ на официальный запрос заявил, что выдаст Новелла властям штата Луизиана для дачи показаний на процессе Клея Шоу лишь при одном условии: если Новелла не будут допрашивать о «событиях, приведших к убийству Кеннеди». «Вот это да! — поразился Саундрелл. — Такого цинизма, такой наглости я еще не встречал!» Впрочем, так, пожалуй, ответил бы Стентон!

И это еще не все. Адвокат Новелла вынужден был признать, что его клиент «являлся посредником между ЦРУ и антикастровскими кубинцами в Новом Орлеане и Майами перед вторжением на Кубу в апреле 1961 года». В тот же день газетам стало известно, что, сбежав из Нового Орлеана, Новелл прямым ходом отправился в Лэнгли, штаб-

квартиру ЦРУ. Роль ЦРУ в подготовке убийства Джона Кеннеди вырисовывалась все яснее, но доказать это на суде становилось все труднее — свидетели исчезали один за другим.

Наконец последний и самый болезненный удар был нанесен Гаррисону уже перед самым судебным процессом над Клеем Шоу. Засланные к нему в офис люди ЦРУ украли или уничтожили значительную часть собранных окружным прокурором документов и вещественных доказательств.

Естественно, что в такой обстановке Гаррисон оказался безоружным, и суд признал Клея Шоу невиновным.

«Любопытно, — думал Билл Саундрелл, — поставлена ли на этом точка в деле об убийстве президента Кеннеди? Или пройдет какое-то время, и выплывут на поверхность новые документы, новые свидетели?»

По ночам в снах Билла Саундрелла все эти факты, связанные с убийством Кеннеди, самым причудливым образом путались с загадками его собственного расследования. Рядом с таинственными людьми, крадущими документы или убивающими опасных свидетелей в Далласе и Новом Орлеане, возникали старомодные, но не менее зловещие силуэты Стентона, Бейкера, Эккерта.

А однажды утром Билл, выглянув в окно, увидел напротив своего дома двух мужчин какой-то специфической внешности, которые откровенно разглядывали его. Они были одеты в одинаковые пальто, одинаковые шляпы, низко надвинутые на глаза, и лица у них казались похожими — нагловатыми и самоуверенными. Неприятное подозрение кольнуло Билла — неужели следят за ним? Кому и зачем он нужен? Бред какой-то! Потом он припомнил беседу с деканом, обыск в своей квартире, и на душе стало мутно. Все-таки Билл решил проверить свои подозрения. Он вышел из дома и направился к стоянке, где парковал обычно свою скромную машину. Незнакомцы, ничуть не скрываясь, последовали за ним. Билл, сев за руль, увидел, что они прыгнули в черный «форд», стоящий поодаль, и тут же пристроились за его машиной. Так продолжалось весь день: куда бы ни шел, куда бы ни ехал Саундрелл, молодцы с нагловатыми рожами неотступно следовали за ним.

Под вечер, когда Билл вернулся домой из архива муниципалитета, его ожидал новый сюрприз — все в квартире было перевернуто вверх дном, книги сброшены с полок, бумаги, вырезки вытряхнуты из папок и разбросаны по

полу. Билла затрясло от ярости, и он бросился к телефону — звонить в полицию. Полицейские вскоре приехали, они были вежливы и деловиты. Осмотрели замок на двери, констатировали, что он не был взломан, а вполне аккуратно открыт ключом или отмычкой, никаких отпечатков пальцев нигде не обнаружили. Отвечая на их вопросы, Билл вынужден был признать, что преступники ничего не похитили. Полицейские понимающе переглянулись и отправились восвояси, пообещав, что расследование будет проведено должным образом.

Стив и Джин застали Билла за уборкой, лицо у него было словно каменное, только желваки ходили под кожей, когда он рассказывал о событиях сегодняшнего дня.

— Да, — покачал головой Стив, — дела принимают серьезный оборот.

— Но ты можешь объяснить, — взорвался Билл, — какого черта им нужно было у меня? Если даже они искали мои материалы, совершенно необязательно было устраивать в квартире такое безобразие!

— Думаю, что дело в другом, — ответил Стив. — И эта открытая демонстративная слежка и этот обыск, скорее похожий на погром, преследовали иную цель.

— Какую же? — вмешалась Джин, которая уже сидела на полу и разбирала рассыпанные бумаги.

— Скорее всего, Билла хотят запугать. В свое время ФБР деликатно намекнуло ему через декана, чтобы он бросил свои изыскания. Намек не подействовал, так теперь они, видимо, решили припугнуть его всерьез, показать свои когти.

— У них ничего не получится, — твердо сказал Билл. — Я не отступлю. А вот Джин я, пожалуй, вывел бы из нашей игры.

— Нет, Билл, — сказала Джин, поднимаясь с пола, — я начну презирать себя, а это еще страшнее. Я так много в последнее время узнала, что чувствую себя сильнее их. Я — рядом, Билл, знай это!

— Спасибо, рыжая, — растроганно произнес Саундрелл и церемонно поцеловал руку девушке.

С упорством, которого он сам в себе не подозревал, Билл Саундрелл продолжал копаться в архиве отдела регистрации завещаний филадельфийского муниципалитета. И вот он, момент триумфа! Билл сдвинул очередную кипу старых

книг и обнаружил под ними папку, на которой от руки было написано: «Протокол слушания дела об утверждении бумаги, представленной как приписка к завещанию Лафайетта Бейкера, покойного». Слушание происходило в течение двух дней — 14 и 15 октября 1872 года.

Пожелтевшие от времени листы плотной бумаги, на которых равнодушная рука протоколиста торопливо записывала ход судебного разбирательства, вопросы адвокатов, ответы свидетелей. Мог ли думать протоколист, с какой жадностью спустя сто лет набросится на его записи историк-любитель?

Слушание началось с того, что адвокат Лауры Дюваль спросил мисс Элизабет Бейкер — дочь покойной Мэри Бейкер, почему приписка к завещанию Лафайетта Бейкера не была своевременно представлена для утверждения. Ведь ее мать наверняка знала о существовании документа: она сама подписала его как свидетельница.

Элизабет Бейкер объяснила, что она только недавно нашла эту незарегистрированную приписку и шесть ящиков книг и бумаг генерала Бейкера среди вещей своей покойной матери.

— А когда ваша мать получила приписку к завещанию? — спросил адвокат.

— Когда дядя Лаф умер, — отвечала Элизабет Бейкер, — мать пошла к ним, чтобы помогать там во всех хлопотах. Мать взяла двух негров — надо было перенести какие-то ящики из дома дяди Лафа в наш дом. Она сложила все это на чердаке. Мне помнится, что там было десять или двенадцать тяжелых деревянных ящиков. Каждый из них могли поднять лишь двое сильных мужчин.

Тогда адвокат Роджерс начал расспрашивать Элизабет Бейкер о материальном положении их семьи. Мисс Бейкер отвечала, что, когда она была маленькой, семья их была совсем бедной, отец работал в наемной конюшне.

Следующий вопрос адвоката:

— Что представляло собой состояние вашей матушки, когда она умерла?

Мисс Бейкер постаралась уйти от ответа. Восемь раз адвокат задавал ей вопрос, и каждый раз она увиливала, находя все новые отговорки: дескать, она не может дать точный ответ, не может припомнить сумму, окончательные подсчеты еще не сделаны.

Адвокат Роджерс настаивал:

— Мисс Бейкер, нас не интересуют точные цифры. Во сколько примерно оценивалось состояние вашей матушки?

Наконец мисс Бейкер выдавила из себя — состояние ее матери оценивалось примерно в четверть миллиона долларов. Билл Саундрелл представил себе, как изумлены были все присутствовавшие на этом судебном разбирательстве. Откуда бедная женщина, вдова, могла получить такую огромную сумму денег? Мисс Бейкер заявила, что она ничего не знает.

Но как раз этот вопрос больше всего интересовал прямых наследников генерала Бейкера. Их совершенно не волновала судьба бумаг и книг покойного, но они были уверены, что у генерала имелось тайное состояние, которое, согласно его завещанию, предназначалось им, но которым, по всей видимости, завладела Мэри Бейкер. Их адвокат Уолтер Маршалл стремился доказать, что в последние месяцы своей жизни генерал Бейкер был ненормален: об этом, в частности, свидетельствует его уверенность, что с ним хотят расправиться. А Мэри Бейкер, воспользовавшись болезненным психическим состоянием генерала, захватила припрятанное им богатство.

Лаура Дюваль сама в суд не явилась. Видимо, она не хотела афишировать свои отношения с покойным. И без того ее репутация на процессе выглядела не лучшим образом. Дочь Мэри Бейкер, мисс Элизабет, говорила, что Лаура Дюваль часто навещала генерала во время его длительной болезни, приносила ему цветы и «была очень добра к нему». При этом она не упустила случая сказать, что жена покойного «очень ревновала и говорила много грязных слов о мисс Дюваль».

Потому ли, что Лаура Дюваль не хотела, чтобы память о ее покойном друге чернили разговорами о его психической болезни, то ли потому, что она добивалась признания законности приписки к завещанию, но она потребовала вызова в качестве свидетеля доктора Уильяма Рикардса, почетного гражданина Филадельфии.

Доктор Рикардс показал, что он был лечащим врачом и другом генерала Бейкера примерно с 1850 года. Когда адвокат Роджерс спросил доктора Рикардса о психическом состоянии Бейкера перед самой его смертью, тот твердо заявил:

— Он был совершенно нормален. Он страдал от сильных болей и каждые четыре часа принимал обезболивающее лекарство, но это не влияло на ясность его ума.

Тогда адвокат наследников Уолтер Маршалл, стремясь все-таки поставить под сомнение психическое состояние Бейкера незадолго до смерти, стал допрашивать доктора

Рикардса, не высказывал ли генерал опасений за свою жизнь.

Ответ был неожиданным и заставил сердце Билла Саундрелла забиться от волнения.

— Неоднократно, — сказал доктор Рикардс. — И не без основания. В него стреляли, и кто-то несколько раз нападал на него с ножом. За два дня до рождества 1867 года я перевязывал ему ножевую рану. Я наложил шесть швов, и потребовалось шесть месяцев, чтобы рана зажила. Удар был нанесен сквозь пальто, рубашку и нижнее белье.

— А вы можете с уверенностью утверждать, что это не была попытка самоубийства? — спросил адвокат Маршалл.

— Я знаю много попыток самоубийства, — отпарировал доктор Рикардс, — но я никогда не видел, чтобы человек, пытавшийся покончить с собой, делал это одетым в тяжелое пальто.

Далее доктор Рикардс рассказал, что примерно 27 декабря 1867 года он оперировал Бейкера, когда пуля попала в дверцу его экипажа и осколком ранило ему лицо. Через несколько дней, 5 января 1868 года, Бейкер пришел к нему и пожаловался на нервы, сказав, что пережил в последнее время два покушения и к тому же больше недели за ним идет слежка. Доктор дал ему успокоительное лекарство и вышел из дома сразу вслед за генералом.

— Когда я вышел, то увидел человека, который прятался в аллее и следил за генералом Бейкером. На улице, за углом, я заметил другого подозрительного человека. Они оба, несомненно, следили за генералом. Не надо быть сыщиком, чтобы распознать мерзавцев, шпионящих за честным человеком.

Тут в ход судебного разбирательства вмешался некий мистер Смолвуд, который представился как государственный детектив и агент военного министерства. Он начал объяснять доктору Рикардсу, что работа сыщика — высокое искусство.

— Если указанные вами люди действительно следили за генералом, вы не заметили бы, что они за ним следят.

Это вмешательство, да, видимо, и само присутствие агента военного министерства на сугубо гражданском процессе, вызвало явное раздражение у председательствующего.

— Мистер Локвуд, — прервал он детектива, — вы здесь не свидетель, а допрашивающий. Прежде чем дать показания, вы должны принести клятву и занять свидетельское

место. В противном случае или задавайте вопросы, или помолчите.

— Моя фамилия Смолвуд, — обиженно возразил детектив.

— Так вот, мистер Локвуд, или задавайте вопросы, или сядьте на место.

Любопытно, подумал Билл Саундрелл, а ведь этот агент военного министерства сам себя разоблачил. Доктор Рикардс ни слова не сказал, что за генералом Бейкером следили правительственные сыщики. Откуда ему знать? Могли оказаться и бандиты, которых кто-то нанял. А вот мистер Смолвуд знал, что это были агенты военного министерства, иначе не стал бы так рьяно защищать честь мундира.

Доктор Рикардс продолжал рассказывать о покушениях на генерала Бейкера. После того как Бейкер покинул его хирургический кабинет, на генерала набросились и пытались, избив, втолкнуть в экипаж. Выручил его случайно оказавшийся поблизости полицейский.

— Когда меня вскоре вызвали, чтобы лечить генерала, я обнаружил, что он жестоко избит. После покушения у дома Бейкера на некоторое время поставили полицейского, а офицер сопровождал генерала в течение нескольких недель, куда бы он ни шел.

После таких показаний доктора Рикардса стало ясно: попытки изобразить Бейкера умалишенным лишь потому, что он часто говорил об опасности, угрожавшей его жизни, бесплодны. Не оставалось никаких сомнений, что генерала в последнее время действительно не раз пытались убить. Тогда адвокат наследников Бейкера Маршалл избрал другую тактику. Видимо, наследники подозревали, что генерал был отравлен, и Маршалл начал допытываться у доктора Рикардса о причинах смерти Бейкера.

— Мой пациент умер от менингита, последовавшего за длительной тифозной лихорадкой, — заявил доктор. — Он заболел 12 января 1868 года и болел до 1 февраля. Потом он начал поправляться, но 14 февраля у него опять появились симптомы тифозной лихорадки. Состояние без всякой видимой причины ухудшилось. Я отнес это за счет его ослабленного организма. При сильной лихорадке, вызываемой тифом, часто бывает рвота, но у генерала Бейкера не было сильной лихорадки, и тем не менее у него часто бывала рвота, даже когда он чувствовал себя совсем хорошо. Был такой случай, когда он весь день провел на ногах и сказал, что у него разыгрался аппетит. Он съел ужин, его

стало рвать. После этого в течение нескольких дней он очень плохо себя чувствовал.

Адвокат Маршалл продолжал настаивать, чтобы доктор Рикардс признал: причиной смерти генерала могло быть и отравление. И тут прежняя категоричность Рикардса сменилась неуверенностью.

— Со строго медицинской точки зрения отрицать возможность отравления нельзя. Но я знаю, что это не так. Никто не мог и не хотел его отравить.

Вопрос адвоката Маршалла:

— Симптомы болезни совпадают с симптомами, вызываемыми каким-либо известным ядом?

Ответ доктора Рикардса. Да.

Вопрос. Каким ядом?

Ответ. Мышьяком.

Вопрос. Иными словами, симптомы, имевшиеся у генерала Бейкера, более похожи на отравление мышьяком, чем на тифозную лихорадку?

Ответ. Да.

Вопрос. Значит, возможно, что генерал Бейкер умер от отравления мышьяком?

Ответ. С медицинской точки зрения да. Но я знаю, что он не был отравлен.

Вопрос. Откуда вы это знаете?

Ответ. Ни у кого не было такой возможности.

Под напором адвоката Маршалла доктор Рикардс признал, что у него самого одно время возникала мысль, что генерала Бейкера травил мышьяком.

— Генерал начал испытывать сильные головные боли. Я приложил ему за уши пиявки. Они присосались и тут же отвалились. Я их опять приложил, и они вновь отвалились. Я вернул их в аптеку и взял другие. С ними произошло то же самое. Я понаблюдал за партией последних пиявок и обнаружил, что они вскоре умерли. Такое могло случиться, если в крови больного присутствовал яд.

Тогда доктор Рикардс, как он рассказал на суде, отправил лекарства, принимаемые генералом, на анализ не тому фармацевту, который их готовил, а другому. Анализ не показал признаков мышьяка.

— После консультации с моим помощником я пришел к заключению, что все это могло произойти и в результате тифозного отравления.

Следующей свидетельницей, показания которой еще больше заинтересовали Билла Саундрелла, была мисс Кэт-

лин Хоукс — служанка в доме генерала Бейкера последние полгода перед его смертью.

Прежде всего она твердо заявила, что ее хозяин «был так же нормален, как мы с вами». Боялся за свою жизнь? А интересно, как же не бояться, когда в феврале генерала на ее глазах пытались застрелить!

— Генерал стоял у окна, и кто-то выстрелил в него. Пуля чуть не попала в него и вошла в стену рядом с моей головой.

Хозяин объяснил ей, что старые друзья хотят расправиться с ним, поскольку у него есть бумаги, которые отправят их в тюрьму.

— К нему приходил некий мистер Кобб, и после его визитов генерал всегда был в дурном настроении. Однажды он мне сказал, что мистер Кобб мечтает увидеть его мертвым. В другой раз он сказал, что мистер Кобб хочет заполучить у него какие-то важные бумаги. Как-то я слышала, мистер Кобб заявил хозяину: «Наше терпение кончается, Бейкер. У вас осталось немного времени».

В ходе допроса мисс Хоукс выяснилось также, что она была единственным человеком, который видел спрятанное состояние генерала Бейкера. Она рассказала, как однажды попросила у хозяина восемь долларов, которые ей причитались. Генерал дал ей ключ и послал на чердак принести оттуда железный ящик.

— Он снял маленький ключик, висевший у него на шее на цепочке, вставил в замок и откинул крышку. Ящик был полон деньгами — все новые, по пятьдесят, по сто долларов, обернутые в полоски бумаги.

И наконец, самыми важными для Билла Саундрелла оказались свидетельские показания коммивояжера Уильяма Картера. Он показал, что в годы войны служил под начальством Лафайетта Бейкера, в последний раз видел его 30 июня 1868 года — за несколько дней до смерти — и нашел своего бывшего шефа «в хорошем настроении». Психически генерал был совершенно нормален. «Но он сказал кое-что меня удивившее. Когда я вошел в комнату, то заметил у него около постели пачку книг, одну из которых он держал в руках, помечая в ней что-то карандашом: «Я пишу мемуары». Я переспросил, не поняв, и он повторил свои слова. Тогда я сказал: «Но, генерал, эти книги уже написаны». «Правильно, — сказал он, — им придется встать пораньше, чтобы опередить старого Лафа Бейкера!» — И стал смеяться. Я взял одну из книг, стал листать ее и увидел, что там написан шифр. Этот шифр мне был

совершенно неизвестен. Когда я во время войны служил в Национальной тайной полиции, то учился разбирать шифры и писать ими, но я никогда не видел ничего похожего на его записи. Я спросил, что это такое, но он в ответ только рассмеялся. Все время, которое я провел у него, он продолжал свои занятия. Я поднял одну из книг и посмотрел название. Это был английский военный журнал, в нем оказался рассказ, который меня заинтересовал. Я сказал об этом, и он дал мне книгу, чтобы я мог прочитать рассказ дома».

Вопрос адвоката. И в этой книге был шифр?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы когда-нибудь пытались расшифровать его?

Ответ. Я не сумел.

Тут опять вмешался таинственный мистер Смолвуд:

— По поручению военного министерства Соединенных Штатов я хотел бы войти с ходатайством, чтобы все бумаги, содержащиеся в шести ящиках, найденных покойной Мэри Бейкер, были переданы военному министерству. Документы украдены из архива военного министерства много лет назад, они представляют ценность для правительства.

Председательствующий ответил, что в таком случае документы должны быть зачитаны вслух для протокола, и, если мистер Смолвуд докажет, что они были украдены из архива и представляют ценность для правительства, военное министерство получит их.

Такое предложение явно перепугало мистера Смолвуда, и он поспешно заявил:

— Желание правительства заключается в том, чтобы эти документы оставались секретными.

Его ходатайство суд отклонил.

Последним документом в этой бесценной папке, бесконечно обрадовавшим Билла Саундрелла, оказалась опись книг, обнаруженных в ящиках покойного генерала Бейкера. В этой описи перечислялись десять томов журналов за 1858—1868 годы, пять томов переплетенной корреспонденции и двадцать два тома фотографий. Среди них были переплетенные номера журнала «Колбарн юнайтед сервис мэгэзин» за 1860—1865 годы с одним примечательным исключением — том за первую половину 1864 года не числился! Тот самый том, в котором Бейкер зашифровал фамилии заговорщиков. Видимо, именно его-то Бейкер и дал почитать своему бывшему подчиненному Картеру.

Билл Саундрелл удовлетворенно вздохнул. Все сходилось.

— Билл Саундрелл! — торжественно сказала Джин, когда они со Стивом Чейзом прочитали фотокопии найденного Биллом с таким трудом дела о наследстве Лафайетта Бейкера. — Ты совершил научный подвиг. Твое имя войдет в историю. Тебя увенчают лаврами и засыплют премиями все исторические общества мира.

— Ну, не надо преувеличивать, — улыбнулся Стив Чейз. — Но ты, Билл, действительно молодец. Ты проявил упорство и терпение настоящего историка, историка по призванию.

— Значит, ты считаешь, — спросил, расцветая от похвал друзей, Билл Саундрелл, — теперь мы можем опубликовать статью?

— Пожалуй, можем, — согласился Стив. — Только публиковать статью ты будешь за своей подписью. Честь этой находки принадлежит тебе, ты и должен получить все комплименты. Или ругань, — улыбнулся он. — Не исключено, что тебя будут обзывать самыми нехорошими словами.

— Я не согласен, — воскликнул Билл. — Мы все занимались этим делом и статью должны написать вместе и все ее подписать.

— Нет, Билл, — вмешалась Джин. — Мы только помогали, главная заслуга принадлежит тебе. А написать статью мы, конечно, поможем.

— А пока что, — сказал Стив, — попробуем спокойно и хладнокровно проанализировать, какие выводы позволит сделать последняя находка Билла.

— А что тут анализировать! — возразила Джин. — Просто она подтверждает все наши предположения!

— Вот я и хочу разобраться, какие именно, — спокойно отпарировал Стив. — Во-первых, этот судебный протокол доказывает, что зашифрованные записи в журнале действительно были сделаны Бейкером. Журнал находился в собственности Бейкера, и, учитывая показания бывшего его подчиненного Картера, можно считать несомненным, что они подлинные. Во-вторых, подтверждается, что Лафайетт Бейкер действительно в эти последние годы опасался за свою жизнь, и не без оснований. Значит, здесь он в своих записях ничего не придумывал. Можно также считать установленным, что Бейкер обладал некими бумагами, которые сильно компрометировали кого-то из высокопоставленных лиц в военном министерстве. Присутствие на су-

дебном разбирательстве государственного детектива Смол-вуда — явное тому доказательство.

— Мало тебе? — шутливо спросил Саундрелл.

— Не то чтобы мало... Бумаг этих у нас нет, и, по всей вероятности, их нет уже в природе. Тайная полиция должна была в конце концов найти их. Надо полагать, что они уничтожены. Так что твои оппоненты, Билл, а их, поверь, будет немало, могут запросто поставить под сомнение слова Бейкера о существовании заговора в Вашингтоне. Как доказано многими историками, в своих мемуарах Бейкер не раз врал. Следовательно, он мог соврать и в своих шифрованных записях.

— Но ведь собранные нами факты об убийстве Линкольна, бегстве Бута, его убийстве, о суде над его сообщниками, о Джоне Саррете — все они доказывают наличие заговора, — несколько растерянno сказала Джин.

— И я теперь уверен, что заговор против Линкольна существовал и во главе его стоял военный министр Стентон, — согласился Стив. — Но все наши выкладки, к сожалению, только косвенные, а не прямые доказательства. Кстати, я нашел еще одно косвенное свидетельство. Сын Линкольна, Роберт, умер в 1926 году и незадолго до смерти сжег большой архив — письма отца и его личные документы. Один из друзей Роберта — Янг, увидев, как Роберт уничтожает бумаги отца, стал горячо протестовать. На это Роберт Линкольн ответил, что бумаги, которые он сжег, содержали документальное свидетельство предательства одного из членов кабинета Линкольна. И добавил, что он думает, для всех будет лучше, если эти документы будут уничтожены. Об этом Янг написал в своих мемуарах.

— Вот видишь, — взорвался Билл, — ты сам себе противоречишь! Еще одно доказательство!

— А я так и сказал. Да, еще одно доказательство, но опять-таки косвенное. Имя Стентона здесь не упомянуто. Успокойся, я не собираюсь опровергать всю проделанную нами работу. Я сам верю, что факты, собранные нами, подтверждают: руку Бута направляли могущественные люди во главе со Стентоном. Но я хочу предугадать доводы тех, кто будет опровергать твою статью со всеми нашими заключениями.

И Билл Саундрелл засел за статью. Как-то так само собой получилось, что помогала ему главным образом Джин.

Это не значило, что Стив Чейз устранился. Но Джин все время была рядом с Биллом: они сидели за одним письменным столом, вместе отделяли и обсуждали каждую фразу, спорили, иногда даже ссорились, однако быстро мирились и продолжали дружно трудиться.

Наконец статья была закончена и вместе с заверенными фотокопиями найденных Биллом документов отправлена в «Сивил уор таймс», солидный научный журнал, целиком посвященный истории Гражданской войны в Соединенных Штатах.

Ожидание, как всегда в таких случаях, оказалось томительным. Но все терзания и сомнения были позабыты в тот день, когда почта доставила Саундреллу пухлый номер журнала с напечатанной в нем статьей. Друзья отметили это событие ужином в одном из лучших филаделфийских ресторанов.

Едва ли не каждая серьезная газета и журнал в США откликнулись на статью рецензиями. У Билла брали интервью, он выступал по телевидению, ему писали ученые-историки. Многие отмечали научную достоверность статьи. Но в других газетах доказывалось обратное. Больше всего писалось о том, что если шифрованные записи действительно сделаны Бейкером, то он, скорее всего, придумал этот заговор для того, чтобы бросить тень на своих врагов.

Прогрессивные газеты использовали статью Саундрелла, проводя параллель между убийствами Линкольна и Джона Кеннеди и настаивая на том, что Кеннеди тоже пал жертвой хорошо организованного заговора.

Для Билла Саундрелла вся эта шумиха обернулась довольно неожиданно. Впрочем, неожиданно ли? Однажды его вызвал декан факультета и сообщил, что совет попечителей университета ввиду шумной деятельности Саундрелла, не имеющей ничего общего с химической наукой, считает невозможным дальнейшее его пребывание в университете в качестве преподавателя.

— Я уволен, — сообщил Билл друзьям. — Наши друзья из ФБР в конце концов достали меня. Им не удалось запугать нас. Им не удалось помешать публикации наших документов. Они решили хоть так отомстить мне.

— Возмутительно! — разволновалась Джин. — Это произвол, с ним надо бороться!

— Нет, Джин, — мягко возразил Билл. — Не буду. Почему? Объясню. Я всегда был человеком довольно робким, когда решалась моя судьба. В свое время я подчинился желанию отца и пошел учиться на химика, хотя мечтал по-

святить себя истории. Так и плыл бы по течению, если бы не натолкнулся на записи Бейкера. Вряд ли я решился бы перевернуть свою жизнь, бросить химию и заняться историей. Жизнь решила за меня...

— Скромность украшает, но не чрезмерная, — заметил Стив. — Ты оказался истинным историком-исследователем. А в истории с ФБР проявил себя настоящим бойцом, не убоявшись их угроз.

— Да, уж этой конторе я ничего не прощу, они меня еще припомнят! — выпалил Билл. — Они со мной еще будут иметь дело!

— Ты что имеешь в виду? — спросил Стив. — И чем ты вообще собираешься заниматься? На жизнь-то надо зарабатывать?

— Исследование об убийстве Кеннеди — вот что я имею в виду! Вот чем собираюсь заниматься! — ответил Билл Саундрелл и вдруг улыбнулся: — А премию от исторического общества мне так и не дали.

— Премию? — неожиданно серьезно сказала Джин. — Ты получил такую премию, как я! Тебе мало?

— О чем ты говоришь? — растерянно спросил Билл.

— Дорогой мой друг, — сказал Стив, — не будь ребенком. Мне не очень весело было это услышать, но Джин Карри говорит, что она согласна стать твоей женой. Хотя это явное нарушение процедуры: насколько я знаю, ты не делал Джин официального предложения.

— Джин, это правда? — неуверенно спросил Билл.

— Конечно, правда, — спокойно ответила Джин. — И я не понимаю, почему ты сидишь в кресле, вместо того чтобы бежать за шампанским.

Грибанов Б. Т

Г82 Пуля для президента: Документальная повесть. — М.: Воениздат, 1984. — 136 с.

В пер.: 25 к.

Повесть воспроизводит подлинные события, связанные с раскрытием заговора и убийства президента США Линкольна в 1865 году. Параллельной темой проходит убийство президента Кеннеди в 1963 году и система политического терроризма в Америке.

Книга рассчитана на массового читателя.

Г 4702010200-103
068(02)-84 БЗВ № 13-2-83

ББК 84Р7

Р2

Борис Тимофеевич Грибанов

ПУЛЯ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Редактор *С. И. Смирнов*
Художник *А. И. Сухоруков*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Е. В. Григорьева*

ИБ № 2308

Сдано в набор 28.06.83. Подписано в печать 30.07.84.

Г-60554. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. общ. нов. нов. нов.

Печать высокая. Печ. л. 4 1/4. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,46.

Уч.-изд. л. 7,97. Изд. № 4/9189. Тираж 100 000 экз. Зак. 356. Цена 25 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

К ЧИТАТЕЛЯМ!

**Военное издательство просит
присылать отзывы об этой книге
по адресу: 103160, Москва, К-160**

25 к.

